

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**РУССКИЕ КНИГИ
И
БИБЛИОТЕКИ**

в XVI—первой половине XIX века

Ленинград
1983

Ордена Трудового Красного Знамени
БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ НАУК СССР

РУССКИЕ КНИГИ И БИБЛИОТЕКИ
в XVI—первой половине XIX века

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ленинград • 1983

Редколлегия:
Г. В. БАХАРЕВА, А. А. ЗАЙЦЕВА, С. П. ЛУППОВ (отв. ред.),
Н. А. НИКИФОРОВСКАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Русские книги и библиотеки в XVI—первой половине XIX века» продолжает серию аналогичных изданий Библиотеки Академии наук СССР, выходящих с 1965 г.¹ В сборник вошло 11 статей по различным проблемам истории русской книги: рукописная книжность (статьи Н. Н. Розова и Н. Ю. Бубнова), распространение книг в России и книготорговля (статьи Н. А. Копанева, Д. В. Тюличева, А. А. Зайцевой, О. Е. Глаголевой), книгопечатание (статьи А. А. Амосова, С. П. Луппова), книжные собрания (статьи П. И. Хотеева, Т. П. Самсоновой), вопросы цензуры (статья В. А. Сомова).

Сборник открывается статьей А. А. Амосова о тиражах русских изданий XVI—начала XVII в. Автор ставит перед собой вполне конкретную задачу — помочь читателю определить тиражи книг, поскольку эти очень нужные для исследователей данные в ту эпоху на самих изданиях не проставлялись. В статье Н. Н. Розова «О культурно-историческом значении рукописной книги после введения книгопечатания в России» выясняются причины долговременного сосуществования на Руси рукописной и печатной книги. Прочность позиций русской рукописной книги объясняется особенностью русского книгопечатания, в течение долгого времени находившегося в ведении церковных и светских властей, в то время как на Западе книгопечатание с самого своего возникновения находилось в частных руках. В статье Н. Ю. Бубнова «Книготворчество московских старообрядцев XVII века» раскрывается интересная страница из истории русской культуры допетровской эпохи — попытка русских старообрядцев разъяснить свои взгляды возможно

¹ Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. [Вып. 1]. Л., 1965. 340 с.; Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. [Вып.] 2. Л., 1970. 344 с.; Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. [Вып.] 3. Л., 1973. 496 с.; Рукописные и редкие печатные книги в фондах Библиотеки АН СССР. Л., 1976. 160 с.; История книги и издательского дела. Л., 1977. 160 с.; Книгопечатание и книжные собрания в России до середины XIX в. Л., 1979. 171 с.; Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI—XIX вв. Л., 1979. 172 с.; Книжное дело в России в XVI—XIX вв. Л., 1980. 176 с.; Книготорговое и библиотечное дело в России в XVII—первой половине XIX в. Л., 1981. 158 с.; Книга и библиотеки в России в XIV—первой половине XIX в. Л., 1982. 164 с.

большому числу людей путем создания и широкого распространения специально изготовленных ими рукописных книг.

Четыре статьи сборника посвящены проблемам книготорговли. Н. А. Копанев строит свою статью о распространении иностранной книги в Петербурге в первой половине XVIII в. на материалах изученных им книготорговых каталогов академической книжной лавки. В статье Д. В. Тюлчева использованы сохранившиеся архивные материалы: автор приводит сведения о продаже в Москве изданий Академии наук. А. А. Зайцева, также на основе архивных материалов, дает очерк деятельности петербургской книжной лавки за совершенно еще не исследованный период — конец XVIII в. О. Е. Глаголева воссоздает картину книготорговли в Тульской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в.

Две статьи сборника посвящены истории книжных собраний. П. И. Хотеев публикует найденную им опись библиотеки, принадлежавшей создателю русского фарфора, другу М. В. Ломоносова Д. И. Виноградову, и дает обзор этого интересного книжного собрания. Статья Т. П. Самсоновой знакомит читателя с историей не совсем обычного учебного заведения, созданного в конце XVIII в. в Петербурге, — «Корпуса чужестранных единоверцев», его библиотеки и типографии.

Новые данные по истории типографии Академии наук в середине XVIII в. содержатся в статье С. П. Луппова. Эти данные касаются в основном двух интересных проблем — штата типографии (сведения о мастеровых людях, их расстановке на работе и т. д.) и определения тематики изданий типографии, а также роли, которую играли в этой типографии заказные издания.

Статья В. А. Сомова посвящена вопросам русской цензуры XVIII в. Автор дает подробную картину тех ограничений, которые создавались в Российской империи правительством Екатерины II, а затем Павла I при распространении сочинений французских авторов о России (французская «Россика»). В конце сборника имеется раздел «Новые находки». Здесь сообщается о секретном издании Академии наук 1748 г., которое выдавалось за иностранное и усиленно навязывалось для продажи в Петербурге и в Москве академическим книжным лавкам.

Редакционная коллегия сборника выражает надежду, что публикуемые в сборнике статьи окажутся полезными для всех, кто занимается прошлым нашей книги. Библиотека Академии наук СССР продолжает работу по подготовке новых тематических сборников по истории книги и очень заинтересована в отзывах читателей. Все отзывы и пожелания просьба посылать по адресу: 199164, Ленинград, Биржевая линия, 1. Библиотека Академии наук СССР. Научно-исследовательский отдел истории книги.

А. А. АМОСОВ

ЗАМЕТКИ О МОСКОВСКОМ СТАРОПЕЧАТАНИИ

К вопросу о тиражах изданий XVI — начала XVII века

Старопечатные московские издания, являющиеся выдающимися памятниками отечественной культуры, давно и справедливо привлекают внимание ученых. В последние десятилетия возобновился более или менее регулярный выпуск в свет каталогов отдельных собраний старопечатных книг в разных городах страны; ведется работа и над Сводным каталогом изданий кириллического и глаголического шрифтов. Первенцы печатного станка изучаются историками книги, искусствоведами, полиграфистами. Предметами исследований становятся технология раннего книгопечатания, орнамента старопечатных изданий, язык первых тиражированных книг, самые различные вопросы, связанные с распространением и бытованием печатной книжности и т. п.

Однако во всей предшествующей научной литературе практически не исследовался вопрос о количестве печатаемых экземпляров ранних памятников издательского дела. Существующие представления о тиражах первых московских изданий, в том числе о так называемом «нормативном тираже» в 1200 экз., либо выводятся из достоверных (подтверждаемых документальными материалами) известий о тиражах книг в середине — второй половине XVII в., либо базируются на весьма шатких предположениях, не подкрепляемых ни документальными данными, ни анализом внутренних признаков первопечатных книг.

Между тем вопрос о тиражах изданий XVI — начала XVII в. является вовсе не таким отвлеченным, как то может показаться с первого взгляда. Думается, что нет нужды слишком подробно перечислять все проблемы, решение которых в той или иной степени связано с тиражами ранних изданий. Это и моменты истории бытования книг (обеспеченность запросов читающих, насыщенность книжного рынка, возможность свободной продажи или регламентированного распределения и т. п.),

и технические аспекты книжного дела (необходимое количество бумаги для издания конкретной книги, организация труда печатников, источники получения бумаги и типографских материалов и т. п.), и многие другие, возможно, и неожиданные стороны изучения истории отечественной культуры.

Наши первопечатники (как, впрочем, и их последователи, даже до новейшего времени) не имели обычая указывать тираж издания в выходных сведениях книги. Для времени с начала 1620-х гг. возможно установление тиража большей части напечатанных книг с помощью документов сравнительно хорошо сохранившегося архива Московского Печатного двора.¹ Для предшествующего более чем полувекового периода единственным источником возможных построений являются сами первопечатные издания, поскольку архивная документация утрачена практически полностью.

Думается, однако, что, используя современную методику ряда специальных исторических дисциплин, можно дать аргументированные суждения, находящие подтверждения в источниковой информации. В предлагаемых вниманию читателя заметках лишь одно положение принято автором в качестве аксиоматического — стабильность технологии книгопечатания и организации труда мастеров-печатников от времени Ивана Федорова до Петровской эпохи. Впрочем, и это положение, принимаемое без доказательства, при надлежащем внимании можно аргументировать. Говоря о стабильности технологии и организации, я предполагаю, что последовательность операций печатного процесса за все это время не претерпела сколько-нибудь заметных изменений, а разделение труда между наборщиками, собственно печатниками (батырщиками и тердорщиками) и разборщиками сложилось уже в ходе работ первых анонимных московских печатен.

Очевидно, что тираж издаваемой книги (возможно, с самого начала, и во всяком случае, со времени Михаила Федоровича, устанавливаемый царским указом об издании конкретной книги) теснейшим образом связан с временем, потраченным на печатный процесс, объемом издаваемой книги и дневной производительностью печатного стана в листопрогонах. Общая зависимость этих показателей может быть выражена следующей элементарной формулой:

$$T = \frac{N \cdot t}{2Vp}, \quad (1)$$

¹ Ныне в ЦГАДА. По материалам архива в литературе приводятся данные о тиражах отдельных изданий, см. в частности: Покровский А. А. Печатный Московский двор в первой половине XVII века. М., 1913, с. 55 и др.; Дупов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970, с. 34, 49, 56 и др.

где T — тираж книги;
 N — средняя дневная производительность стана в листопрогонах;
 t — время реальной работы по печатанию книги в днях;
 V_p — объем издания в печатных листах.

В данном случае, т. е. для периода XVI — нач. XVII в., искомым является T , определяемое при посредстве остальных показателей. Общее время работы над изданием (t_o) указано в послесловиях почти всех книг (исключая анонимные дофедоровские книги и известный лишь в трех дефектных экземплярах «Слободской Часовник» Андроника Невежи); нужное для вычислений реальное время (t_r) выводится по формуле:

$$t_r = t_o - t_v - t_p, \quad (2)$$

где t_v — число воскресных дней за период общего времени;
 t_p — число праздничных дней (в которые работы, согласно обычаям того времени, не производились) за тот же период.

Объем книги (V_p) в печатных листах (за «печатный лист» применительно к современной книгоиздательской терминологии, с незначительными коррективами, принимается оттиск на одной стороне реального бумажного листа условно-стандартного формата) легко высчитывается по формуле:

$$V_p = \frac{2V_b}{F}, \quad (3)$$

где V_b — общее количество листов (отпечатанных и чистых) в сформированном блоке книги, завершенной печатанием;
 F — формат книги в долях бумажного листа.

Средняя дневная производительность печатного стана в листопрогонах (N) при устойчивой и консервативной технологии по своему характеру должна быть показателем, близким к константе. Для периода конца XVII — начала XVIII в. средняя дневная производительность была регламентирована и составляла 2400 листопрогонов. Сколько-нибудь заметно за 100—150 лет она измениться не могла, однако для большей достоверности итоговых вычислений желательнее исчисление ее и для интересующего нас в данном случае периода. Это возможно по формуле:

$$N = \frac{2L}{t}, \quad (4)$$

где L — печатный листаж книги, определяемый (в соответствии с современной издательской терминологией) как произведение объема книги в печатных листах на тираж;
 t — время реальной работы по печатанию книги.

Всякие вычисления, в ходе которых производятся операции над выводимыми, усредняемыми величинами, чреватые скрытыми ошибками. В данных формулах лишь расчет объема издания в печатных листах (формула 3) дает величину ошибки до-

статочно малую, чтоб ею можно было просто пренебречь. Качественно выполненные библиографические описания старопечатных изданий в Сводном каталоге А. С. Зерновой позволяют устанавливать объем в печатных листах с совершенно ничтожным округлением до доли процента.

Дневная производительность печатного стана, разумеется, не была величиной совершенно неизменной и зависела прежде всего от квалификации и состояния мастера-печатника (тередорщика) и его ассистента батырщика. Однако, не совпадая совершенно за каждый отдельно взятый день, на протяжении достаточно длительного периода (в несколько месяцев) дневная производительность неизбежно скрадывает разбросы и как усредненная величина может быть принята в качестве вполне достоверной с возможной ошибкой в 1—2%.

Наибольшая возможная ошибка скрывается в исчислении времени реальной работы над книгой. Здесь каждый день, необоснованно прибавленный или отнятый от общего времени в исчислении конечного результата, дает ошибку от 0,5 до 1%, поскольку работа за день эквивалентна в количественном выражении 3—4 экземплярам книги формата 2°, соответственно возрастаая для форматов 4° и 8°.

Из сказанного следует, что наибольшей точности и осторожности требует установление времени реальной работы над печатанием книги, поскольку возможность скрытой ошибки здесь существенно большая, чем при всех прочих вычислениях.

К счастью для исследователей, одно сохранившееся издание интересующего нас сейчас периода сохранило в составе послесловия указание на тираж. Это Апостол, отпечатанный в Москве Андроником Невежей в 1597 г.: «А напечатано книг сих вкупе тысяча пятьдесят труды и снисканием многогрешного и непотребного раба Андроника Тимофеева сына Невежи и многих работавших любезными труды». Это драгоценное указание дает возможность исчисления средней производительности стана Невежи в листопргонах и, соответственно, тиражей других книг данного периода (т. е. XVI—нач. XVII в.) на документальной по существу основе.

Единственным (но и наиболее ответственным) показателем, требующим произведения сложных вычислений, для Апостола 1597 г. является время реальной работы. Наши предки на рубеже XVI—XVII вв. жили по календарю, не вполне совпадающему с современным. Воскресения и в ту далекую пору являлись днями нерабочими. Нерабочими же днями считались и многие церковные праздники, во время которых всякий истинно православный подданный московских государей неременной обязанностью полагал посещение богослужений и связанное с ним духовное очищение. От второй половины XVII в.

сохранилось даже особое расписание рабочих и праздничных дней, которым регламентировалась трудовая деятельность работников печатного двора.² По данным А. А. Покровского, обнаружившего данное расписание, в 1660 г. нерабочими являлись 52 воскресения, 11 царских дней (тезоименитств царя, царицы и царских детей), 29 праздников непереходящих и 23 праздника переходящих триодного цикла.

«Расписание 1660 г.» можно принять за основу при определении рабочего календаря конца XVI — начала XVII в. Необходимые коррективы могут быть внесены по данным церковных уставов этого времени (применительно к подробности и пышности последования церковнослужения) и по сравнению с практикой современного старообрядчества, сохранившего до наших дней дониконовское расписание праздников.

Учитывая показания соответствующих источников, можно утверждать, что на рубеже веков нерабочими являлись как минимум следующие дни (не считая воскресных):

— из праздников триодного цикла — четверг, пятница и суббота Сырной седмицы (Масленицы), шесть будних дней (с понедельника по субботу) первой седмицы Великого поста, шесть дней предпасхальной Страстной седмицы, шесть дней послепасхальной Светлой седмицы, Преполование (среда четвертой седмицы по Пасхе), Отдание Пасхи (среда шестой седмицы), Вознесение (четверг шестой седмицы), Духов день (первый понедельник по Пятидесятнице) — итого 25 дней триодного цикла;

— из праздников непереходящих безусловно нерабочими были важнейшие Господские и Богородичные дни, дни памяти наиболее почитаемых святых. Думается, что таковыми являлись — Новое лето (1 сентября), Рождество Богородицы (8 сентября), Воздвижение Креста (14 сентября), Покров (1 октября), Введение во храм (21 ноября), память Николая чудотворца (6 декабря, «Никола зимний»), Рождество Христово (25 декабря), Собор Богородицы (26 декабря), Обрезание (1 января), Богоявление (6 января), Сретение (2 февраля), Благовещение (25 марта), явление иконы Богородицы Владимирской (21 мая, установлен в честь избавления от нашествия Махмет-Гирея в 1521 г.), явление иконы Богородицы Владимирской (23 июня, установлен в честь избавления от нашествия Ахмата в 1480 г.), Рождество Иоанна Предтечи (24 июня), память первоапостолов Петра и Павла (29 июня), явление иконы Богородицы Казанской (8 июля, установлен в 1579 г.), память Илии пророка (20 июля), явление иконы Богородицы Смоленской (28 июля), Изнесение честных древ (1 августа), Преобра-

² Покровский А. А. Печатный Московский двор..., с. 35.

жение (6 августа), Успение (15 августа), Перенесение Нерукотворенного образа (16 августа), явление иконы Богородицы Донской (19 августа, установлен в честь избавления от нашествия крымских татар в 1591 г.), срежение иконы Богородицы Владимирской (26 августа, установлен в честь избавления от нашествия Тамерлана в 1395 г.), Усекновение главы Иоанна Предтечи (29 августа) — итого 26 дней, при условии выпадания их на будни.

Возможно, что во второй половине XVI и в начале XVII в. нерабочими днями являлись также 26 сентября (преставление Иоанна Богослова), 26 октября (память великомученика Дмитрия Солунского), 8 ноября (Собор архистратига Михаила и прочих бесплотных сил), 13 ноября (память Иоанна Златоуста), 26 ноября (освящение церкви великомученика Георгия у Золотых ворот в Киеве), 27 ноября (явление иконы Богородицы «Знамение» в Новгороде), 7 января (Собор Иоанна Предтечи), 30 января (Собор Трех святителей), 23 апреля (память великомученика Георгия), 8 мая (память Иоанна Богослова), 9 мая (перенесение мощей Николая чудотворца, «Никола вешний»). Данные праздники не относятся к числу «великих» или даже «средних», но необходимо учитывать особую популярность поименованных святых в доме последних Рюриковичей. Не лишним представляется отметить и то обстоятельство, что Николай чудотворец нашими первыми типографами рассматривался как своего рода патрон, а кремлевская церковь Николая Гостунского и в XVII в. была одной из немногочисленных корпораций, имевших право на бесплатный обязательный экземпляр.³

Невезинский Апостол, сохранивший для нас сведения о тираже, печатался с 21 мая 1596 г. по 4 июля 1597 г., т. е. в течение 410 дней. За этот период безусловно нерабочими были 109 дней (59 воскресений, 26 дней переходящих праздников, 24 праздника непереходящих). Возможно, что к этому числу следует прибавить еще 8 дней из числа тех праздников, о нерабочем статусе которых у нас нет должных данных, а также 2 дня тезоименитств царя Федора и царицы Ирины (о производстве работ в «царские дни» в этот период мы также не можем судить безоговорочно). В таком случае количество рабочих дней за время работы над Апостолом будет составлять либо 291 (минимум), либо 301 (максимум).

По формуле (4) легко установить, что средняя дневная производительность печатного стана Андроника Невежи составляла либо 2330,9278 листопрогона (если тираж книги печатался 291 день), либо 2253,4883 листопрогона (если на пе-

³ Покровский А. А. Печатный Московский двор..., с. 52.

чатание тиража было потрачено максимальное время, т. е. 301 день). Усредненная дневная производительность печатного стана по характеру своему должна быть величиной, приближающейся к константе. Приняв в этом качестве две установленные цифры для двух вариантов рабочего календаря второй половины XVI—начала XVII в. легко высчитать по формуле (1) и тиражи всех московских изданий, время работы над которыми сообщается в издательских послесловиях. Итоги вычислений представлены в прилагаемой к данной статье таблице.

Разумеется, тиражи первопечатных московских изданий, исчисленные по предложенной методике, не являются абсолютно достоверными и имеют лишь вероятностный характер. Однако пределы достоверности исчисленных тиражей достаточно значимы. Повышение точности определения исходных данных может лишь очень незначительно изменить их в ту или иную сторону, и изменения эти не выйдут за пределы установленных выше допусков.

Установление вероятностных тиражей ранних книг московской печати и анализ полученных цифр наводят на многообразные размышления. Впрочем, в рамках настоящего сообщения им уже нет места, и автор полагает возможным отложить их до следующей статьи задуманного и реализуемого в настоящее время цикла разработок по истории московского книгопечатания.

Ориентировочные тиражи точно датированных книг XVI — начала XVII в.

Значения граф: 1 — название и год выхода; 2 — формат в долях листа; 3 — общий объем блока в листах; 4 — общее количество дней, потраченных на производство книги; 5 — минимальное возможное количество рабочих дней; 6 — максимальное возможное количество рабочих дней; 7 — объем издания в печатных листах; 8 — возможный тираж при минимальном количестве рабочих дней и средней производительности стана 2330,9278 листопроегона; 9 — возможный тираж при максимальном количестве рабочих дней и средней производительности стана 2253,4883 листопроегона; 10 — количество учтенных до настоящего времени сохранившихся экземпляров (по литературным данным и личным наблюдениям на середину 1982 г.). Показатели тиража в графах 8 и 9 округлены до целого числа.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Апостол 1564	2°	268	318	230	242	268	1000	1017	50
Часовник 1565	8°	173	54	40	41	$43\frac{1}{4}$	1078	1068	2
Часовник 1565	8°	172	58	42	46	43	1138	1205	5
Псалтирь 1568	4°	297	288	206	216	$148\frac{1}{2}$	1617	1639	8
Псалтирь 1577	4°	281	226	165	176	$140\frac{1}{2}$	1369	1412	21
Триодь п. 1589	2°	470	690	485	503	470	1203	1206	41
Триодь ц. 1591	2°	566	456	325	339	566	669	675	32
Октоих 1594	2°	976	603	431	451	976	515	520	45
Апостол 1597	2°	323	410	291	301	323	1050	1050	26
Часовник 1598	8°	248	72	54	54	62	1015	981	2
Миняя общ. 1600	4°	594	392	275	290	297	1079	1100	24
Миняя общ. 1600	2°	340	404	280	295	340	960	978	23
Часовник 1601	8°	248	40	29	29	62	545	527	3
Служебник 1602	4°	452	405	271	286	226	1398	1426	83
Псалтирь 1602	4°	333	129	97	102	$166\frac{1}{2}$	679	690	18
Триодь ц. 1604	2°	644	490	342	356	644	619	623	39
Апостол 1606	2°	322	257	184	194	322	666	679	28
Евангелие 1606	2°	478	457	318	331	478	775	780	57
Триодь п. 1607	2°	507	897	626	660	507	1439	1467	34
Миняя сен. 1607	2°	331	214	158	165	331	556	562	29
Миняя окт. 1609	2°	324	480	339	349	324	1219	1214	28
Устав 1610	2°	1266	1211	839	873	1266	772	777	34
Миняя нояб. 1610	2°	391	413	289	300	391	861	865	36

Н. Н. РОЗОВ

О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ РУКОПИСНОЙ КНИГИ ПОСЛЕ ВВЕДЕНИЯ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В РОССИИ

В истории книги каждой страны четко разделяются два периода: до и после начала книгопечатания. Однако если в большинстве европейских стран начало книгопечатания сразу же нанесло удар по рукописной книжности, то особенностью истории русской культуры является то, что это событие далеко не сразу снизило роль рукописной книги в жизни общества.

Предпосылки долгого, почти тысячелетнего существования искусства рукописной книги начали складываться уже в первый век истории русской книги. Как и в других европейских странах, появление книги в России было связано с принятием христианства: первое упоминание в летописях о книгах на Руси датировано 988-м годом — годом крещения киевлян. Князь Владимир «послав нача поимати у нарочитые чади дети и даяти нача на ученье книжное» («посылал собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное»)¹. И массовое производство книг было начато его сыном Ярославом Мудрым, по свидетельству того же источника, из-за его любви к церковной службе и ее исполнителям.² Торжественность византийского богослужения, ставшая — по свидетельству начальной русской летописи — основной причиной того, что выбор Владимира пал на православную религию, требовала многих книг, причем художественно оформленных. Это было необходимым подспорьем для ритуального чтения книг «во всеуслышание», о чем свидетельствует старейшая из сохранившихся точно датированная русская книга — Остромирово евангелие 1057 г. с его великолепными заставками, инициалами и миниатюрами, а также с так называемыми «экфонетическими знаками» (буквально — «знаками возглашения») — зачатками музыкальной нотации.

¹ Повесть временных лет: Ч. 1. Текст и перевод. М.; Л., 1950, с. 81, 280.

² Там же, с. 102, 302.

Эстетическое восприятие искусства книги как синтетического, сочетающего средства зрительного и слухового воздействия, было усвоено еще в первый век истории русской книги. Об этом хорошо сказал автор первого «Слова» русской литературы — «Слова о законе и благодати», — соратник Ярослава Мудрого, киевский митрополит Иларион, обращаясь с ним не «к неведущим», а к людям, «преизлиха насыщшемся сладости книжныя». Это восприятие было первой причиной «долговечности» искусства рукописной книги в нашей стране. Последующие столетия, предшествующие началу книгопечатания в России, дали великолепные образцы этого искусства, появившиеся в условиях феодальной раздробленности и иноземного ига во всех, даже самых отдаленных и наиболее пострадавших от этих бедствий районах страны.

Второй причиной этой долговечности было творческое отношение мастеров русской книги к своему труду, ярко выразившееся как в содержании книг, так и в их оформлении. Творческая активность этих мастеров обусловила разнообразие репертуара и стилей художественного оформления русской книги XI—XV вв. Последовательно усваивая византийские, южнославянские и западноевропейские традиции оформления книги, они вносили в них собственное восприятие, создавая разнообразные стили оформления. Что касается содержания, то мастера книги, активно участвуя в сохранении и распространении памятников литературы, проявляли и свое творчество. Последнее заключалось в сочинении приписок-послесловий к переписываемым книгам, в которых отразились оценочные и рекомендательные элементы, а также в составлении многочисленных сборников-антологий. Бытовавшие в век, предшествующий началу книгопечатания в России, они рассматриваются советскими литературоведами как особый жанр рукописной книжности.³

Из того, что заимствовала русская первопечатная книга от предшествующей ей рукописной, в первую очередь следует отметить сочинение Послесловий. Старейшие из сохранившихся образцов такого рода сочинений, отразивших не только обстоятельства появления тех книг, к которым писались эти Послесловия, относятся опять-таки к первому веку истории русской книги. Таковы пространное Послесловие к Остромирову евангелию и совсем краткая приписка переписчика Изборника Святослава 1073 года, осмелившегося намекнуть на неблагоприятный поступок своего заказчика-князя: «Оже ти собе не любо, то то-

³ Дмитриева Р. П. Четыре сборники XV в. как жанр. — ТОДРЛ, 1973, т. 27, с. 150—180.

го и другу не твори».⁴ Внутриполитическая ситуация, в которой начали «изыскивати мастерства печатных книг», описана в Послесловии первой русской датированной печатной книги — Апостола 1564 года. Для церквей Московского государства, территория которого расширилась присоединением Казанского царства, потребовалось много книг. Далее говорится о скупке для этого книг «на торжищах» и объясняется главная причина необходимости книгопечатания: среди купленных книг «мали обретошася потребни — прочии же вси растлени от преписующих, не наученных сущих и не искушенных в разуме». Эту фразу следует понимать не только как признание факта, что малограмотные книгописцы допускали при переписке книг бессмысленные ошибки; можно предположить, что имеется в виду и сознательное изменение ими текста книг. Книгопечатание исключало «вольное» обращение книгописцев с текстами: печатный текст перед его тиражированием многократно проверялся опытными и бдительными редакторами-справщиками. Таким образом, за рукописной книгой сохранялось одно из основных ее качеств — избирательность репертуара, зависящая от читательских интересов того времени.

Введение книгопечатания в России было подготовлено рядом «книжных предприятий обобщающего характера», инициатором которых был глава русской церкви митрополит Макарий. Свою работу по созданию колоссального рукописного книжного свода — Минеи четых он начал, еще будучи архиепископом новгородским, используя при этом организаторский опыт и книгописцев своего предшественника — архиепископа Геннадия, создателя первого полного русского свода библейских книг.⁵ Об этой работе свидетельствует пространная приписка 1553 г. одного новгородского книгописца, текстуально частично совпадающая с Послесловием к Апостолу 1564 года.

Вот эта приписка: «Бысть же тогда повеление от царя великаго князя Ивана по многим градом писати святыя книги. В Великом же Новегороде царьским повелением повелеваше тогда писати нам сия святыя книги Фома — Софейской священник.. К сему же и не по воли вдаша ми властеле Новагорода списати сию святую книгу — Минею май месяц, в ней же бе вписана и сия чудная книга... Патерик Печерьский».⁶ Эта

⁴ Рыбаков Б. А. «Оже ти собе не любо, то того и другу не твори». — В кн.: Изборник Святослава 1073 года: Сб. статей. М., 1977, с. 217—220. В статье убедительно доказывается, что эти слова говорят о незаконном присвоении Святославом киевского княжеского «стола».

⁵ Орлов А. С. К вопросу о начале печатания в Москве. — В кн.: Иван Федоров первопечатник. М.; Л., 1935, с. 9—26.

⁶ На эту приписку, дающую максимум информации о написании книги, обратил внимание еще Ф. И. Буслаев, опубликовавший ее в своей «Исторической хрестоматии» (М., 1861, с. 759).

приписка уточняет названное Послесловие: оказывается, что Иван Грозный «повелел» не только скупать книги «на торжищах», но и приказал их переписывать «по многим градам». И введя книгопечатание, царь и митрополит не могли обойтись без книгописания; более того, они довели его до невиданных до сих пор масштабов, создавая, кроме Великих миней четьих, «лицевой» летописный свод с его шестнадцатую тысячами иллюстраций. Это последнее из «обобщающих книжных предприятий» показывает, какими огромными потенциальными возможностями обладала тогда русская рукописная книга.

В отличие от западноевропейских стран, где книгопечатание появлялось, как правило, в результате личной инициативы самих книжников, в России оно было введено «сверху». И, как об этом ясно сказано в Послесловии к первой русской датированной печатной книге, с самого начала оно предназначалось для обслуживания нужд церкви. Что же касается инициативы, то ее проявил один из первых русских книгопечатников оригинальным способом — «бегством» из Москвы. Слово «бегство» в данном случае приходится брать в кавычки, так как оно предполагает прежде всего поспешность, при которой вряд ли было возможно вывезти оборудование типографии и тяжелые свинцовые шрифты. Можно предположить, что Иван Федоров не собирался ограничить свою деятельность печатанием только богослужебных книг. Такое предположение подтверждается книгами, которые он напечатал, избавившись от опеки царя и митрополита, а также от преследования тех «священноначальников», о которых он пишет в Послесловии к Львовскому аполостолу 1574 года.

«Бежав» из Москвы, Иван Федоров стал издавать книги не только богослужебные; его дальнейшая деятельность, которую смело можно назвать просветительной, встретила поддержку не только польско-литовских магнатов, но и тех «малых во иерейском чину» и «неславных в мире», о которых он с такой теплотой пишет в том же Послесловии, т. е. низшего духовенства и небогатых людей. Кстати сказать, своими послесловиями, которыми Иван Федоров снабдил все свои заблудовские, львовские и острожские издания, он продолжил и укрепил в русском книгопечатании давнюю традицию русских книгописцев, основание которой положил в XI в. его собрат по профессии — диакон Григорий, создатель Остромирова евангелия. Изданием же Острожской библии, в основу которой был положен текст Геннадиевской библии, Иван Федоров укрепил и размножил первое из «обобщающих предприятий» рукописной книжности, ставших предпосылками русского книгопечатания.

Наконец, заслуживает внимание и обращение в конце Послесловия к Заблудовскому — «учительному», т. е. не богослу-

жебному — Евангелию не только к «хотящим прочитати», но и к желающим переписать эту книгу. Следовательно, Иван Федоров хорошо представлял себе роль рукописной книжности как подпорья в деле распространения книгопечатания, что было одной из причин долгого и плодотворного сосуществования этих обоих видов книги в России. Так в деятельности русского первопечатника-просветителя отразилась важнейшая особенность истории русской культуры, обеспечившая дальнейшее существование рукописной книжности: в условиях монополизации книгопечатания церковью она продолжала удовлетворять читательские интересы широких кругов населения России.

В XVII столетии рукописное книгопроизводство развивалось во всех слоях русского общества — буквально «сверху донизу». В «верхах» в первой половине века, когда Московское государство сотрясалось «смутами» и иноземными интервенциями, искусство рукописной книги достигло совершенства в крупнейших, преимущественно московских и подмосковных монастырях, во второй половине столетия — в Посольском приказе. Важно отметить развитие традиционных связей искусства рукописной книги с другими видами искусства — прикладного и изобразительного. Это проявилось, например, в таком традиционном жанре монастырского книгоделания, как «лицевые» жития святых. Приведу пример, в котором связи искусства книги с иконописью, а также связи двух центров книгописного и изобразительного искусства — придворного и монастырского — отразились очень четко.

В 1623 г. в знаменитом подмосковном Троице-Сергиевом монастыре, по заказу его келаря (управляющего хозяйством) Александра Булатникова — постриженника Соловецкого монастыря, была создана роскошная иллюстрированная рукописная книга — Житие Зосимы и Савватия. В Послесловии, написанном от имени заказчика, сказано, что он «испросил» у патриарха «книгу знаменную соловецких чудотворцев», т. е. оригинал, и «знаменщика от царьских иконописцев». Остальных — «книгописателя и живописцы» — он «призвал и понудил на дело» из числа «братии» и «мирских» людей, живших при монастыре. Среди них, вероятно, был «Гаврила прозванием Иванка Басов», который в своей приписке, смиренно называя себя по давней традиции «мало ученным в разуме, явным грешником и оставленным бедником, в чину учащихся пребывающим», пишет, что он «потрудился в чернилном писании, и в золотном, и в заставицах», т. е. написал текст книги и украсил ее орнаментом. Таким образом иконописец, не назвавший себя монахом, в данном случае выполнил основную работу по созданию книги, кроме иллюстраций, нарисованных, вероятно, местными художниками под руководством «знаменщика от царьских ико-

нописцев». Однако недаром этот книгописец отметил, что «потрудились» и в «золотном писании»: золотом написаны многочисленные заголовки этой книги, причем некоторые из них — в начале ее основных частей — сложной вязью. Золотом блещут — в буквальном смысле этого слова — и иллюстрации этой книги, что отличает их от иллюстраций в книгах, созданных не в монастырских мастерских, например в Лицевом своде.

Как уже было сказано, искусство рукописной книги в «верхах» достигло совершенства в Посольском приказе, где были созданы книги для чтения самого разнообразного содержания, начиная от громадной по формату «лицевой» книги о венчании на царство первого из дома Романовых, кончая первой пьесой русского театра. «Посольский приказ превратился... в своеобразный художественно-издательский институт, противопоставлявший почти исключительно церковно-богослужебной и богословской продукции Печатного двора рукописные книги исторического светского содержания».⁷

В «низах» русского общества XVII столетия, где не так уж заботились о блеске художественного оформления, в рукописной книжности появились новые жанры литературы — так называемая «бытовая повесть», ставшая предшественницей современного романа, и сатира, в некоторых своих памятниках антиклерикальная, пародирующая церковные книги и обряды, а также направленная против таких социальных пороков, как «неправедный суд» и взяточничество. Появились и быстро распространились, например, такие сочинения, как «Шемякин суд» или «Повесть о куре и лисице», пародирующая важнейший религиозный обряд — исповедь. Читатель явно стал отдавать предпочтение содержанию книги перед ее оформлением. В этих условиях искусство художественного оформления рукописной книги могло заглухнуть, если бы не появилось и быстро распространилось старообрядчество.⁸

Природа старообрядческой идеологии, ее социальная сущность и значение в истории русской общественной мысли чрезвычайно сложны и противоречивы. Однако это в своей сущности реакционное движение охватило широкие народные массы, отразилось в таких важнейших событиях русской истории, как, например, восстание Степана Разина. Почву для этого подго-

⁷ Артаксерксово действо/ Подготовка текста, статья и комментарии И. М. Кудрявцева. М.; Л., 1957, с. 8—9.

⁸ В новейшей монографии, посвященной русской книге XVII в., уделено внимание и рукописной книге, причем признается, что «переписка книг восполняла как пробелы в тематике изданий XVII в., так и недостаток печатных книг, а в целом ряде случаев рукописная книга успешно конкурировала с книгой печатной» (С. П. Луппов. Книга в России в XVII веке: Книгоиздательство. Книготорговля. Распространение книг среди различных слоев населения. Книжные собрания частных лиц. Библиотеки. Л., 1970, с. 38).

товили в основном следующие обстоятельства: укрепление российского абсолютизма и окончательное закрепощение крестьян, а также полное подчинение русской церкви царскому правительству, начавшему жестокую борьбу с церковным «расколом». Массовое бегство старообрядцев от преследования властей на окраины России, в том числе в лесистое и болотистое Поморье — к берегам Белого моря способствовало созданию центров старообрядческой рукописной книжности. Среди них особое значение быстро приобрело старообрядческое «общество» на реке Выге и ее притоке Лексе (на территории современной Карелии). Во главе Выго-Лексинской старообрядческой общины стояли братья Андрей и Семен Денисовы — выходцы из старинного рода князей Мышецких.⁹ Это были достаточно по тому времени образованные люди (Андрей Денисов слушал лекции в единственном тогда в России высшем учебном заведении — Киево-Могилянской академии). Оба были плодовитейшими писателями: Андрею приписывается более двухсот сочинений, Семену — около полутораста.¹⁰

Репертуар старообрядческой рукописной книжности складывался из памятников древнерусской литературы, преимущественно религиозно-нравоучительной и церковно-полемической, а также из сочинений основоположников и идеологов старообрядчества во главе со знаменитым протопопом Аввакумом. Монолитное сначала старообрядчество скоро стало дробиться на многочисленные секции, главы которых спорили между собой подчас по мелким обрядовым вопросам, причем писали по поводу этих споров обычно весьма пространные сочинения. Однако главный пафос старообрядческой книжности, объединявший все «согласия» и «толки», был направлен против «казенной» церкви и поддерживающего ее царского правительства. Авторы этих сочинений проявляли большую гибкость и незаурядную смелость, например в вопросе о молитве за царя, которую старообрядцы отвергали, считая русских царей, начиная с Петра I, «антихристами». Приведу лишь один пример.

В Публичной библиотеке хранится огромная, весом в 21,5 килограмма, рукописная книга второй половины прошлого века с текстом Апокалипсиса и некоторых памятников старообрядческой полемической антицерковной литературы. Среди ее обильных иллюстраций, отразивших сильное влияние народного лубка, есть большое и красочное изображение «вавилонской блудницы», сидящей на семиглавом «змие». Оно в точно-

⁹ Братья Денисовы послужили М. П. Мусоргскому прототипом главного героя оперы «Хованщина» — Досифея.

¹⁰ Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912, с. 88—162. В этой книге содержится самая полная библиография старообрядческой рукописной книжности.

сти скопировано с литографированного (разумеется, с разрешения цензуры) портрета царицы — жены императора Александра II. А там, где в тексте говорится, что «во имя апостола Петра Антихрист наречется», источник искать не приходится — изображен Петр I.

В художественном оформлении старообрядческой книги следует отметить любопытный сплав древних традиций с новыми веяниями. Особенно ярко это сказалось в весьма распространенном, так называемом «поморском» книжном орнаменте, где налицо влияние господствовавшего в русской архитектуре XVIII в. барокко — стиля западноевропейского происхождения. По контрасту с многочисленными старообрядческими сочинениями против «ереси латинской» это выглядит парадоксом. Однако сочетание в поморском орнаменте традиционных черт с новыми, пришедшими в русское искусство в конце XVII в., обогатило графику и красочную гамму этого орнамента, что особенно ярко сказалось в оформлении певческих книг. И в этом с особой выразительностью отпечатлелось исконное функциональное предназначение орнаментального убранства рукописной книги — давать своеобразный эмоциональный «заряд» исполнителям — чтецам и певцам книг.

Любопытно и важно отметить, что поморский орнамент иногда использовался и для оформления официально-церковных книг, опять-таки преимущественно певческих. В числе рукописных книг новгородского Софийского собора, хранящихся в Публичной библиотеке, среди «крюковых» певческих книг, реквизированных у старообрядцев, находится певческий сборник, украшенный роскошным поморским орнаментом; заставки в нем венчает четырехконечный «никонианский» крест, а имя «Иисус» написано с двумя «и». Вопросы же об изображении креста (старообрядцы признают только «осмиконечный») и написании имени Христа были одними из основных в спорах старообрядцев с представителями официальной церкви. Не свидетельствует ли это о признании последней силы эстетического воздействия художественного оформления книги на исполнителей? Традиционное, сформировавшееся еще в первый век истории русской книги, это качество, сохраненное старообрядческой книжностью, было одной из причин долгого существования в России искусства рукописной книги.

Это искусство пошло на спад после революции 1905 г., когда старообрядцам было, наконец, разрешено заводить собственные типографии; до этого они осуществляли преимущественно перепечатку «дониконианских» книг в нелегальных типографиях, расположенных обычно на окраинах России. И только консервативность, являющаяся одной из основных черт старообрядческой идеологии, является причиной спорадиче-

ского появления новых рукописных книг после первой русской и Великой Октябрьской революций. Новейшие сведения об изготовлении рукописной книги в сибирской тайге относятся к 50-м гг. нашего столетия.¹¹ Подводя итоги краткому экскурсу в историю русской книги, следует еще раз напомнить, что книгопечатание началось в России на сто лет позже, чем в других европейских странах, и еще полтора столетия лет после этого обслуживало почти исключительно нужды церкви. Московская типография выпускала либо богослужебные книги, либо религиозно-нравоучительные — поучения отцов церкви и жития святых. Среди последних встречались занимательные, «житейские» сюжеты, но предназначением, например, такого сборника, как Пролог, было дать на каждый день изрядную порцию «душе-спасительного» чтения — соответственно церковному календарю. Таким образом, эта книга тематически как бы продолжала ежедневные богослужения, и в монастырях ее читали вслух на «братской трапезе». Известный советский книговед, анализируя репертуар книг московской печати, утверждает, что в XVII в. «было напечатано 7 книг вполне светского содержания», что составляет лишь 1,45% от общего числа изданных книг.¹² Когда же в следующем столетии книгопечатание распространилось и на книги внецерковного круга чтения, жизнь рукописной книги в России еще почти на триста лет продлило старообрядчество.

С этого времени взаимоотношения между рукописной и печатной книгой полностью изменились — они как бы поменялись местами. Если до сих пор, в условиях монополии церкви в типографском деле, рукописная книга удовлетворяла читательские интересы, выходявшие за пределы церковного круга, то теперь, когда в XVIII в. стала широко распространяться печатная книга светского содержания, рукописная книга начала обслуживать потребности народной оппозиции официальной церкви.

Такова была главная предпосылка, обусловившая существование искусства рукописной книги в России XVIII—XX вв. Именно искусства, потому что старообрядческая книжность унаследовала и развила исконную, проявившуюся уже в первый век истории русской книги традицию — эстетическое вос-

¹¹ Покровский Н. Н. О древнерусской рукописной традиции у староверов Сибири. — ТОДРЛ, 1969, т. 24, с. 395—403. К статье приложены фотографии мастерской по переписке и ремонту книг, приспособлений для письма и оформления кожаных переплетов книг в старой традиции.

¹² Киселев Н. П. О московском книгопечатании XVII в. — В кн. 1. Книга. Исследования и материалы. М., 1960, сб. 2, с. 166—169. В статье приводятся и процентное соотношение между богослужебной литературой (84,89%) и книгой «религиозного содержания» (13,66%).

приятие книги как синтеза искусств — словесного, изобразительного, а иногда и музыкального.

Чтобы нагляднее это понять, надо сопоставить списки литературных памятников XVIII—XIX вв. со старообрядческой рукописной книгой того же времени. Первые, появившиеся обычно из-за цензурных трудностей или недостаточных тиражей, переписывались, как правило, каллиграфическими почерками, но редко украшались разрисованными заставками и инициалами. Старообрядческая же рукописная книга, особенно певческая, часто бывает даже перегруженной орнаментацией — заставками, разрисованными инициалами и напольными украшениями, выполненными яркими красками с обильным применением золота и серебра. И каждая старообрядческая книга снабжена дощатым или картонным переплетом, обтянутым тисненой кожей, с застежками или завязками. Таким образом, отличие поздней старообрядческой рукописной книги от тетрадей или сборников литературных текстов XVIII—XIX вв. начинается с переплета.

Значение поздней старообрядческой рукописной книги для истории русского искусства заключается в том, что она продолжила и развила многовековые традиции письма и художественного оформления русской книги. А это дает право говорить о десяти веках искусства русской рукописной книги — беспрецедентном факте истории книги европейских стран.

Н. Ю. Бубнов

КНИГОТВОРЧЕСТВО МОСКОВСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ XVII ВЕКА

Рукописное наследие старообрядцев XVII в. представлено большим количеством публицистических сочинений различных жанров, начиная от посланий и челобитных, адресованных царю и патриарху, и кончая автобиографическими повестями главных вождей и идеологов русского старообрядчества.

К изучению и изданию этого обширного рукописного материала ученые приступили уже более 100 лет назад, однако, как показала практика таких исследований, для правильного понимания и издания старообрядческой письменности совершенно необходимо ее предварительное осмысление как особого литературного и историко-культурного явления своей эпохи. Это общее положение может быть развито и конкретизировано на основе применения нового, книговедческого подхода к систематизации и оценке изучаемого материала. Комплексный подход к исследуемым источникам с использованием некоторых приемов книговедческого анализа дал возможность установить, что большая часть старообрядческой публицистики имела в XVII в. «хождение» в составе рукописных старообрядческих сборников, организованных в «книги» по тематическому признаку и воспринимавшихся их составителями и читателями в качестве своеобразных антиподов изданиям государственных типографий, и в первую очередь московского Печатного двора.¹ Старообрядческие книгописные мастерские, осуществлявшие «тиражирование» и распространение старообрядческой письменности среди читателей из народа, были таким образом своеобразными «типографиями без печатного станка». Являясь по своей форме порождением старой книгописной традиции и практики, они, по существу, стали брать на себя функции издательств и

¹ Подробнее об этом см.: Бубнов Н. Ю. Рукописное наследие пустозерских узников (1667—1682 гг.). — В кн.: Книготорговое и библиотечное дело в России в XVII — первой половине XIX в.: Сб. науч. тр. Л., 1981, с. 69—84.

типографий нового времени, и такая их двойственность вполне вписывалась в противоречивость культурной жизни переходного, прозванного «бунташным» XVII столетия, выведившего средневековую Русь на порог нового времени.

К сожалению, далеко не весь «репертуар» старообрядческих рукописных «изданий» ранних книгописных мастерских сохранился до нашего времени. Многие из рукописных книг, содержащих старообрядческие сочинения XVII в., дошли до нас лишь в списках последующих веков, а иногда в виде циклов сочинений, находящихся как бы внутри более объемистых сборников последующих эпох. Позднейшие искажения коснулись не только самих текстов ранних старообрядческих сочинений, породив многочисленные их редакции и компилятивные подборки. Изменение читательских интересов под влиянием светской литературы, эволюция самой доктрины старообрядчества, связанная с изменением условий существования старообрядческих общин, возникновение многочисленных старообрядческих сект и толков способствовали значительному переосмыслению творческого наследия ранних старообрядцев уже на протяжении XVIII столетия, что не могло не отразиться на сохранности старообрядческих книг начального периода старообрядческого движения. Все это с очевидностью ставит вопрос о необходимости реконструкции старообрядческой книжности этого времени, исходя из критической оценки и анализа того сравнительно ограниченного материала, что сохранился до наших дней. Реконструкция такого рода призвана дать исследователю старообрядчества правильное представление о всем «книжном фонде», включающем сочинения «отцов-основоположников» старообрядчества в том именно виде, в каком он сложился и существовал к началу Петровской эпохи. Возникает возможность взглянуть на рукописное наследие старообрядчества как бы изнутри, попытаться оценить степень значимости каждого сочинения, каждой старообрядческой «книги» в общей системе идеологической доктрины раннего старообрядчества.

Для правильного понимания эволюции старообрядческой книжности последнюю необходимо рассматривать на фоне сложных внутривластных событий в Русском государстве и, в особенности, в связи с возникновением и углублением конфликта, возникшего в среде церковного руководства после занятия патриаршего престола властным и честолюбивым патриархом Никоном. Наиболее важен для нашей темы вопрос о периодизации русского церковного раскола и последующей истории старообрядческого движения. Анализ идеологии старообрядчества на его ранних этапах, равно как и анализ его письменного наследия, позволяет выделить для XVII в. три основных хронологических периода: 1) период внутрицерковной

борьбы сторонников и противников церковной реформы патриарха Никона (1653—1663 гг.); 2) период «вынесения» старообрядческими руководителями внутрицерковной полемики на суд народа, перерастания внутрицерковного конфликта в действительный «раскол» всего общественного организма страны (1664—1682 гг.); 3) период «затухания» литературного творчества старообрядцев после гибели всех ведущих писателей-старообрядцев (1683—1700 гг.). Однако и в этот последний период идеи старообрядчества продолжают распространяться вширь, вербуя себе сторонников и последователей среди многочисленных представителей демократических слоев населения Русского государства. Множатся в это время и списки старообрядческих «книг», достигая далеких окраин обширной страны.

Предложенная периодизация начального этапа старообрядческого движения, являясь в известной мере условной и неформальной, выделяет «переломный» 1664 год как определенную важную веху в истории церковного раскола, знаменующую момент, когда лидеры старообрядческого движения осознали необходимость активного вовлечения народных масс во внутрицерковную полемику, усмотрев в этом единственное и неперемное условие и залог победы над своими идеологическими противниками — «никонианами».

Весной 1664 г. в Москву из даурской ссылки возвратился один из видных участников разгромленного Никоном в 1654 г. кружка «ревнителей древлецерковного благочестия» протопоп Аввакум Петров, сразу же признанный здесь главой воспрянувшей, после удаления из Москвы патриарха Никона, старообрядческой оппозиции. Аввакум был чуть ли не единственным из оставшихся в живых «боголюбцев», не прерывавшим и в ссылке обличительную церковную проповедь, принявшую на его пути к Москве из Сибири резкий антицерковный характер. Прощенный и обласканный царем Аввакум и в столице не прекратил своих публичных обличений церковных иерархов и усвоенных ими «никонианских обычаев», чем вызвал недовольство царского двора, пытавшегося урезонить и «приручить» мятежного протопопа: «Видят оне, что я не соединяюся с ними, приказал государь уговаривать меня Родиону Стрешневу, чтоб я молчал. И я потешил ево... А се посулили мне Симеонова дни (т. е. 24 мая. — Н. Б.) сесть на Печатном дворе книги править, и я рад сильно...».² Однако ситуация скоро изменилась. 22 августа 1664 г. управлять церковью, вплоть до избрания нового патриарха, был назначен митрополит Сарский и Подонский Павел, а 29 августа ссылкой на Мезень протопопа Авваку-

² Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения/ Под ред. Н. К. Гудзия. М., 1960, с. 92.

ма начался новый этап преследования старообрядцев — противников церковной реформы богослужбных книг и обрядов русской церкви.

В сложившихся условиях переход старообрядцев к созданию сочинений и специальных «книг» для народа явился важным этапом в развитии их полемики с иерархами реформированной церкви. Новые старообрядческие сочинения существенно отличались от полемических сочинений старообрядцев предшествующего десятилетия — «грамоток», посланий, писем и челобитных, адресованных царю, патриарху и другим конкретным лицам. В новых старообрядческих сочинениях возрастает, в частности, занимательный элемент, придающий им специфический «литературный» характер. Большинство из этих «писаний» написано доступным для простого народа «разговорным» языком, видимо с расчетом на чтение вслух, а художественные средства, использованные авторами, — описания чудес, видений, предсказаний — призваны были оказать максимальное эмоциональное воздействие на неискушенных в богословии читателей и слушателей. Вместе с тем, эти сочинения и «книги», в которых они распространялись по стране, знаменовали начало открытой борьбы старообрядцев не только с реформированной церковью, но и с государством за право идеологического влияния на народные массы, толкая последние к открытому и явному неповиновению как духовным пастырям, так и правительственным чиновникам.

По своей форме старообрядческая рукописная книга этого периода представляла собой обычно небольшой (в 4° или 8° долю листа) тематический сборник, написанный полууставным «книжным» письмом, подражающим по начертаниям букв шрифтам московских старопечатных книг. Следует подчеркнуть, что термин «книга» применительно к сборнику старообрядческих сочинений впервые вполне сознательно был употреблен старообрядцами в 1669 г., когда протопоп Аввакум в послании от 1 сентября этого года на Мезень сообщал: «... еще же от меня и от братии дьяконово снискание послано в Москву правоверным гостинца — книга: Ответ православных...».³ Названная «книга», написанная дьяконом Федором при участии других пустозерских узников, явилась, таким образом, первым старообрядческим сочинением с самоназванием «книга».⁴ Присвоив себе право на бесцензурные рукописные «издания», старообрядческие руководители открыто противопоставили созданные ими «книги» официальным церковным изданиям. Обычную

³ См.: Субботин Н. И. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1979, т. 5, с. 82.

⁴ Подробнее об этой книге см.: Бубнов Н. Ю. Рукописное наследие пустозерских узников..., с. 80, (№ 1).

в практике Печатного двора заверку каждой новой книги «освященным собором» со ссылкой в послесловии на авторитет царя и патриарха старообрядческие руководители заменили коллективной заверкой каждой подготовленной ими для распространения в народе «книги» подписями наиболее авторитетных лиц из своей среды. При копировании «книги» писец обычно ссылался на такую заверку своего протографа и при этом обязательно отмечал, если список сделан с автографа одного из «отцов-основоположников» старообрядчества.⁵

В настоящей статье мы попытались дать реконструкцию лишь части книжного наследия старообрядцев XVII в., а именно рукописных книг, созданных московскими старообрядцами в наиболее активный период их творческой деятельности, окончившийся с гибелью последнего крупного писателя-старообрядца — Саввы Романова.

К середине 60-х гг. XVII в. на руках московских старообрядцев скопилось значительное количество документов, связанных с их десятилетней борьбой против патриарха Никона и проведенной им церковной реформой. Значительные комплексы подобных материалов были конфискованы в 1666 г. у игумена Феокиста и у дьякона Федора Иванова при их аресте, много документов по истории раннего старообрядчества скопилось и у инока Авраамия, который активно использовал их в своих компилятивных сочинениях.⁶ Осознав необходимость сохранения собранного ими богатейшего рукописного материала, московские старообрядцы предприняли в этот период попытки скопировать наиболее важные из имевшихся в их руках документов, составляя из них особые тематические сборники. Именно таково происхождение обширного сборника Рогожского собрания № 667, сохранившего в своем составе комплекс материалов, связанных с церковным Собором 1660 г. и последующей внутрицерковной борьбой 1661—1663 гг. по вопросу о правомерности удаления от власти в церкви патриарха Никона и о выборе ему преемника. Как содержание сборника, так и палеографические особенности свидетельствуют о его составе

⁵ См., например, подпись под Посланием дьякона Федора Иванова к Иоанну Аввакумовичу на Мезень: «А у подлинной подписано сие: протопоп Аввакум чел сие и разумев сие истинно, к тому и руку приписа. Сие списано священнодияконом Феодором съ ево руки» (ГБЛ, собр. Рогожского кладбища, № 518).

⁶ Подробнее о архивах первых старообрядцев см.: Бубнов Н. Ю. Книга раннего старообрядчества. — В кн.: Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела: Вторая Всесоюз. науч. конф. по проблемам книговедения. Секция рукописной книги. Тезисы докладов. М., 1974, с. 34—37; Бубнов Н. Ю. Источники по истории формирования идеологии раннего старообрядчества: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1975, с. 8—9.

нии в середине 60-х гг., т. е. накануне церковных соборов 1666—1667 гг., к которым старообрядцы активно готовились (см. № 1 нижеприведенного списка).

Составителем и частично автором одной из первых старообрядческих рукописных «книг» был бывший игумен московского Златоустовского монастыря Феокист (ум. в конце 1666 г.). Этот образованный монах долгое время был ближайшим помощником и выполнял роль «личного секретря» протопопа Ивана Неронова (1591—1670) — признанного в 50-е годы XVII века лидера московских старообрядцев. Обширный архив, скопившийся у Феокиста и являвшийся по сути дела «центральной архивом» московской старообрядческой общины, включал в частности большой комплекс посланий Ивана Неронова к царю и различным лицам из окружения последнего, а также послания к протопопу его единомышленников.⁷ После ухода Неронова в монастырь, где он постригся под именем Григория, а также его формального примирения с патриархом (январь 1657 г.), Феокист, и тогда не прервавший связей со своим другом и соратником, составил из его эпистолярного наследия и переписки особый сборник, сопроводив его написанной им самим «Краткой запиской о жизни инока Григория» за 1653—1659 гг.⁸ (см. № 2 списка). Позднее этот цикл нероновских сочинений пополнился еще двумя челобитными того же автора, адресованными царю. Это «Молебное написание» от 25 октября 1661 г. и «Моление» от 3 ноября 1662 г., дошедшие до нас в составе сборника Рогожского собр. № 667.⁹

Благодаря исследованию И. М. Кудрявцева, мы можем говорить об особой книге, писавшейся протопопом Аввакумом в период его недолгого пребывания в Москве в 1664 г. Это так называемые «Выписи из книг» философско-религиозного содержания, сделанные Аввакумом в Патриаршей библиотеке, куда

⁷ Сохранилась опись архива Феокиста (см.: Субботин Н. И. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875, т. 1, с. 323—339). В этом архиве имелись, в частности, «десять тетрадей, а в них писаны списки с отписок к великому государю из Каменскаго монастыря от Ивана Неронова» (см. там же, с. 324 (№ 2), а также с. 19 (прим. 1)).

⁸ Эти сочинения изданы Н. И. Субботиным по рукописи ГИМ, Увар. № 494/131 (XVIII в.). См.: Субботин Н. И. Материалы..., т. 1, с. 34—123, 134—166. Об атрибуции Феокисту «Краткой записки» см.: Субботин Н. И. Материалы..., т. 1, с. 19 (прим. 1), с. 134—135 (прим. 1).

⁹ Второй сходный по составу входящих в него сочинений сборник, датированный концом XVII — началом XVIII в., хранился в библиотеке Черниговской духовной семинарии (№ 108). См.: Лилеев М. И. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Черниговской духовной семинарии. СПб., 1880. с. 81—84 (ныне утрачен). Два названных послания Ивана Неронова к царю изданы М. И. Лилеевым в журнале «Черниговские епархиальные известия» за 1875 г. (№ 14 и 15).

он, видимо, недолгое время имел доступ.¹⁰ Этими «выписями» Аввакум тогда же воспользовался для составления «Писанейца», посланного им окольному Ф. М. Ртищеву.¹¹ Несколько позже, когда Аввакум уже покинул столицу, неизвестный нам московский книжник использовал черновые записи Аввакума для составления «книги» выписок этого признанного вождя старообрядчества. Эта «книга» не была, видимо, размножена и сохранилась в единственном экземпляре¹² (см. № 3 списка).

В одном сборнике с вышеназванной «книгой» протопопа Аввакума сохранился и еще один уникальный цикл сочинений, связанных с писательской деятельностью малоизвестного московского книжника — попа Тихона. Главное сочинение цикла — «Сказание о антихристе и о страшном суде», которое, судя по подписи, составил «недостойный во иноцех черный поп Тихон многогрешный».¹³ Тем же почерком в Сборник переписано еще несколько текстов: выписки «из книг» о антихристе, «Послесловие к Апокалипсису» и эсхатологическое сочинение под названием «Бездна», авторство которого можно также, по-видимому, приписывать попу Тихону (см. № 4 списка).

С именем дьякона Федора Иванова мы связываем составление сборника сочинений видного идеолога старообрядческого движения — старца Спиридона Потемкина, умершего в ноябре 1664 г.¹⁴ Это был выходец из боярской семьи, постригшийся в монахи в Покровском, «что на убогих домах», монастыре и ставший там архимандритом. Крайне отрицательно встретив затеянную патриархом Никоном церковную реформу, Спиридон Потемкин решительно поддержал возникшее в 1653 г. старообрядческое движение. Его слова-проповеди в защиту «старой веры» и с резкой критикой любых изменений в богослужбной и церковной практике распространялись в списках по Москве.¹⁵ Вскоре после смерти проповедника некий книжник

¹⁰ ГБЛ, собр. Барсова, № 883 л. 215—277. См.: Кудрявцев И. М. Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников. — Зап. Отд. рукописей ГБЛ, М., 1972, вып. 33, с. 148—212.

¹¹ См.: Демкова Н. С. Из истории ранней старообрядческой литературы. 1: «Писанейце» протопопа Аввакума Федору Михайловичу Ртищеву (конец июля—август 1664 г.). — ГОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 385—389.

¹² Говоря об этом сборнике, И. М. Кудрявцев заметил, что «в процессе бытования тех или иных произведений происходил отбор, благодаря которому одни произведения переписывались часто и много раз в схожем окружении статей, другие реже и в определенных кругах...» (Кудрявцев И. М. Сборник XVII в. ..., с. 153).

¹³ См.: Кудрявцев И. М. Сборник XVII в. ..., с. 153.

¹⁴ Краткую характеристику этого писателя дьякон Федор дал в Послании из Пустозерска к сыну Максиму (см.: Субботин Н. И. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1881, т. 6, с. 230—232).

¹⁵ Сочинение Спиридона Потемкина «О кресте...» имелось в архиве игумена Феоктиста (см.: Субботин Н. И. Материалы ..., т. 1, с. 325 (№ 7),

собрал 11 слов «богомудрого старца» и составил из них отдельный сборник (см. № 5 списка). В качестве 6-го слова составитель поместил в «Книгу» ответ протопопа Аввакума на послание своего духовного сына боярина Андрея Плещеева, написанный в 1664 г., а также и само вышеназванное послание, в «Книге» не пронумерованное. «Слова», составившие сборник, также получили названия-заголовки от составителя. Это очевидно, так как автор слов — Спиридон Потемкин — назван в этих заголовках в третьем лице, а два из вошедших в сборник слов предварены краткими биографическими сведениями о жизни «богомудрого старца». О дьяконе Федоре как о вероятном составителе «Книги» свидетельствует не только типичный для этого автора литературный стиль заголовков. Известно, что благовещенский дьякон был лично знаком с Потемкиным и не раз общался с ним в Покровском монастыре. В послании из Пустозерска к Иоанну Аввакумовичу, написанном 1 сентября 1669 г., Федор призывает единоверцев принимать писания отца Спиридона наравне с сочинениями святых отцов: «А богомудрого старца Спиридона пренеподобного слова писанныя на еретики приемлите как и прочих богословцев святых: Григория, Василия и Дамаскина Иоанна и иных — той же истинный Параклит глагола в нем...».¹⁶

Другим автором, на сочинения которого дьякон Федор обратил особое внимание, был келарь Троице-Сергиева монастыря Арсений Суханов. Резкая антигреческая направленность сочинений этого церковного писателя снижала им значительную популярность среди представителей кружка «ревнителей древлецерковного благочестия», а после 1653 г. — в среде старообрядцев. Особую известность в Москве получили два небольших сочинения, написанных Арсением Сухановым после его поездки на православный Восток. Это «Прение с греками о вере» (1650 г.) и записка «О чинах греческих вкратце» (1655 г.). Переписывая эти сочинения в конце 50—60-х гг. XVII в., старообрядческие книжники делали к этим текстам свои многочисленные добавления. С. А. Белокуров, подробно исследовавший эти старообрядческие приписки к подлинному «сухановскому» тексту, особо выделил так называемую 2-ю московскую редакцию «Прений» с дополнениями, составленными в 1665 г. неизвестным московским книжником.¹⁷

с. 341 (№ 25)). Списки этого же «слова» имеются в сборниках ГБЛ — собр. Рогожского кладбища, № 667, л. 394—416 (XVII в., 3-я четв.) и собр. Барсова, № 200, л. 219—238 (XIX в.).

¹⁶ См.: Субботин Н. И. Материалы ..., т. 6, с. 78.

¹⁷ См.: Белокуров С. А. Арсений Суханов. 2-е изд. М., 1894, ч. 2, вып. 1, с. 25—114, 130—182.

На допросе у архиереев, проходившем 13 декабря 1665 г., дьякон Федор показал: «У боярина князь Никиты Ивановича Одоевского книга была Григорья Неронова — Хождение в Палестину старца Арсения Суханова — в Палестину как послан был в 158 году для исправления церковных вещей. А тоя книгу старец Григорей привез к великому государю, и та книга ныне у него, дьякона Федора, есть, список черной, а белая — у старца Григорья Неронова».¹⁸ К следующему допросу, происходившему 11 мая 1666 г., дьякон сумел достать упомянутый черновой список «Прения с греками о вере» и подал эту книгу церковному Собору в качестве документального подтверждения своих слов о «неправославии» греков. В составленной им позже «Записке» об этом допросе Федор особо отметил, что он «видех и чтох списания и хожения старца Арсения Суханова... и о таком неправом мудровании греков аз, дьякон, и книгу подал списания старца Арсения того, егда он ходил к патриархам и что там говорил и о чем с ним греки прелися — о всем том писал. А книгу ту в тетратех принял у меня по повелению архиереев за моею печатию Патриарша приказу подиачей Матфей Авксентьев, там в ней о всем пространно писано — и время, и место и лицо».¹⁹ Приведенные факты позволяют сделать вывод о том, что дьякон Федор подал Собору 1666 г. не подлинный «сухановский» текст «Прений», который, без сомнения, имелся в Посольском приказе, в Патриаршей библиотеке и был общеизвестен, а старообрядческую модификацию этой книги, с включением так называемых добавлений 2-й московской редакции 1665 года. Этот вывод можно подкрепить ссылкой на рукопись XVII в., включающую сухановское «Прение» со старообрядческими добавлениями той же редакции, с записью писца о том, что она является копией с автографа дьякона Федора: «Сие списано священно-дьякона Феодора с ево руки все». Возможно, что один экземпляр переделанного и дополненного им сухановского сочинения дьякон Федор сумел увезти с собой в пустозерскую ссылку, откуда сочинение вернулось в Москву уже с «заверкой» протопопа Аввакума: «А у подлинной подписано сие: дозде протопоп Аввакум чел сие и разумев сие истинно, к тому и руку приписал».²⁰ Авторитет Аввакума способствовал дальнейшему «тиражированию» сочинения и его широкому распространению среди старообрядцев (см. список № 6).

¹⁸ Допросные речи дьякона Федора. — В кн.: Субботин Н. И. Материалы ..., т. 1, с. 405.

¹⁹ Записка дьякона Федора о допросе его архиереями. — В кн.: Субботин Н. И. Материалы ..., т. 1, с. 408—409.

²⁰ Рукопись ГБЛ, Рогожское собр., № 518, XVII в. (2-я пол.), 8°, 56 л., скоропись. Помимо сухановского «Прения» здесь имеется «Повесть о Петре».

Особый интерес представляют для нас оригинальные сочинения дьякона Федора, написанные до ссылки, в московский период его публицистической деятельности. В первой половине 60-х гг. дьякон Федор, как и все московские старообрядцы, ждал церковного собора, который, как все надеялись, должен был осудить не только патриарха Никона, но и его церковную реформу, и активно собирал материалы, ее обличающие. Так, при обыске в конце 1665 г. на дому у московского старца Дионисия был изъят ящик с книгами и письмами Федора, «а в том ящике были многия писма собираны и выписано от писания божественнаго...».²¹ На допросе 11 мая 1666 г. дьякон Федор подал Собору особое «Письмо», состоящее из трех частей: 1) «Моление с вопросом», 2) «О сложении перст и аллилуйя», 3) «Исповедание о святом душе», где был кратко изложен собранный автором материал, обличающий изменение патриархом Никоном богослужебных книг и некоторых церковных догматов.²² Этот же материал, но в более развернутом виде вошел в Челобитную, поданную дьяконом царю Алексею Михайловичу в том же году.²³ И, наконец, все названные сочинения послужили основой для знаменитой книги дьякона Федора «Ответ православных», первая часть которой была написана им еще в Москве, а вторая, повторяющая в развернутом виде аргументацию первой, уже в пустозерской ссылке, куда дьякон был доставлен весной 1668 г.

В последние годы пребывания дьякона Федора в Москве, уже в заключении, им были написаны два небольших, но очень важных сочинения. Это его «Прение с митрополитом Афанасием Иконийским» и составленное им описание московской «казни» Лазаря и Епифания, состоявшейся 27 августа 1667 г. Труд составления из этих сочинений особой старообрядческой «книги» взял на себя, видимо, инок Авраамий, включивший в нее также и вышеупомянутую «Повесть о Петре и Евдокиме» (см. № 7 списка). Поскольку эта повесть рассказывает о событии, случившемся в феврале 1669 г., составление всей «книги» можно датировать примерно этим же или следующим — 1670-м — годом.²⁴ Названная книга получила широкое распространение в старообрядческой письменности и была издана в составе из-

и Евдокиме», рассказывающая о событии, имевшем место в Москве 17 февраля 1669 г., а также неопубликованная повесть о соловецком старце Корнилии, пострадавшем в Москве в «нынешнем» 1671 г. Возможно, что обе эти повести, ходившие по Москве в списках, включил в данную рукопись инок Авраамий, бывший наиболее активным из числа старообрядческих писателей, живших в эти годы в столице.

²¹ См.: Субботин Н. И. Материалы ..., т. 1, с. 404.

²² Там же, т. 6, с. 1—21.

²³ Там же, с. 21—45.

²⁴ Там же, с. 45—59, 302—309.

вестного старообрядческого Сборника 1789 г., напечатанного в Супрасле.

Инок Уврамию, оставшемуся в Москве после ссылки остальных видных старообрядческих писателей, принадлежит несколько небольших оригинальных посланий, а также две обширные компиляции, каждая из которых легла в основу отдельной старообрядческой «книги». Главная из этих книг — обширный сборник разнообразных сочинений под общим названием «Христианоопасный щит веры против еретического ополчения».²⁵ В этот Сборник Авраамий включил несколько собственных небольших сочинений, а также ряд писем, посланий, «записок» и повестей, принадлежащих другим авторам, в том числе Ивану Неронову, протопопу Аввакуму, дьякону Федору и другим, причем иногда без обозначения авторства. Некоторые из 46 глав Сборника составитель снабдил «пристижениями» собственного сочинения, а всему Сборнику предпослал три предисловия, также им написанные (см. № 8 списка). Помимо подлинной рукописи «Щита веры»,²⁶ отобранной у ее составителя, видимо, при аресте в феврале 1670 г., сохранился и второй авторский список, отразивший, на наш взгляд, более ранний этап работы над Сборником. В этот Уваровский список не вошли главы 21—24-я, а также главы из конца сочинения — с 37-й по 46-ю. Глава 36-я Уваровского списка не имеет конца.²⁷ Такой состав списка не случаен. По наблюдениям Н. И. Субботина, Сборник «Щит веры» был составлен в два приема. В третьем предисловии к нему иннок Авраамий пишет, что «книга сочинися во 176 году». Это указание относится к первым 33 главам Сборника, которые перечислены в названном предисловии. Остальные главы (с 34-й по 46-ю) были присоединены к Сборнику после 1668 г., так как в них представлены документы, составленные в Соловецком монастыре в 1668 г., а в 46-й главе рассказывается о событии в Нижнем Новгороде, случившемся 26 декабря 1668 г. Н. И. Субботин делает справедливый вывод о том, что в окончательном виде Сборник сформировался «не ранее 1669 года».²⁸ Со своей стороны нам остается сформулировать предположение о том, что Уваровский список «Щита веры» представляет первоначальную авторскую редакцию этого сочинения, законченную уже в 1667 г.

²⁵ Большая часть этого сочинения издана. См.: Субботин Н. И. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1885, т. 7, с. 1—258.

²⁶ ГИМ, Синодальное собр., № 641.

²⁷ ГИМ, собр. Уварова, № 805. См.: Субботин Н. И. Материалы ..., т. 7, с. V—XII.

²⁸ См.: Субботин Н. И. Материалы ..., т. 7, с. V—XII.

Большой объем Сборника Авраамия и его насыщенность разнообразным материалом не оставляют сомнения в том, что в руках этого инока к концу 60-х гг. сосредоточились значительные архивные материалы о деятельности московских старообрядцев. Это подтвердил и сам Авраамий, заявивший об отобранных у него «письмах» на допросе 6 февраля 1670 г.: «кто писал, не вем, а достались мне писма от покойного игумена Феоктиста и от старца Антония и от Григория Неронова».²⁹

В 1670 г., находясь в заключении под следствием, Авраамий пишет царю обширную Челобитную. Эта Челобитная, широко распространенная в списках по всей стране, целиком основана на материалах сборника «Щит веры». Н. И. Субботин пишет по этому поводу, что «челобитная, можно сказать, есть воспроизведение существенного содержания Сборника и составление Сборника служило как бы подготовлением или собиранием материала для Челобитной».³⁰ «Трудно допустить, — пишет далее Н. И. Субботин, — чтобы так воспользоваться Сборником и вскоре после его составления могло какое-либо другое лицо, кроме самого составителя. Притом же некоторые статьи, вошедшие в Сборник, Авраамий приводит в Челобитной как лично ему принадлежащие».³¹ Челобитная Авраамия 1670 г. редко встречается в рукописях без «конвоя»; обычно ей сопутствуют другие сочинения того же автора. В старообрядческой письменности наиболее распространены два включающих эту Челобитную «цикла». В первый из них помимо Челобитной включается «Послание инока Авраамия к некоему боголюбцу», а также «Сказание на осмый век» из Кирилловой книги (М., 1644), а во второй — Послание Авраамия к боярыне Феодосии Морозовой (см. № 9 списка).

Последнее по времени создания сочинение Авраамия известно под названием «Вопрос и ответ старца Авраамия». В сочинении автор описывает допрос его церковными властями в августе 1670 г.³² Поскольку это сочинение встречается в рукописях, как правило, отдельно, его можно считать особой небольшой «книгой» (см. № 10 списка) мятежного старца, окончившего жизнь на костре весной 1672 г.

После гибели Авраамия писательская деятельность старообрядцев в Москве почти полностью прекратилась. Писцы, продолжавшие размножать и распространять по стране старооб-

²⁹ Вопрос и ответ старца Авраамия. — В кн.: Субботин Н. И. Материалы..., т. 7, с. 388.

³⁰ Там же, с. XI.

³¹ Там же, с. XI—XIII.

³² Сочинение издано: Субботин Н. И. Материалы..., т. 7, с. 386—416.

рядческие «книги», пользовались теперь только авторскими копиями, присылавшимися в столицу из заполярного Пустозерска, куда переместился идеологический и литературный центр старообрядческого движения. Лишь одно важное событие побудило московских книжников вновь взяться за перо — мученическая гибель в Боровске осенью 1675 г. боярыни Феодосии Морозовой с сестрами. Автором ее Жития, написанного в хорошей литературной форме, стал, как это установил советский исследователь А. И. Мазунин, дворецкий боярыни Андрей, писавший свой труд в 1675—1677 гг.³³ (см. № 11 списка).

Последней по времени написания старообрядческой московской «книгой» явилась «История о вере и челобитная о стрельцах» Саввы Романова, в которой автор описал весь ход стрельцкого восстания, вспыхнувшего в Москве под лозунгами «старой веры» в мае 1682 г. после внезапной смерти царя Федора Алексеевича.³⁴ Эта книга, как, впрочем, и предыдущая, оказалась весьма популярной у старообрядцев и послужила исходным материалом для многочисленных переделок и сокращений, появившихся уже в XVIII столетии.

В публикуемом ниже «Списке книг, созданных московскими старообрядцами в 1664—1682 гг.» мы стремились учесть все известные тексты, оформленные в XVII в. в виде рукописных «книг», предназначавшихся их создателями для распространения и чтения в народной среде. Сюда не вошли многочисленные документальные материалы, дошедшие до нас в виде столбцов, грамоток, писем и челобитных как предшествующего (1653—1663 гг.), так и изучаемого периода, составлявших, по мнению старообрядцев, материал внутрицерковной полемики, не предназначавшийся для широкого распространения. В «Списке» не нашли отражения также все известные нам «экземпляры» сохранившихся московских «книг». Здесь учтены лишь списки XVII столетия, а также по одному списку XVIII—XIX вв. для тех «книг», которые не дошли в списках более раннего периода (XVII век).

Список книг, созданных московскими старообрядцами в 1664—1682 гг.

1. Сборник документов, содержащий «Соборное деяние 1660 г.», о низложении патриарха Никона, «отписки» Никона и послания русских архиереев царю Алексею Михайловичу «противо клятвы Никоновы» (1662—1663 гг.), «Молебное писание» Спиридона Потемкина, «Писанейце» протопопа Аввакума к Ф. М. Ргишеву (1664 г.), Первую челобитную Аввакума к царю в редакции «б», Послание «наименьшего из архиереев» (Александра Вятского) к «святейшему Собору».

³³ См.: Мазунин А. И. Повесть о боярыне Морозовой. Л., 1979.

³⁴ См.: Тихонравов П. С. Летописи русской литературы и древности. М., 1863, т. 5, отд. 2, с. 111—148.

а) ГБЛ, собр. Рогожского кладбища № 667, л. 143—316, 394—437. XVII в. (серед. 60-х г.),³⁵

б) Собр. Черниговской духовной семинарии № 108, л. 29—184. XVII в. (кон.)—XVIII в. (нач.). Утрачен.³⁶

2. Сборник посланий Ивана (Григория) Неронова к разным лицам: царю Алексею Михайловичу, царице Марии Ильиничне, царскому духовнику Стефану Воиноватеву, «ко всем христолюбцам», а также послания к нему «детей духовных» и других лиц за 1653—1654 г. Сборник составлен игуменом Феоктистом, сопроводившим его «Краткой запиской о жизни инока Григория» за 1653—1659 г., написанной составителем.

а) ГИМ, собр. Уварова 1, № 494/131, XVIII в.,³⁷

б) ГБЛ, собр. Рогожского кладбища № 667, л. 160—168 об., 316 об. — 331 об., 340 об. — 394. XVII в. (серед. 60-х гг.). В этом сборнике, являющемся как бы вторым «изданием» книги игумена Феоктиста о Иване Неронове, помещены и его сочинения более позднего периода. Это «Молебное писание» от 25 октября 1661 г. и «Моление» от 3 ноября 1662 г., адресованные царю. «Краткой записки», написанной Феоктистом, в этом сборнике нет;

в) Собр. Черниговской духовной семинарии № 108, л. 1—29. XVII в. (кон.)—XVIII в. (нач.). Так как сборник не сохранился, о его составе можно судить лишь по оставшемуся описанию.³⁸

3) «Выписки из книг» философско-религиозного содержания, сделанные протопопом Аввакумом летом 1664 г. и организованные в «книгу» неизвестным старообрядцем.

а) ГБЛ, собр. Барсова № 883, л. 215—277. XVII в. (3-я четв.).³⁹

4. Сказание о антихристе и о страшном суде, которое составил «недостойный во иноцех черный поп Тихон», а также выписки из книг об антихристе, «Послесловие» к Апокалипсису и эсхатологическое сочинение «Бездна».

а) ГБЛ, собр. Барсова № 883, л. 103—214. XVII в. (3-я четв.).⁴⁰

5. Сборник сочинений Спиридона Потемкина, состоящий из 11 «слов» с включением Ответа протопопу Аввакуму на Послание Андрея Плещеева (1664 г.), а также текст этого Послания (без №). Составителем Сборника и автором заглавий входящих в него «слов» был дьякон Федор Иванов, работавший над составлением «книги» в 1665—1667 гг.

а) БАН, 4.7.1, л. 104—248 об. XVII в. (60—70-е гг.);

б) БАН, собр. Текущих поступлений № 327, л. 1—256 об. XVII в. (кон.). К «книжке» присоединено анонимное «Слово о кресте господи нашего Иисуса Христа и о круже его...»;

в) ИРЛИ, Мезенское собр. № 123. XVII в. (кон.)—XVIII в. (нач.). Список неполный, содержащий с 6-го по 8-е «слова».

Сочинения Арсения Суханова «Прение с греками о вере» и «О чинах греческих вкратце» в старообрядческой переработке (1-е сочинение) с добавлениями 2-й московской редакции 1665 г., сделанными дьяконом Федором Ивановым.

³⁵ Краткое описание Сборника и публикацию «Писанийца» протопопу Аввакуму к Ф. М. Ртищеву см.: Демкова Н. С. Из истории ранней старообрядческой литературы. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 385—390.

³⁶ См.: Лилеев М. И. Описание..., с. 81—84.

³⁷ Издание текстов по этой рукописи см.: Субботин Н. И. Материалы..., т. 1, с. 34—123, 134—166.

³⁸ См.: Лилеев М. И. Описание..., с. 81—82. Не изданные Н. И. Субботиним послания Григория Неронова опубликованы М. И. Лилеевым по этой рукописи в Черниговских епархиальных известиях за 1875 г. (№ 14 и 15).

³⁹ См.: Кудрявцев И. М. Сборник XVII в. ..., с. 180—204.

⁴⁰ Там же, с. 153.

а) ГБЛ, собр. Рогожского кладбища № 518, л. 2—49. XVII в. (2-я пол.). Списание с автографа дьякона Федора с заверкой протопопа Аввакума;

б) БАН УССР, собр. Макария № 15. XVIII в.⁴¹

7. Книга сочинений дьякона Федора Иванова, написанных в Москве до 1668 г. Вероятный ее составитель — инок Авраамий, имевший возможность работать над пей в 1668—1671 гг. В состав «книги» входят: «Прение дьякона Федора с Афанасием митрополитом Иконийским» (о событии, имевшем место в начале 1668 г.), Повесть о первой московской «казни» Лазаря и Елифания (27 августа 1667 г.), а также не принадлежащее перу Федора сочинение: «Мучение неких старец исповедник Петра и Евдокима» (повесть о событии, имевшем место в феврале 1669 г.).⁴²

а) БАН, 4.7.1, л. 306—313, XVII в. (90-е гг.).

8. «Христианоопасный щит веры против еретического ополчения...». Сборник сочинений различных авторов, составленный иноком Авраамием в период с 1666 по 1669 г.⁴³

а) ГИМ, собр. Уварова № 805. XVII в. (2-я пол.). Автограф. Сборник состоит из 36 глав и олицетворяет 1-й этап работы составителя над сочинением, закончившийся в 1667 г.;

б) ГИМ, Синодальное собр. № 641. XVII в. Автограф. Сборник состоит из 46 глав и представляет окончательный авторский вариант «книги», законченной составлением в 1669 г.

9. Челобитная инока Авраамия царю Алексею Михайловичу, написанная в 1670 г.⁴⁴

а) БАН, 1.2.14, л. 1—128, XVII в. (70—80-е гг.) Без начала;

б) ГИМ, собр. Уварова № 719, л. 1—103. XVII в. (2-я пол.).

10. «Вопрос и ответ старца Авраамия». Сочинение написано иноком Авраамием во второй половине 1670 г.⁴⁵

а) ГИМ, собр. Хлудова № 200, л. 1—31. XVII в. (2-я пол.).

11. Житие боярыни Морозовой, написанное ее дворецким Андреем в 1675—1677 гг.⁴⁶

а) ГПБ, 0.1.341, л. 1—58 об. XVII в. (кон.);

б) ГИМ, Музейское собр. № 3003, л. 80—119 об. XVII в. (кон.).

12. «История о вере и челобитная о стрельцах» Саввы Романова, описывающая стрелецкое восстание в Москве 1682 г.⁴⁷

а) БАН, 45.6.3, л. 1—46 об. (без конца). XVII в. (кон.).

⁴¹ Сочинения изданы по этой рукописи: Белокуров С. А. Арсений Суханов..., ч. 2, вып. 1, с. XVI (№ 15), с. XLI—XLIX, 25—114, 130—182; Там же, ч. 1, М., 1891, с. CXXXV—CXXXVI.

⁴² Издания см.: Субботин Н. И. Материалы..., т. 6, с. 45—48, 302—309.

⁴³ Издание см.: Субботин Н. И. Материалы..., т. 7, с. 1—258.

⁴⁴ См.: Замысловский Е. Е. Челобитная старца Авраамия. — ЛЗАК. СПб., 1877, вып. 6, с. 1—117.

⁴⁵ Издание см.: Субботин Н. И. Материалы..., т. 7, с. XXVII—XXIX. 386—416.

⁴⁶ См.: Мазунин А. И. Повесть о боярыне Морозовой. Л., 1979.

⁴⁷ Издание см.: Тихонравов Н. И. Летописи русской литературы..., отд. 2, с. 111—148.

Н. А. Копанев

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНОСТРАННОЙ КНИГИ В ПЕТЕРБУРГЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

(По материалам академических книготорговых каталогов)

Деятельность Академии наук по распространению в послепетровской России иностранных изданий уже была предметом исследований. Наиболее полными работами по данной теме можно назвать очерк А. Д. Бочагова «Книжная палата Академии наук (1728—1740)»,¹ а также соответствующий раздел в работе С. П. Луппова «Книга в России в послепетровское время (1725—1740)».² В этих исследованиях, построенных на анализе разнообразного опубликованного и неопубликованного архивного материала, не используются, однако, данные печатных книготорговых каталогов, выпускавшихся Академией наук для своей Петербургской книжной лавки начиная с 1728 г. Академические же книготорговые каталоги (или реестры) являются важными источниками для изучения истории книги в России в XVIII в.³ В данной работе мы попытаемся на основе статистического анализа книготорговых каталогов привести новые сведения об основных направлениях развития рынка иностранных книг в России в 30-х — начале 50-х годов XVIII в.

Книготорговые каталоги иностранных изданий представляют собой малолистные, малотиражные издания, содержавшие рекламные списки «заморских» книг, привозившихся в XVIII в. в Россию из Германии, Голландии, Франции, Англии и других

¹ Бочагов А. Д. Книжная палата Академии наук (1728—1740). СПб., 1893.

² Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время (1725—1740). Л., 1976, с. 108—150.

³ Значение книготорговых каталогов как источников для изучения русской культуры, и в частности библиографии, было отмечено уже неоднократно. См.: Симоны П. К. Книжная торговля в Москве XVIII—XIX столетий. Л., 1927, с. 94; Ульяновский Д. В. Среди книг и их друзей. М., 1903, с. 85; Берков П. Н. Избранное. М., 1978, с. 120; Осипов В. О. Книготорговая библиография. М., 1973, с. 18.

европейских стран. Каталоги выходили в свет без переплета и раздавались «безденежно охотникам до изрядных книг». Неудивительно поэтому, что большая часть их тиража не дошла до наших дней. Единичные, чудом уцелевшие экземпляры этих изданий хранятся ныне в центральных архивах и библиотеках СССР и представляют большую ценность. Ниже мы приводим список хранящихся в БАН СССР книготорговых каталогов иностранных изданий,⁴ которые и послужили материалом для данной статьи:

Verzeichniss Allerhand Lateinischer, Frantzösischer, Italienischer, Holländischer und Teutscher auserlesenen neuen Bücher, welche im Buchladen bey der Academie der Wissenschaften zu bekommen sind. S. t. 4—6. St. Petersburg, 1731—1734. in-8°.

Catalogue des livres françois qui se vendent à l'Academie des Sciences. St. Petersbourg, 1737. in-8°.

Verzeichniss allerhand lateinischer, holländischer und Teutscher auserlesenen Neuen Bücher welche in Buchladen bey der Academie der Wissenschaften zu bekommen sind. St. Petersburg. 1738 und 1739, gedruckt bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften 1739. in-8°.

Catalogue des livres françois qui se vendent à l'Académie des Sciences. St. Petersbourg, 1739. in-8°.

Verzeichniss allerhand teutscher und lateinischer neuen Bücher, welche in dem Buchladen bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften zu bekommen sind. St. Petersburg, 1750. in-8°.

Catalogue des livres françois anciens et nouveaux qui se trouvent dans la librairie de l'Académie Impériale des Sciences à St. Petersburg, 1750. in-8°.

Zweiter Anhang zu dem Verzeichnisse Teutscher und Lateinischer Neuen Bücher welche in dem Buchladen bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften zu bekommen sind. St. Petersburg, 1752. in-8°.

Suplement au catalogue des livres françois anciens et nouveaux qui se trouvent dans la librairie de l'Académie Impériale des Sciences à St. Petersburg, 1752. in-8°.

II. Suplement au catalogue des livres françois anciens et nouveaux qui se trouvent dans la librairie de l'Académie Impériale des Sciences à St. Petersburg, 1752. in-8°.

Уровень библиографических описаний в вышеперечисленных книготорговых каталогах можно считать вполне удовлетворительным. Названия книг давались на языке оригинала, почти всегда указывался автор произведения, год и место издания книги, количество томов. В каталогах 30-х гг. приводится цена каждой книги. Книготорговые каталоги (или реестры) не дают

⁴ Все эти каталоги, кроме каталога немецких и латинских книг, продававшихся в 1738—1739 гг., были учтены еще Г. Н. Геннади в книге: Литература русской библиографии. СПб., 1858, с. 92—93.

сведений о числе экземпляров книг, продававшихся в книжной лавке Академии наук. Однако они позволяют делать выводы об изменениях книготоргового репертуара на протяжении всего рассматриваемого периода, а значит, и свидетельствуют о характере культурной ориентации России в первой половине XVIII в., изменении читательских запросов образованной части русского общества. Это основное достоинство книготорговых каталогов как источников.

В приведенной ниже табл. 1 даются сведения о количестве книг (произведений), значившихся в каталогах 1731, 1734, 1738, 1739 и 1750 годов. Книги классифицированы по языковому принципу. В процентах выражено отношение количества книг на данном иностранном языке к общему числу иностранных книг, продававшихся в книжной лавке.

ТАБЛИЦА 1

Соотношение книг по языкам

Год издания каталога	Число книг на языках					Общее число продававшихся иностранных книг
	немецком	латинском	французском	голландском	итальянском	
1731	483 46,8%	242 23,4%	274 26,5%	28 2,7%	6 0,6%	1033 100%
1734	1304 54,1%	655 27,2%	412 17,1%	28 1,1%	12 0,5%	2411 100%
1738—1739	1767 48,9%	1013 28,1%	807 22,3%	21 0,6%	3 0,08	3611 100%
1750	1642 52,7%	618 19,9%	851 27,3%	—	2 0,06%	3113 100%

Как видим, объем книготоргового репертуара с 1731 по 1739 г. увеличился более чем втрое и достиг внушительной цифры 3611 произведений. С 1739 по 1750 г. произошел некоторый спад числа продававшихся книг: иностранный отдел академической книжной лавки с 1742 по 1747 г. был закрыт, выписка книг из-за границы была временно прекращена.

Надо отметить, что по широте репертуара русский книжный рынок 30—50-х гг. XVIII в. не уступал западноевропейскому, в чем нетрудно убедиться, сопоставив полученные нами данные с книготорговыми каталогами европейских фирм того времени. Например, в каталоге берлинского книготорговца Амброза

Хауде (Ambrosius Haude)⁵ в 1730 г. значилась 781 книга на немецком и латинском языках, в России в академическом каталоге 1731 г. — 725 книг; в каталоге 1745 г. амстердамского книготорговца Меинарда Утверфа (Meinard Uytwerf)⁶ значилось 978 французских книг, в академическом каталоге 1750 г. лишь немногим меньше — 851 французская книга.

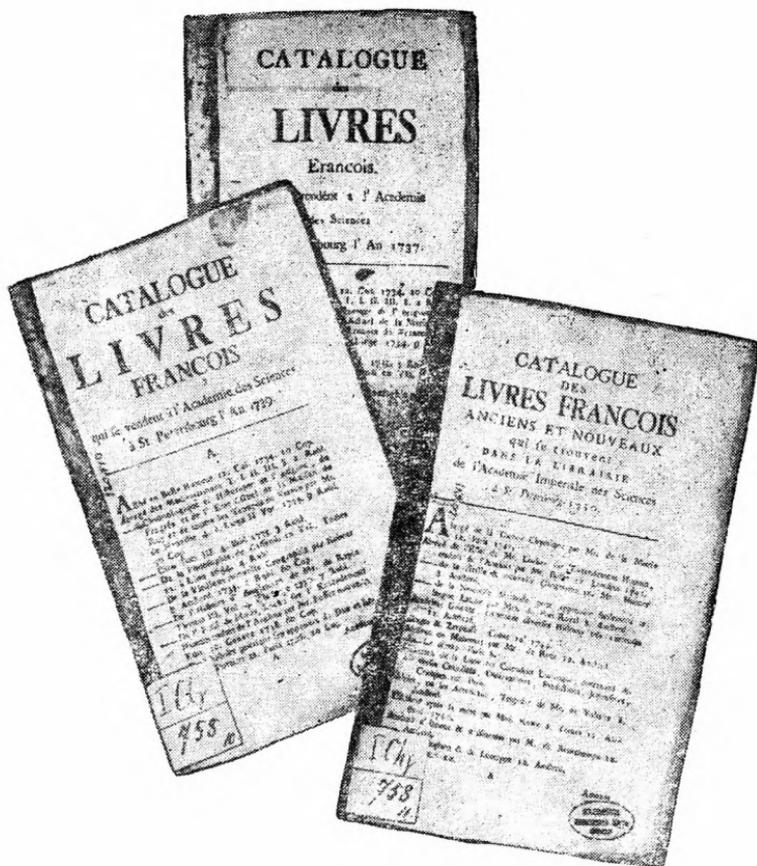
Перейдя к анализу репертуара продававшихся в России иностранных книг по языковому признаку, отметим, что в 30-х гг. XVIII в. немецких книг продавалось столько же, сколько всех остальных иностранных книг вместе взятых (в 1731 г. — 46,8%, в 1734 г. — 54,1%, в 1739 г. — 48,9% общего числа продававшихся книг). Это явление нельзя рассматривать иначе, как следствие того огромного политического и идеологического немецкого засилья, которое Россия пережила в период бироновщины. К 1750 г., в результате мер правительства Елизаветы Петровны, направленных на ослабление влияния немецкой партии в России, положение стало меняться. Наметилось некоторое снижение числа продававшихся немецких книг (в 1739 г. — 1767, а в 1750 г. — 1642), хотя они по-прежнему занимали значительное место в общем книготорговом репертуаре (в 1750 г. — 52,7%). Лишь в середине 50-х гг. XVIII в. немецкая книга, не выдержав конкуренции, была вытеснена с русского рынка французской книгой.

Обратившись к табл. 1, можно отметить, что сразу же после образования Академии наук в России возросла популярность латинской книги. В 30-х годах она (латинская книга) прочно занимала второе место после немецкой по полноте представленного в России репертуара (в 1731 г. — 23,4%, в 1734 — 27,2%, в 1739 — 28,1% общего числа продававшихся иностранных книг). Факт большой популярности латинской книги подтверждается еще и тем, что ее репертуар в это время очень быстро менялся. Из 242 латинских книг, продававшихся в 1731 г., к 1734 г. в лавке осталось лишь 96, т. е. все привезенные в Петербург экземпляры 146 книг (произведений) на латыни были распроданы. В 50-х годах репертуар привозившихся в Россию латинских книг сузился (в 1739 г. — 28,1%, в 1750 г. — 19,9%, в 1752 г. — уже лишь 10% общего числа продававшихся иностранных книг).

Наиболее примечательной была эволюция популярности в России французской книги. В 30-х годах, несмотря на постоянное значительное увеличение объема продажи, французская

⁵ *Catalogus von Alt und Neuen Büchern welche aus der Francfurther und Leipziger Oster-Messe 1730, mitgebracht und nebst vielen andern zu haben sind bey Ambrosius Haude. Berlin, 1730.*

⁶ *Catalogue des livres françois et latins qui se trouvent chez Meinard Uytwerf, libraire à Amsterdam, 1745.*

Каталоги французских книг, продававшихся в книжной лавке Академии наук в Петербурге в 1737, 1739 и 1750 гг.

литература занимала лишь третье место после немецкой и латинской по широте представленности в России. Дело дошло до того, что Академия наук в 1734 г. решила издавать «особливый каталог обретающихся в книжной лавке французских книг, понеже за множеством латинских и немецких книг те не так легко в глаза попадают».⁷ Первый каталог только французских книг был издан в 1737 г. (см. список на с. 39). В 50-х гг., как мы уже отмечали, дело коренным образом изменилось. Доля французских книг в общем книготорговом репертуаре возросла в 1750 г. до 27,3%, а в 1752 г. до 59%. Крупные партии французских книг ежегодно поступали в Россию, о чем свидетельствует обилие прибавлений к каталогу французских книг 1750 г. В БАН СССР хранится подборка таких прибавлений, выходявших с 1752 по 1764 г.

Завершая анализ книжного репертуара по языковому признаку, отметим, что в первой половине XVIII в. в России продавались книги на голландском и итальянском языках, но в очень небольших количествах.

Когда мы говорим о немецкой, латинской, французской, голландской или итальянской книге, имеется в виду книга на соответствующем европейском языке (немецком, французском, голландском, итальянском) или на латыни. Такое определение национальной книги было принято в XVIII в., оно закреплено в самих названиях основных библиографических пособий того времени — книготорговых каталогов (реестров), и в частности в названиях тех каталогов, о которых мы сейчас говорим (см. список на с. 39). Однако возможен и другой подход к проблеме национального разграничения иностранной книги, обусловленный прежде всего соображениями экономического порядка: немецкой книгой можно назвать любую книгу на любом языке, изданную на территории Германии, голландской — любую книгу, напечатанную в Амстердаме или Гааге, и т. д. Мы придерживаемся первого взгляда при определении национальной книги, так как он позволяет без излишних усилий, основываясь на твердом языковом, формальном признаке, ориентироваться в огромной массе издававшихся и продававшихся в XVIII в. книг. Однако рассмотрение репертуара продававшихся в России иностранных книг и с точки зрения места их издания дает интересные результаты. Так, исходя из данных академических книготорговых каталогов, можно утверждать, что подавляющее большинство произведений на немецком и латинском языках, привозившихся в Петербург, были изданы в Германии, причем в основном в Лейпциге. Например, в 1731 г. 209, или

⁷ Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1886, т. 2, с. 528—529.

около трети всех немецких и латинских книг, продававшихся в академической книжной лавке, были лейпцигскими изданиями. Не вызывает сомнения, что они закупались на знаменитых лейпцигских аукционах. Французские же книги, как это ни странно, попадали в Россию в основном не из Франции, а из Голландии. Для того чтобы яснее представить это явление, обратимся к следующей таблице, в которой французские книги, продававшиеся в России с 1731 по 1750 г., рассмотрены по месту их издания, (в процентах выражено отношение количества голландских, французских или других изданий французских книг к общему их количеству).

ТАБЛИЦА 2

Распределение французских книг по месту их издания

Место издания книги	Число французских книг, продававшихся		
	в 1731 г.	в 1739 г.	в 1750 г.
Голландия			
Амстердам	118	303	241
Гаага	46	125	148
другие голландские города	24	62	42
Итого:	188 (69%)	490 (61%)	431 (51%)
Франция			
Париж	43	143	253
другие французские города	6	10	10
Итого:	49 (18%)	153 (19%)	263 (31%)
Другие европейские страны (Англия, Германия, Австрия, Италия, Швейцария)	23 (8%)	89 (11%)	115 (13%)
Место издания книги не указано	14 (5%)	75 (9%)	42 (5%)
Всего:	274 (100%)	807 (100%)	851 (100%)

Как видим, французские издания французских книг и в 1750 г. были хуже представлены в России, чем книги, изданные в Голландии на французском языке. Из табл. 2, однако, явствует и то, что начиная с конца 30-х гг. стало расти число продававшихся в Петербурге парижских изданий. Это объясняется главным образом налаживанием Академией наук кон-

тактов с известным французским издателем-книготорговцем Бриассоном (Briasson), от которого в Россию стали поступать партии французских книг, в основном парижских изданий.⁸ Деятельность Бриассона подорвала голландскую монополию на ввоз в Россию французских книг, монополию, доходившую в 30-х гг. до крайности. Например, в 1733 г. такие популярные в XVIII веке европейские периодические издания, как «Журнал ученых»⁹ и «Французская библиотека»,¹⁰ давали объявления о выходе в свет 87 парижских изданий на французском языке, 24 амстердамских и 16 гаагских. Из них в Россию с 1734 по 1750 г. попало 10 парижских изданий (или 11%), 20 амстердамских (или 83%) и 13 гаагских (или 81%). К этому надо добавить, что еще около дюжины парижских изданий французских книг из 87 объявленных в 1733 г. были привезены в Россию в голландских переизданиях.

Перейдем теперь к анализу репертуара Петербургской академической книжной лавки по существу, т. е. попытаемся установить, какая литература, по каким отраслям знания продавалась в России в послепетровское время. Было бы неправильным, да и невозможным охарактеризовать в статье каждую из тысяч книг, обозначенных в каталогах, поэтому за единицу рассмотрения нами будут приниматься целые систематические разделы книг. Для такого анализа мы обобщили данные, содержащиеся в двух источниках: первый — список новых немецких, латинских и французских книг, поступивших для продажи в академическую книжную лавку в 1734 г., второй — аналогичный список книг, поступивших для продажи в 1752 г. Выбор источников обусловливался тем, что их анализ дает возможность сделать выводы о почти двадцатилетней эволюции рынка иностранной книги в России. Сведения об обоих списках даны нами в табл. 3. Все немецкие, латинские и французские книги систематизированы в таблице по восемнадцати тематическим отделам.¹¹ В процентах показано отношение числа книг каждого тематического отдела к общему числу поступивших в 1734 или 1752 г. иностранных книг.

⁸ О связях Бриассона с Академией наук см.: Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1895, т. 5, с. 446; 1900, т. 10, с. 150, 184, 191, 615.

⁹ *Journal des sçavans*. Amsterdam, 1733. Vol. 99—101.

¹⁰ *Bibliothèque française, ou histoire littéraire de la France*. Amsterdam, 1733. Vol. 18.

¹¹ При систематизации книг учитывалась классификация французской литературы XVIII в., данная в работе немецких исследователей В. Крауса и М. Фонтюса, а также систематизация академика К. М. Бэра. См.: Krauss W., Fontius M. *Französische Drücke des 18. Jahrhunderts in den Bibliotheken des DDR*. Berlin, 1970; Бэр К. М. Система классификации книг II Отделения Библиотеки Российской академии наук, составленная в 1841 году. Л., 1926.

ТАБЛИЦА 3

Поступления иностранных книг в Петербургскую книжную лавку Академии наук в 1734 и 1752 гг.

Отрасли знания, вид литературы	Число иностранных книг, поступивших в 1734 г.				Число иностранных книг, поступивших в 1752 г.			
	на языках			Итого	на языках			Итого
	немецком	латин- ском	француз- ском		немецком	латин- ском	француз- ском	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
I. Математика, арифметика, геометрия	5	4	4	13 (2,3%)	5	—	10	15 (1,3%)
II. Естественные и технические науки	25	15	6	46 (8,1%)	30	12	33	75 (6,6%)
III. История, генеология, геральдика	40	18	10	68 (12,0%)	34	11	95	140 (12,4%)
IV. География, картография, описания путешествий, страноведение	11	1	3	15 (2,7%)	27	1	33	61 (5,4%)
V. Политика и правоведение	32	27	6	65 (11,5%)	9	1	32	42 (3,8%)
VI. Экономика, торговля, финансы, до- моводство	20	—	1	21 (3,7%)	16	—	6	22 (2,0%)
VII. История литературы и искусства	4	3	1	8 (1,4%)	5	3	16	24 (2,1%)
VIII. Театр	2	—	—	2 (0,4%)	20	1	12	33 (3,0%)
IX. Художественная литература (рома- ны, письма, мемуары, описания экзотических путешествий и приключений, сказки, сбор- ники стихотворений, басен, анекдотов и из- речений, галантная литература)	37	7	29	73 (12,9%)	62	5	209	276 (24,5%)

X. Литература религиозного содержания (история религии, теология, религиозная полемика)	52	13	5	70 (12,4%)	27	18	24	69 (6,1%)
XI. Философия, эстетика, логика	8	3	7	18 (3,2%)	10	10	47	67 (6,0%)
XII. Мораль, нравы	15	—	—	15 (2,7%)	17	—	18	35 (3,1%)
XIII. Медицина и ветеринария	24	28	3	55 (9,7%)	30	24	16	70 (6,2%)
XIV. Военное и морское дело	10	1	5	16 (2,8%)	2	1	33	36 (3,2%)
XV. Архитектура, строительное дело	—	—	—	—	9	—	7	16 (1,4%)
XVI. Педагогика и филология (учебная литература, языковые словари, грамматики и т. д.)	10	8	6	24 (4,2%)	24	7	46	77 (6,8%)
XVII. Литература универсального содержания, периодика, библиография	8	5	6	19 (3,4%)	9	3	8	20 (1,8%)
XVIII. Разное (моды, охотоведение, фехтование, кулинария, хореография, садово-парковое искусство, игры в шахматы, карты и т. п.)	10	—	—	10 (1,8%)	8	—	9	17 (1,5%)
Вид литературы не установлен	12	14	1	27 (4,8%)	5	15	11	31 (2,8%)
Всего:	325	147	93	565 (100%)	349	112	665*	1126 (100%)

* В каталогах французских книг, продававшихся в 1752 г., могло значиться несколько десятков произведений, не проданных в 1730-х гг.

Как видим, общие количественные данные об эволюции книжного репертуара, приведенные в табл. 3, совпадают с теми, о которых мы говорили ранее (см. на с. 40). Если в 1734 г. в Россию было привезено 565 новых иностранных книг, то в 1752 г. уже в два раза больше — 1126 книг (произведений). Увеличение произошло за счет расширения репертуара продававшихся французских книг, которых в 1752 г. было привезено в семь раз больше, чем в 1734-м.

Рассматривая таблицу, мы можем заключить, что иностранные книги, поступавшие в академическую книжную лавку, касались обширного круга проблем. Особенно много привозилось художественной литературы, трудов по истории, географии, медицине и естественным наукам. В меньшем количестве продавались книги по военному делу, архитектуре и строительству, экономике. Литература этих разделов соответствовала светскому характеру научной деятельности Академии, установившемуся со времен Петра I. Однако и религиозная литература занимала значительное место в книжном привозе, особенно в 30-е гг. Это объяснялось тем, что в общем объеме книгопечатания Германии в первой половине XVIII в. религиозная литература занимала первое место,¹² а именно немецкие книги, как мы уже отмечали, составляли в это время большую часть книжного фонда академической лавки. К 1752 г., вследствие увеличения привоза в Россию преимущественно светской французской книги, удельный вес религиозной литературы в общем книжном репертуаре сократился до 6%. По всей видимости, в данном случае возымели действие и прямые распоряжения Академии наук не присылать в Россию «новых книг никаких молитвенных и других богословских, также и юридических диссертаций, к которым здесь охотников быть не может».¹³ Во всяком случае, и юридической литературы в 1752 г. было привезено для продажи в Россию меньше, чем в 1734 г.

Все остальные виды литературы были гораздо шире представлены в книжной лавке Академии наук в 1752 году по сравнению с 1734 годом. Число продававшихся трудов по истории возросло более чем вдвое, по географии — более чем четверо, по философии — более чем втрое, по военному и морскому делу — более чем вдвое.

Отдельно следует остановиться на расширении продажи в России произведений художественной литературы. Она и в 1734 г. занимала первое место по количеству книг, представленных в репертуаре академической книжной лавки. Однако в 50-х гг. в Россию хлынул такой поток разнообразных романов, описаний экзотических стран, что к концу XVIII в. она вышла на второе место.

¹² Книговедение: Энциклопедический словарь. М., 1981, с. 134.

¹³ Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1900, т. 10, с. 261.

тических приключений и путешествий, сборников басен, стихотворений и анекдотов, «произведений» галантной литературы и т. д., который даже и не могли себе представить русские аристократы 30-х гг., воспитанные в суровое и экономное Петровское время. Только в 1752 г. в Петербург было привезено около 100 романов (отдельных произведений). Можно утверждать, что роман, в основном французский, носивший порой философский, порой развлекательный, порой назидательный и моралистический характер, наибольшим образом повлиял на русского читателя середины XVIII в. Среди авторов продававшихся в России произведений французской художественной литературы мы встречаем имена прославленных писателей: Пьера Корнеля, Ж.-Б. Мольера, Никола Буало, Жана Лафонтена, Фенелона, аббата Прево, А. Р. Лесажа, Шарля Перро, Вольтера и десятков других известных авторов. Причем книготорговые каталоги свидетельствуют не только о факте продажи книг этих писателей, но и о их большой популярности в России. Например, в 1731 г. в Петербурге продавалось изданное в 1725 г. в Амстердаме четырехтомное собрание сочинений Мольера (Amsterdam, 1725, 4 vol., in-12°). К 1734 г. это издание уже исчезло из книжного репертуара, т. е. все его экземпляры, привезенные в Россию, были распроданы, но тут же в продаже появилось новое парижское издание 1733 г. В каталоге 1739 г. видим опять-таки новое издание сочинений Мольера (Paris, 1734, 6 vol., in-4°), а в каталоге 1750 г. еще два издания (Paris, 1739, 8 vol., in-12°; Amsterdam, 1744, 4 vol., in-12°). Эти данные свидетельствуют о том, что ни один экземпляр произведений Мольера не залеживался в книжной лавке Академии наук. О популярности того или иного автора говорит и число его работ, представленных в книготорговом репертуаре. Например, в 1750 г. в академической книжной лавке одновременно продавалось 17 произведений Вольтера.

Анализируя книжный репертуар Петербургской академической книжной лавки, отметим, что через посредство французских переводов русский читатель уже в 30-х гг. XVIII в. мог познакомиться с шедеврами итальянской, английской, португальской, испанской и других европейских литератур. Так, в 30-е гг. в Петербурге во французских переводах продавались произведения Джованни Боккаччо, Сервантеса, Джонатана Свифта, Даниэля Дефо, Вальтазара Грациана; в 1750 г. — произведения Шекспира, включенные в сборник «Английский театр» (La Place Pierre-A. de. Le Théâtre anglois. Londres. 1746—1749, 8 vol., in-12°).

По книготорговым каталогам можно установить степень оперативности поступления литературы в Россию. Из всех немецких и латинских книг, привезенных для продажи в 1752 г.,

- Teinturier Parfait, ou l'Art de teindre les Soyes, Laines, Fils, Chapeaux etc. 12. Paris.
- Testament Politique du Marquis de Louvois 12. Cologne.
- du Cardinal de Richelieu 8. Amst.
- Theatre de Mr. de la Fosse 12. Amst.
- Theorie des Sentimens Agreeables 8. Paris 1749.
- Traité de la Grammaire Française par Mr. l'Abbé Regnier Demarais 12. Amst.
- Général du Stile avec un Traité particulier du Stile Epistolaire 8. Amst. 1750.
- des Sections Coniques & autres Courbes anciennes par Mr. de la Chapelle 8. Paris 1750.
- Analytique des Sections Coniques & de leur Usage pour la Resolution des Equations dans les Problemes tant determinez qu'indeterminez par Mr. de l'Hôpital 4. Paris.
- Historique & Politique du Droit Public de l'Empire d'Allemagne 4. Paris 1748.
- de la Cephalotomie 4. Avignon 1748.
- de l'Attaque des Places par Mr. le Blond 12. Paris 1749.
- de la Petite Verole par Mr. Lobb 2. parties 12. Paris 1746.
- de la Fabrique des Manoeuvres pour les vaisseaux ou l'Art de la Corderie, perfectionné par Mr du Hamel du Monceau 4. Paris 1747.
- des Merveilles Nationales par Mr. de Morange 12. Paris.
- de la Police par Mr. de la Mare 4. Tom. fol Amst.
- Treſor de la Langue Française, François & Allemand 8. Leipzig.
- Usage du Compas de Proportion par Mr. Ozanam 12. Paris 1748.
- Veritable Ami, ou la Vie de David Simple 2. Tomes 12. Amst.
- Politique des Personnes de Qualité 12. Paris.
- Vie de Mariane, ou les Aventures de Mad. la Comtesse de ** par Mr. de Marivaux 8. à la Haye.

- Vie du Vicomte de Turenne par Mr. du Buisson 12. à la Haye.
- du Cardinal Commendon trad. par Mr. Flechier 12. Paris.
- d'Elisabeth Reine d'Angleterre avec fig. 2. Tomes 12. à Cologne.
- Vies de Grands Capitaines Grecs & Romains de Cornelius Nepos. 12. Paris.
- Volturna ou Eloges Amphigouriques de Fr. Marie Arrouet 8. Paris 1748.
- Voies de Zulma dans le Pais de Fées 12. Amst.
- de Glantzby dans les Mers Orientales de la Tartarie avec les Aventures surprenantes des Rois Horiman & Osmundar 12. Amst.
- de Gautier Schouten aux Indes Orientales 2. Tom. 12. Amst.
- de la Louisiane par le P. Laval 4. Paris.
- du S. Paul Lucas fait par Ordre du Roi dans la Grece, l'Asie Mineure, la Macedoine & l'Afrique 2. Tomes 12. Paris.
- du même au Levant 2. Tomes 12. Paris.
- Pictoresque de Paris par Mr. Des* 12. Paris 1749.
- en Turquie & en Perse par Mr. Otter 2. Tomes 12. Paris 1748.
- de la Baye de Hudson, fait en 1746. & 1747. pour la Decouverte du Passage de Nord-Ouest de Mr. Ellis traduit en François 2. Tomes 12. Paris 1749.
- du Chevalier des Marchais en Guinée, aux Isles Voisines & à Cayenne par le P. Labat 4. Tomes 12. Amst.
- autour du Monde par Anfon 4. Amst. 1751.
- celebres & remarquables faits de Perse aux Indes Orientales par le S. de Mandelstol fol. Amst.
- de Corneille le Bruyn au Levant, l'Asie Mineure, Chio, Rhodes, Chypre etc. 4. à la Haye.
- tres-curieux & tres-renommés faits en Moscovie, l'Asie Mineure, la Tartarie & Perse par le Sr. Olearius fol. Amst.
- Zingarella (la) o gli Amori di Don Giovanni de Casream, e Donna Costanza d'Arzevedo 8. 1751.
- LITRES

47% были того же, 1752 года издания. С большой регулярностью поступали в Петербург периодические и многотомные издания. Так, в 1729 г. в Париже началось издание известного биографического словаря «Мемуары для истории замечательных деятелей литературы» (Niceron le P. Jean-Pierre. Mémoires pour servir à l'histoire des hommes illustres dans la république des lettres). Издание было завершено лишь в 1745 г., но все это время, т. е. на протяжении 16 лет, новые и новые тома произведения, по мере их выхода в свет, привозились в Россию. Если в 1731 г. продавалось 14 томов издания, то три года спустя уже 24 тома, еще через пять лет — 32 тома и, наконец, в 1750 г. все 43 тома издания. Эти примеры свидетельствуют о значительной активности русской академической книжной торговли первой половины XVIII в.

Скажем теперь о ценах на иностранные издания в России, используя то, что в некоторых каталогах они указывались. Продажные цены колебались главным образом в зависимости от формата. Книги большого формата (fol., fol. max.) стоили в среднем больше 7 рублей за том, книги в четверку (in-4°) — 2р. 60к. за том, маленького формата (in-8°, in-12°) — 47 копеек за том.¹⁴ Книги большого формата, которые были в основном произведениями универсального содержания, энциклопедиями, богато иллюстрированными альбомами, конечно, были доступны лишь очень состоятельным людям. Книги же маленького формата (в основном художественная литература) приходились по карману самым широким слоям русского общества, начиная от богатых ремесленников и низшего чиновного люда. Сравнение стоимости книг в России и за границей показало, что при установлении цен Академия наук прежде всего учитывала стоимость иностранных изданий в Германии. Например, 13-томная «История Англии» Рапена де Туара (Rapin de Thoyras Paul. Histoire d'Angleterre... La Haye, 1724—1735, 13 vol., in-4°) стоила в Лейпциге 39 талеров, в России — 39 р. 50 к.; «Прибавление...» к этой «Истории» Н. Тендаля (Tindal Nicolas. Remarques historiques et critiques sur l'«Histoire d'Angleterre...». La Haye, 1733, 2 vol., in-4°) соответственно — 6 талеров и 6 рублей.¹⁵ А так как талер в середине XVIII в. был почти равноценен рублю (талер стоил 91 копейку),¹⁶ то можно утверждать, что

¹⁴ Эти статистические данные получены на основе цен 100 томов изданий маленького формата, 50 томов в четверку и 50 томов большого формата, вятых из каталога французских книг 1739 г. (см. список на с. 39).

¹⁵ Цена книг в талерах взята из известного книготоргового словаря Т. Георги: Georgi G. Allgemeines europäisches Bücher-Lexicon... Leipzig, 1742—1753. Th. 1—5.

¹⁶ О курсе рубля по отношению к европейским валютам в середине XVIII в. см. в кн.: Savary des Bruslons J. Dictionnaire universel de commerce... Genève, 1750, tom. 3, p. 494.

надбавка на привозившиеся из-за границы книги была незначительной.

На протяжении десятилетий цены на книги почти не менялись. Например, «Приключения Робинзона Крузо» (Defoe Daniel. *Avantures surprenantes de Robinson Crusoe*. Amsterdam, 1729, 3 vol., in-12°) стоили в 1731 г. 2 р. 10 к., в 1734 — 2 р. 25 к., в 1739 г. — 2 р. 25 к.; словарь Пьера Бейля (Bayle Pierre. *Dictionnaire historique et critique...* Amsterdam, 1730, 4 vol., in-fol.) соответственно — 20 р. 85 к., 21 р. 50 к. и 21 р. 50 к.

В заключение остановимся на вопросе о том, как быстро расходились книги, объявлявшиеся в книготорговых каталогах книжной лавки Академии наук. В данной статье мы уже привели ряд фактов, свидетельствующих о значительном спросе на иностранную литературу в России в первой половине XVIII в. Об этом говорит, например, увеличение от каталога к каталогу числа продававшихся иностранных книг, постоянная эволюция книжного репертуара, т. е. небольшой процент нереализованных и объявленных повторно произведений и т. д. Кроме этого, имеются прямые показатели значительных доходов академической книжной лавки в Петербурге. Так, только за период с 1731 по 1734 г. от продажи книг, в основном иностранных, было получено 21 270 р. 70 к.¹⁷ При средних ценах на книги, о которых мы уже говорили, на эту сумму можно было продать около 40 000 томов книг в восьмую и двенадцатую часть листа. Есть и совсем неоспоримое доказательство популярности иностранной книги в России в 40-х — начале 50-х гг. XVIII в. Это отчеты комиссара Московской академической книжной лавки Василия Иванова, в которых учтен каждый экземпляр книг, проданных в Москве в 1749—1753 гг.¹⁸ Эти уникальные документы показывают, что из 468 экз. французских книг (299 названий), поступивших для продажи в Москву в 1749 г., за два года было реализовано 438 экз. (или 94%) продававшихся французских книг. Из 251 экз. немецких книг (142 названия), привезенных в Москву в 1751 г., за два года было продано 102 экз. (или 41%) продававшихся немецких книг. В это же время продавалось 139 экз. латинских книг (71 название), и за тот же период (два года) было продано лишь 18 экз. (или 13%) продававшихся латинских книг.

Все вышеприведенные факты, еще раз подтверждая выводы, сделанные в данной работе, свидетельствуют о возможно-

¹⁷ Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1886, т. 2, с. 499.

¹⁸ ЛО ААН, ф 3, оп. 1, № 1079—1083.

сти использования печатных книготорговых каталогов как источников для изучения истории книги и о большой популярности в России 30—50-х гг. XVIII в. иностранной литературы.

С. П. Луппов

ТИПОГРАФИЯ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В 1741—1765 гг.

Новые данные

Типография Академии наук сыграла крупную роль в развитии культуры России, в распространении в стране знаний. Особенно велико было ее значение в самые первые десятилетия существования, пока еще не были учреждены другие крупные русские типографии, издававшие светскую литературу: Московского университета (1756 г.), Сухопутного кадетского корпуса (1757 г.). В этот период типография Академии наук практически занимала монопольное положение в деле издания русских книг светского содержания. Она продолжала играть большую роль и в дальнейшем, несомненно, всегда будет привлекать внимание историков культуры как объект изучения.

К сожалению, до настоящего времени еще не создано сколько-нибудь полного исторического очерка академической типографии, и сведения по ее истории исследователям приходится извлекать из целого ряда изданий, в которых нашли отражение далеко не все дошедшие до нас исторические данные. Даже многие факты, опубликованные в 10 томах «Материалов для истории имп. Академии наук», использованы в нашей литературе явно недостаточно и зачастую остаются неизвестными широкому кругу исследователей.

Настоящая статья отнюдь не является попыткой создания исчерпывающего исторического очерка типографии Академии наук за 25-летний период, относящийся к середине XVIII века (1741—1765). Задача ее гораздо скромнее — ввести в научный оборот неизвестные и малоизвестные данные по истории академической типографии, почерпнутые как из архивов, так и из некоторых опубликованных источников. Новые данные касаются в основном двух больших проблем: штата типографии (сведения о мастеровых людях, их квалификации, расстановке на

работе, системы оплаты труда и т. д.) и определения тематики изданий (как и кем решался вопрос о напечатании тех или иных книг, все ли издания были связаны с тематикой научных исследований Академии, наличие и роль заказных изданий и кто являлся заказчиком). Публикуемые новые материалы, на наш взгляд, представляют интерес не только для историков книжного дела.

С самого своего возникновения Петербургская Академия наук уделяла исключительное внимание публикации своих трудов. Типография Академии наук была создана почти одновременно с самой Академией и в кратчайшее время, в течение каких-то полутора десятков лет, превратилась в самую мощную типографию страны, издававшую более половины книг и статей, выходявших в то время в России, а также всю периодику. Все это были издания только светского содержания, причем значительная часть издательской продукции Академии наук публиковалась на различных иностранных языках (немецком, латинском, французском, итальянском и др.).

Для выполнения обширной программы издательской деятельности Академия наук должна была, почти на пустом месте, создать собственные кадры квалифицированных типографских работников, приобрести необходимое оборудование, изготовить набор различных шрифтов. В Ленинградском отделе Архива Академии наук СССР сохранился относящийся к 1744 г. каталог 54 образцов шрифтов, которыми пользовалась академическая типография, среди них 19 немецких, 20 латинских, 2 греческих, 1 турецкий и др.¹

Типография Академии наук была сложным по своей структуре учреждением. По архивным данным, в 1741 г. в ее состав входили: так называемая «немецкая типография», в которой набирались и печатались тексты на иностранных языках, «российская типография» (набор и печатание текстов на русском языке),² «словолитная» и «пунсонная» палаты (изготовление типографских шрифтов), «грыдоровальная и рисовальная» палата (подготовка оригиналов для иллюстраций), «фигурная палата» (печатание иллюстративных материалов), «переплетная палата» (переплет книг).

В 1741 г. в «немецкой типографии» работало 23 мастеровых (наборщики, тередорщики, или печатники, «батыйщики», или мастеровые, наносившие краску на набранный текст, ученики); возглавлял палату наборщик Фридрих Розе. В «российской ти-

¹ Дуппов С. П. Книга в России в послепетровское время, 1725—1740. Л., 1976, с. 42.

² По существу «российская» и «немецкая» типографии являлись разными отделами одной и той же типографии.

пографии» было 25 человек (2 корректора — Алексей Барсов и Федор Степанов, 5 наборщиков, 8 тередорщиков и батыйщиков, 10 учеников). Возглавлял эту типографию корректор Алексей Барсов, он же был ответственным за набор и печатание текста в обеих типографиях. В «словолитной палате» (15 чел.) под руководством мастера Битнера работали «словолитцы», слесари, ученики; «пунсонной палатой» руководил мастер Купий, у которого было 5 учеников. В «грыдоровальной и рисовальной палате» было 38 человек: мастера и подмастерья «грыдоровального дела», «живописцы», 27 учеников; в «фигурной палате» под руководством мастера Келлера трудилось 26 человек «печатников» и «работников». «Переплетной палатой» руководил мастер Крымендорф, у которого было 2 подмастерья и 6 учеников.³ Таким образом, издательским делом в Академии наук, фактическим руководителем которого являлся ближайший помощник И. Д. Шумахера унтер-библиотекарь (или помощник библиотекаря) И. К. Тауберт, был занят большой коллектив работников разного профиля и разной квалификации (свыше 140 чел.), начиная от очень крупных специалистов, типа мастера «грыдоровального дела» Х. А. Вортмана, создавшего русскую школу гравировального искусства, до рядовых учеников типографского дела. Все эти люди получали весьма различное вознаграждение за свой труд. Лучшие специалисты из числа приглашенных иностранцев (Х. А. Вортман, мастер пунсонного дела Купий, «живописцы» рисовальной палаты, т. е. художники) получали очень крупные по тому времени оклады — 500 рублей в год. Другие мастера-иностранцы, в том числе и возглавлявшие палаты, например мастер словолитной палаты Битнер, мастер переплетной палаты Кримендорф, получали меньше — 180—290 руб. в год, русские специалисты еще меньше (корректор А. С. Барсов, возглавлявший русскую типографию, — 120 руб. в год). И совсем мало (18—30, а иногда и 12 руб. в год) получали ученики, имевшиеся во всех звеньях сложного аппарата, связанного с издательским делом. Это были русские люди, обучавшиеся в типографии мастерству с тем, чтобы со временем стать специалистами своего дела.

Число русских мастеровых людей, даже на тех участках, где приходилось иметь дело с иностранными языками, все время росло. Мы видим, например, что уже в 1741 г. среди наборщиков иностранных текстов «немецкой типографии» иностранцев было только четверо (из семи), остальные наборщики были русские люди, так же как и все тередорщики и батыйщики. В «российской типографии» все мастеровые люди были русскими. Однако замена самих мастеров-иностранцев русскими

³ ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, № 62, л. 628—637.

людьми проходила в типографии Академии наук сравнительно медленно.

Как известно, в соответствии с Регламентом Академии наук 1747 г., в обеих «типографиях» — «российской и «немецкой» — должно было работать всего 24 чел.⁴ Однако это число совершенно не соответствовало обширной программе, стоящей перед Академией по изданию ее трудов и материалов. Попытки сокращения штата типографии вели лишь к тому, что приходилось держать большое число людей сверх штата. Так, в 1750 г. в обеих типографиях на штатных должностях находились всего 27 чел., сверх штата держалось еще 18 чел.,⁵ и, следовательно, общее количество людей практически не сократилось по сравнению с 1741 г.

Мощность типографии определяется обычно числом работающих типографских станов. В академической типографии в 1753 г. работало 11 станов.⁶ Для того времени это было большое число: вспомним, что в самой большой типографии Петровского времени, Петербургской, в момент ее ликвидации (1727 г.) числилось лишь 7 станов.⁷

До нас дошел очень любопытный документ — доношение руководителя обеих академических «типографий» («российской и «немецкой») Алексея Барсова, являющееся ответом на запрос президента Академии наук. В доношении Барсов дает расстановку мастеровых людей по типографским станам, сообщает, сколько жалованья получает в год каждый из них, что печатает в данное время каждый стан и в какую сумму обходится Академии наук в год работа стана.⁸ Эти сведения, относящиеся к декабрю 1753 г., очень хорошо воссоздают картину повседневной работы академической типографии. Приводим их, сгруппировав данные в виде таблицы, в которой имеется также графа о стаже мастеровых людей, заполненная на основе «реестра типографских служителей», хранящегося в том же деле.⁹ Ввиду неточности названий печатающихся книг, приведенных Барсовым в своем доношении, мы даем в табл. 1 (в квадратных скобках) подлинные названия книг и другие сведения о них там, где это нам удалось сделать по имеющимся в нашем распоряжении данным.

⁴ История Академии наук СССР. М.; Л., 1955, т. 1, с. 296.

⁵ Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1900, т. 10, с. 282—287, 292—293.

⁶ ЛО ААН, ф. 3, оп. 4, № 137, л. 69—70 об.

⁷ Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973, с. 63.

⁸ ЛО ААН, ф. 3, оп. 4, № 137, л. 69—70 об.

⁹ Там же, л. 61—62.

ТАБЛИЦА 1

Номер типографского стана, кто на нем работает, что печатается	С какого года мастеровой работает в типографии	Жалование мастерового в год
1	2	3
<i>Стан № 1</i>		
Наборщик Фридрих Розе	с 1727 по 1741 снова с 1746	200 руб.
Ученик Николай Акимов	с 1736 по 1744, снова с 1748	48 руб.
« » Готлиб Розе	с 1747	30 руб.
Терedorщик Антон Спиридонов	с 1739	50 руб.
Батыйщик Астафий Табирев	с 1747	36 руб.
<p>На стане печатается диссертация доктора Бургавы о младенце уроде на латинском языке [Historia anatomici infantes, cuius pars corporis infentior mostrosa. Petropoli, 1754. [8], 112 с.; 11 л. ил.].</p>		Итого 364 руб.
<i>Стан № 2</i>		
Наборщик Торкил Гейер	с 1738 по 1743, 1752	180 руб.
Ученик Федор Соловьев	с 1742 по 1744, 1745	42 руб.
« » Семен Хлопачев	с 1744	30 руб.
За терedorщика батыйщик Алексей Афанасьев	с 1747	45 руб.
Батыйщик Григорий Яковлев	с 1751	36 руб.
<p>На стане печатается военный артикул на русском и немецком языках [Устав воинский... СПб., 1753. [4], 427 с. 8°. Титул. лист и текст на рус. и нем. яз. СК, т. III, № 7574]. Возможно, что это «Книга устав воинской...» СПб., 1755. [2], 260 с. 8°. СК, т. II, № 2966].</p>		Итого 333 руб.
<i>Стан № 3</i>		
Наборщик Артемий Лыков	с 1734	120 руб.
Ученик Михайло Шеногин	с 1741	30 руб.
Терedorщик Павел Терехин	с 1742	50 руб.
Батыйщик Иван Шалоуров	с 1751	30 руб.
<p>Печатается Лексикон Вояжирский на французском, русском, латинском и немецком языках [Новый лексикон на</p>		230 руб.

1	2	3
<p>французском, немецком, латинском и на русском языках... Ч. 1. СПб., [1755]. [2], 1—48, 45—1062 с. 8°.</p>		
<p><i>Стан № 4</i></p>		
Наборщик Иван Акимов	с 1736	120 руб.
Ученик Федор Думнов	с 1751	12 руб.
« » Андрей Кузьмин	с 1751	12 руб.
За тередорщика батыйщик Агей Курицын	с 1749	40 руб.
Батыйщик Семен Веретенников	с 1749	40 руб.
<p>Печатается Описание земли Камчатки [Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. 1—2. СПб., 1755. 4°. СК, т. II, № 4290].</p>		<p style="text-align: right;"><u>Итого 224 руб.</u></p>
<p><i>Стан № 5</i></p>		
Наборщик Федор Иевский	с 1736	100 руб.
Ученик Алексей Григорьев	с 1744	36 руб.
Тередорщик Иван Спицын	с 1738	50 руб.
Батыйщик Алексей Черкизов	с 1751	30 руб.
<p>Печатается книга «Современный купец»</p>		<p style="text-align: right;"><u>Итого 216 руб.</u></p>
<p><i>Стан № 6</i></p>		
Наборщик Семен Полянинов	с 1736	100 руб.
Ученик Петр Леонтьев	с 1742	36 руб.
« » Петр Сидоров	с 1750	18 руб.
За тередорщика батыйщик Андрей Клеопин	с 1748	45 руб.
Батыйщик Федор Герасимов	с 1735	48 руб.
<p>Печатается т. 5 «Роленовой истории» [Роллен Ш. Древняя история... Т. 5. СПб., 1760. [8], 370 с. 4°. СК, т. III, № 6041].</p>		<p style="text-align: right;"><u>Итого 247 руб.</u></p>
<p><i>Стан № 7</i></p>		
Наборщик Василий Позняков	с 1736	60 руб.
Ученик Дмитрий Ишутин	с 1747	18 руб.
« » Иван Карякин	с 1750	12 руб.
За тередорщика батыйщик Петр Герасимов	с 1727	48 руб.
Батыйщик Яков Морозов	с 1725 по 1743, снова с 1749	45 руб.
		<p style="text-align: right;"><u>Итого 183 руб.</u></p>

1	2	3
<p>Печатается т. 6 «Роленовой истории» [Роллен Ш. Древняя история... Т. 6. СПб., 1760. [10], 412 с. 4.° СК, т. III, № 6041].</p>		
<i>Стан № 8</i>		
Ученик Петр Чахлев	с 1736	60 руб.
« » Николай Тыронов	с 1751	12 руб.
За тередорщика батыйщик Иван Богомоллов	с 1747	45 руб.
Батыйщик Данило Верещагин	с 1751	30 руб.
<hr/> Итого 144 руб.		
<p>Печатаются «Жильбазовы похождения» [Лессаж А. Р. Похождения Жильблаза де Сантилланы... Т. 1—4. СПб., 1754—1755. 8°. СК, т. II, № 3653].</p>		
<i>Стан № 9</i>		
Ученик Алексей Котельников	с 1742	36 руб.
« » Василий Пирогов	с 1747	24 руб.
За тередорщика батыйщик Савелий Иванов	с 1749	24 руб.
Батыйщик Иван Чернышев	с 1742	50 руб.
<hr/> Итого 134 руб.		
Печатается... [Неразборчиво].		
<i>Стан № 10</i>		
Ученик Михайло Баранов	с 1740	30 руб.
« » Лев Кузнецов	с 1750	12 руб.
Тередорщик Мирон Флоров	с 1732	72 руб.
« » Иуда Семенов	с 1735	72 руб.
Батыйщик Степан Воротников	с 1728	50 руб.
<hr/> Итого 236 руб.		
<p>Печатаются «Немецкие Ведомости» и прочие дела на большой бумаге [т. е. большого формата].</p>		
<i>Стан № 11</i>		
Ученик Дмитрий Красиков	с 1746	24 руб.
« » Федор Сидоров	с 1747	27 руб.
Тередорщик Петр Гаврилов	с 1731 по 1743,	50 руб.
	с 1747	
Тередорщик Алексей Данилов Лыков		62 руб.
Батыйщик Дмитрий Старожилов	с 1752	30 руб.
<hr/> Итого 193 руб.		
<p>Печатаются Русские Ведомости, да тискаются корректуры</p>		

Таким образом, каждый из 11 работающих в типографии станов обслуживался, говоря современным языком, бригадой, состоящей из 4—5 мастеровых людей: наборщиков, тередорщиков, батыйщиков, учеников. Наборщиков в академической типографии было всего 7, поэтому для 4 станов наборщиков не хватало, их заменяли опытные ученики, которые получали за свой труд значительно меньше, хотя и выполняли достаточно сложную работу. Именно благодаря большой разнице в оплате набора текстов, сильно, как мы видим, различались суммы, выплачиваемые за работу на разных станах. Они колебались в очень больших пределах: от 134 руб. в год (стан № 9) до 364 руб. (стан № 1, где набирался сложный текст на латинском языке). Работа всех 11 станов обходилась Академии наук примерно в две с половиной тысячи рублей в год, да сверх того двум корректорам — Барсову и Маскову — выплачивалось каждому по 200 руб. в год. Всего в типографии Академии наук, по данным упоминавшегося выше «реестра типографских служителей», было 56 мастеровых,¹⁰ из них 51 человек работал непосредственно у типографских станов. Из сказанного видно, что по сравнению с 1741 г. количество людей, занятых в типографии набором и печатанием текстов, несколько увеличилось.

По сведениям того же Барсова, прежде в типографии Академии наук имелось только 8 станов, в 1750 г. число станов доведено до 11, «а ныне, — сообщает далее Барсов, — еще сделано вновь пять станов, токмо места нет, где бы их поставить».¹¹ Следовательно, Академия наук принимала меры к дальнейшему развитию своей типографии. Недаром в штате ее имелось 20 учеников-наборщиков с немалым стажем работы. Они, как мы видели, уже вполне могли заменить наборщиков. Но Академия не торопилась прибавлять жалование ученикам. Наборщик-ученик со стажем свыше 10 лет получал всего 30 руб. в год.

Табл. 1 показывает, что мастеровые типографии Академии наук имели солидные стажи работы: от 2 до 17 лет, а в отдельных случаях и больше (например, батыйщик Петр Герасимов — 26 лет, батыйщик Степан Воротников — 25 лет). Русские мастеровые, как правило, получали производственные навыки тут же в типографии. Здесь же выковывались и кадры руководителей. Сам руководитель типографии корректор Алексей Барсов являлся выходцем из московской Спасской школы, откуда он был прислан в Академию для обучения в академическом университете. Однако в то время он еще не был достаточно подготовлен к тому, чтобы слушать лекции профессоров,

¹⁰ ЛО ААН, ф. 3, оп. 4, № 137, л. 61—62.

¹¹ Там же, л. 68 об.

и по распоряжению президента Академии наук его послали учиться в гимназию при Академии наук. При вторичном «освидетельствовании» в 1740 г. Барсов, приобретший к тому времени уже солидные знания, был назначен корректором типографии.¹²

Показательна судьба другого квалифицированного мастерового типографии — Михаила Яковлева. С 1730 г. Яковлев, как видно из его доношения, обучался в академической гимназии немецкому, латинскому и французскому языкам, арифметике и географии. Кроме того, он получил практические навыки работы в типографии Академии наук, где его привлекали к работе не только в будни, но также в праздничные дни и даже в ночные часы. В 1739 г. Яковлев был уже произведен в наборщики типографии, в 1742 г. — в подмастерья. К тому времени он мог свободно набирать тексты на различных языках, в том числе и на грузинском, владел искусством набора специальных текстов (например, математических формул), обучал типографскому делу учеников, из которых некоторые стали уже сами наборщиками. В 1746 г. Яковлев просил академическое начальство дать ему должность фактора, т. е. руководителя типографии. Ссылаясь на отсутствие подобной вакансии, Канцелярия Академии наук отказала Яковлеву в должности фактора типографии, однако повысила его должностной оклад со 120 до 180 руб. в год.¹³ Такое денежное вознаграждение русские мастеровые получали крайне редко. Судьба этого талантливого человека была, по-видимому, очень печальна. Следствием перенапряжения на работе явилась чахотка. В 1748 г. Яковлев просил Академию наук дать ему возможность получить по этому поводу консультацию у доктора Бургаве.¹⁴ В дальнейшем в документах Академии наук Яковлев уже не упоминается.

Рядовые мастеровые зачислялись в академическую типографию при наличии там свободных мест. Работа эта привлекала грамотных людей, и на отсутствие желающих поступить в типографию Академия, по-видимому, не могла жаловаться. В архиве Академии наук сохранилось прошение одного такого желающего работать в типографии: «Бьет челом Троицы-Сергиева монастыря Ярославского уезда села Коприна крестьянин Лука Изотов сын Орлов...», который «уведомился, что потребен в Академию наук в типографию батыйщик...», и просит «определить» его на это место (25 авг. 1740 г.). Канцелярия Академии наук приняла Луку Орлова в типографию, но, ввиду того, что у него не было «нового пашпорта», вынуждена была

¹² Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1895, т. 8, с. 712.

¹³ Там же, с. 174—176, 275—276.

¹⁴ Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1897, т. 9, с. 279.

уже через 5 месяцев уволить его, оплатив его работу по очень низкой ставке, из расчета по 2 р. 50 к. в месяц.¹⁵

Интересны сведения о продолжительности рабочего дня в типографии, которая зависела от времени года. В протоколе Канцелярии Академии наук от 24 мая 1748 г. зафиксировано, что типография работает в мае—июле с 6 утра до 12 часов дня, а потом, после обеденного перерыва, с 14 до 20 часов. В августе—октябре распорядок был такой: утром с 7 до 12 часов, после обеда с 14 до 19 часов, в ноябре—декабре типография работала утром с 8 до 12 часов и после обеда с 14 до 19 часов.¹⁶ Таким образом, продолжительность рабочего дня летом и весной была 12 часов, осенью — 10, а зимой — 9 часов.

Сохранились сведения и об объеме работы, выполненной типографией по набору и печатанию книг в 1746—1753 гг. Эти данные мы получаем из составленной руководителем типографии А. С. Барсовым «Ведомости, сколько каких книг напечатано с июня месяца в 1746 году по нынешнее число...» (т. е. по 25 октября 1753 г.).¹⁷ Сведения за 1746 и 1753 гг. являются неполными, и мы их опускаем. Данные о работе типографии мы приводим в следующей таблице:

ТАБЛИЦА 2

Годы	Объем изданий в авт. листах	Число названий подготовленных книг и других материалов
1747	317,1	41
1748	252,9	45
1749	309,4	34
1750	329,0	31
1751	500,4	47
1752	356,5	34
Всего:	2065,3	232
В среднем в год	344,2	39

Однако, как легко устанавливается при сверке данных Барсова со «Сводным каталогом русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800» (т. 1—5), а также с имеющейся в Библиотеке Академии наук СССР картотекой книг, изданных в России на иностранных языках в том же XVIII в., в сведениях Барсова, представленных президенту Академии наук, существуют труднообъяснимые пропуски. Так, например, в данных Барсова за 1747 г. по неизвестной причине пропущены следующие

¹⁵ ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, № 62, л. 264, 266, 267.

¹⁶ Материалы для истории имп. Академии наук, т. 9, с. 226.

¹⁷ ЛО ААН, ф. 3, оп. 4, № 137, л. 62—63 об.

щие издания Академии наук на русском языке: «Эзоповы басни» — 515 с. (32 п. л.); Регламент Академии наук (два издания общим объемом около 7,5 п. л.). А из книг на иностранных языках пропущено сочинение Корнелия Непота о великих полководцах древности, изданное Академией наук на латинском языке (около 15,75 п. л.). Следовательно, всего пропущено 4 издания объемом свыше 55 п. л.

Следует отметить еще один, возможно сознательный, пропуск в сведениях Барсова, составленных для представления президенту Академии наук. В настоящем сборнике помещена информация Н. А. Копанева о секретном письме, продававшемся в книжных лавках Академии наук под видом зарубежного издания, но являвшемся фактически изданием Петербургской Академии наук (см. с. 158). Это письмо, несомненно, должно было быть напечатано в типографии Академии наук, но в сведениях Барсова оно не упоминается.

Пропуски Барсова заметил Д. В. Тюличев, который, используя сведения Барсова при написании своей статьи «Классификационно-статистический анализ академических изданий 1747—1753 гг. ...», внес необходимые, по его мнению, исправления в опубликованные в этой статье таблицы, хотя и не оговорил исправления в тексте статьи.¹⁸ Данные Д. В. Тюличева, как нам удалось убедиться, тоже не вполне точны, хотя и ближе к истине, чем данные Барсова. Оставляя пока не разрешенным до конца вопрос об уточнении объема издательской продукции типографии Академии наук за отдельные годы (к этому вопросу мы намереваемся вернуться в своей будущей статье), можно условно принять, что в 1747—1753 гг. типография Академии наук ежегодно выпускала в среднем около 40 книг и других материалов (календарей, комплектов газеты «Санктпетербургские ведомости», речей послов и т. д.) общим объемом свыше 360 печатных листов. Следовательно, на одного мастерового типографии (56 человек, считая корректоров) приходилось в год значительно больше 6 печатных листов. По сравнению с 1740 г. объем продукции, выпускаемой ежегодно типографией Академии наук, вырос почти в два раза.¹⁹

Перечень изданий академической типографии 1746—1753 гг. показывает, что Академия выпускала книги буквально по всем

¹⁸ Тюличев Д. В. Классификационно-статистический анализ академических изданий 1747—1753 гг. как метод изучения русской культуры середины XVIII в. (по новым материалам). — В кн.: Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. Л., 1973. [Вып.] 3. с. 299—318. Речь идет о таблицах, опубликованных на с. 302, 303, 317.

¹⁹ В 1740 г. Академическая типография издала лишь 24 названия книг и других материалов (см.: Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время, с. 50).

отраслям знания, что публиковалась исключительно светская литература и что издания очень сильно разнились по своему объему: от $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ листа до 60—70 и даже $132\frac{1}{2}$ листов («Савариев Лексикон»). Анализ тематики изданий академической типографии не входит в нашу задачу вследствие ограниченности объема настоящей статьи. Этой теме мы предполагаем посвятить специальную статью в следующем сборнике Библиотеки Академии наук по истории книги. Здесь же мы коснемся других вопросов, связанных с работой типографии Академии наук.

Кто и как определял тематику изданий типографии? Изученные дошедших до нас материалов показывает, что разработанной программы издательской деятельности Академии наук не имела. Регулярно публиковались периодические и продолжающиеся издания Академии («Санктпетербургские ведомости» и приложения к ним, очередные тома «Новых комментариев»), законченные труды ученых Академии, издания, необходимые Академии наук для обеспечения ее планомерной деятельности (программы лекций, читавшихся при Академии, каталоги книг академической библиотеки, реестры книг, продававшихся в академической лавке), календари разных типов и т. д.

Но помимо всего этого постоянно возникала необходимость напечатания и других книг. Инициатива в их издании принадлежала как самой Академии, так и посторонним для нее лицам, которые вносили академическому начальству соответствующие предложения. Вот пример решения канцелярии Академии наук от 6 октября 1746 г. о переиздании одной из книг, вышедших еще в Петровское время: напечатанные при Петре «Вокабулы на латинском, немецком и российском языке ныне печатать вновь целый завод, то есть тысячу двести экземпляров...». Это решение сообщалось для исполнения помощнику библиотекаря И. К. Тауберту, ведавшему в Академии, как мы знаем, издательскими делами, и корректору Алексею Барсову. Переводчику Василию Лебедеву предлагалось вести корректуру.²⁰ В данном случае речь шла о переиздании по инициативе самой Канцелярии Академии наук словаря, вышедшего в 1718 г. (а затем второй раз в 1720 г.), в свою очередь являвшегося переизданием «Номенклатора» И. Копшевского, изданного в Амстердаме в 1700 г.²¹

Вот другой пример постановления Канцелярии Академии наук о напечатании книги в академической типографии. В июле 1748 г. было решено присланную в Петербург рукопись двух-

²⁰ ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, № 842, л. 123.

²¹ Описание изданий гражданской печати. 1708 — янв. 1725. М.; Л., 1955, № 334, 525.

томного труда Л. Эйлера²² о корабельной науке печатать «немедленно здесь [в Петербурге], оставя на столе другие важные дела», каждого тома по 600 экз. Корректуру править — 1-го тома Рихману, 2-го тома Брауну.²³

Для распоряжений Канцелярии Академии наук о напечатании той или иной книги характерна детальность указаний, кому что надо делать. Так, например, когда встал вопрос о переиздании для нужд академической гимназии «Краткой политической географии» Х.-Н. Винсгейма, в которой требовалось сделать необходимые дополнения и исправления, канцелярия Академии наук распорядилась выправить русский текст, после чего автору книги, Винсгейму, внести соответствующие исправления в немецкий текст, адъюнкту Попову сделать перевод исправлений Винсгейма на русский язык, академиком М. В. Ломоносову, Г.-Ф. Миллеру и И.-Э. Фишеру выправить как русский, так и немецкий варианты текстов. Для этого требовалось послать немецкие экземпляры Винсгейму и Фишеру, а после возвращения от них текста — Попову и затем Ломоносову. После всего этого приказывалось печатать книгу на русском языке — 1200 экз.²⁵

Иногда предложения о напечатании книг в академической типографии поступали со стороны переводчиков. Они предлагали Академии наук издать сделанные ими переводы иностранных книг. Переводчики знали тематику, которая могла интересовать Академию наук, и зачастую переводили произведения иностранной литературы специально для того, чтобы потом предложить свои переводы Академии. Это делали как штатные переводчики Академии наук, так и посторонние лица. Вот несколько примеров. В 1750 г. капитан Псковского пехотного полка Иван Шишкин предложил Академии наук для напечатания сделанный им перевод французской книги «Les Stratagèmes et ruses de guerre». Канцелярия Академии наук распорядилась послать рукопись Шишкина для рецензирования Ломоносову, Крашенинникову и Попову, которым предлагалось установить, кто автор и издатель оригинала, хорошо ли сделан перевод, достоин ли перевод того, чтобы он был напечатан «академическим иждивением». Ломоносов дал положительный отзыв: перевод Шишкина «весьма не худ»; также положительный отзыв дал Попов. Зато В. К. Трелиаковский отозвался отрица-

²² В эти годы Л. Эйлер не являлся действительным членом Петербургской Академии наук и жил за границей.

²³ Материалы для истории имп. Академии наук, т. 9, с. 298, 299. Труд Эйлера «Scientia navalis seu Tractatus de construendis et dirigendis navibus» (t. 1, 2) вышел в Петербурге в 1749 г.

²⁴ Материалы для истории имп. Академии наук, т. 8, с. 565.

²⁵ Материалы для истории имп. Академии наук, т. 9, с. 735.

тельно, назвав перевод «пошлым». Все же Академия вынесла решение о печатании на основе отзывов Ломоносова, Попова и Крашенинникова и пренебрегла отзывом Тредиаковского.²⁶

В 1764 г. по просьбе секунд-майора Александра Салтыкова в академической типографии был напечатан за счет переводчика перевод с французского комедии Б.-Ж. Сорена «Обычай нынешнего света». Тираж 1200 экз. обошелся переводчику всего в 41 р. 52 к.²⁷

15 января 1748 г. переводчик Академии наук Василий Лебедев подал доношение в Академию, что он в 1746 г. «самопроизвольно» (т. е. по своей инициативе и во внерабочее время) перевел «Лешерову физику» и «Корнелия Непота». Не соблаговолит ли Академия напечатать эти переводы и дать за них «пристойное награждение». Рукописи переводов даны были на отзыв Ломоносову, который признал перевод произведения Корнелия Непота («Житие славных генералов») достойным для напечатания, а перевод «Лешеровой физики» неисправным и самый оригинал негодным. Академия наук на основе отзыва Ломоносова вынесла решение печатать Непота («Житие славных генералов») 1200 экз., переводчику Лебедеву дать за труд 100 экз. напечатанной книги, а перевод «Лешеровой физики» «вернуть Лебедеву с указанием, чтобы таких книг больше не переводить».²⁸ 19 марта 1750 г. было вынесено решение о напечатании книги «Путешествие около света» Р. Уолтера, переведенную тем же В. Лебедевым «в свободные дни и часы».²⁹ Такая формулировка давала право Лебедеву на получение от Академии особого вознаграждения за перевод. И «Житие славных генералов» Непота, и «Путешествие около света» были напечатаны академической типографией (первая книга в 1748 г., вторая — в 1751 г.).

Вопрос об издании Академией наук переводов, сделанных разными лицами в надежде получения за них соответствующего вознаграждения от Академии, тесно связан с проблемой издания в этой типографии трудов различных авторов за свой счет. В нашей статье «Типография Сухопутного шляхетного кадетского корпуса в 1757—1763 гг. и ее заказные издания», опубликованной в одном из сборников Библиотеки Академии наук СССР по истории книги, мы приводили примеры заказных изданий Кадетской типографии. В этой типографии по-

²⁶ Там же, т. 10, с. 311, 394, 591, 618, 624, 625.

²⁷ ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, № 285, л. 362, 363. См. также: СК, т. 3, № 6707, с. 151.

²⁸ Материалы для истории имп. Академии наук, т. 9, с. 17, 63, 64. Также 100 экз. перевода после его опубликования было присуждено дать С. П. Крашенинникову за его перевод «Истории о Александре Великом» Квинта Курция Руфа (см.: Материалы для истории имп. Академии наук, т. 10, с. 436—437).

²⁹ Там же, с. 339.

стоянно печатались заказные издания, которые составляли там 75% издательской продукции.³⁰ Теперь выясняется, что заказные издания практиковались и в типографии Академии наук, причем в более раннее время. Таким образом, Кадетская типография вполне могла использовать опыт, накопленный типографией Академии наук.

Академическую типографию широко использовал А. П. Сумароков для опубликования своих художественных произведений. В этой типографии были напечатаны в 1747—1751 гг. трагедии Сумарокова «Хорев», «Гамлет», «Синав и Трувор», а также его «Две епistolы». Все это были заказные издания автора. Сохранился расчет стоимости напечатания «Двух епistol» (2¹/₈ печ. листа, тираж 1012 экз.): за набор, печатание и бумагу, пошедшую на это издание, Сумарокову пришлось заплатить 34 р. 42 к.³¹ Следовательно, один экземпляр напечатанного перевода стоил Сумарокову немногим более 3 копеек. Условия для него необычайно выгодные.

Каждое заказное издание, прежде чем выносились решение о его напечатании, рецензировалось. Рецензентами Сумарокова были академики Ломоносов, Тредиаковский. По поводу «Двух епistol» Ломоносов писал, что «в них содержится много изрядных стихов, правдивые правила о стихотворстве в себе имеющих. Сатирические стихи, которые в них содержатся, ни до чего важного не касаются, но только содержат в себе критику некоторых худых писцов без их наименования».³² Таким образом, задача рецензии была облегчить выдачу разрешения на издание рукописи, доказав, что она не содержит ничего предосудительного.

Выгодные для авторов условия опубликования их произведений заказными изданиями побудили и В. К. Тредиаковского в июне 1747 г. обратиться к Академии наук с просьбой о напечатании в академической типографии за его счет рукописи «Разговор о российской орфографии и о начале славенских литер». Канцелярия Академии наук распорядилась напечатать рукопись Тредиаковского с тем, однако, чтобы он внес «на первый случай» (т. е. заплатил вперед) 100 рублей. И поскольку у Тредиаковского этих денег не оказалось, ему был выдан аванс 100 рублей в счет жалованья, которые Тредиаковский должен был внести вперед, до окончательных расчетов за напечатание его рукописи.³³

³⁰ Книга и библиотечное дело в России в XIV — первой половине XIX в.: Сб. науч. тр. Л., 1982, с. 8—22.

³¹ Материалы для истории имп. Академии наук, т. 9, с. 598, 599.

³² Там же, с. 554, 555.

³³ Там же, т. 8, с. 478, 538, 539.

С просьбой о напечатании заказными изданиями своих произведений обращались к Академии наук не только Сумароков, Тредиаковский, но и гораздо менее известные авторы. Лейб-гвардии капитан Николай Тишин в феврале 1764 г. просил напечатать за его счет отдельным изданием тиражом 1000 экз. опубликованные им ранее в «Ежемесячных сочинениях» (январь 1764 г.) «Описания торжественных шествий имп. Екатерины в Ростов и в Ярославль». Разрешение было дано. Тишин уплатил за напечатание всего 17 руб.³⁴

В том же 1764 г. было напечатано для аукциониста Штрихера 400 экз. стихов, за которые заказчик заплатил 1 р. 45 к.³⁵ За год до этого по заказу придворного проповедника Платона Левшина было напечатано «Слово в день Успения». Из всего тиража (602 экз.) 202 экз. было отдано заказчику, остальные 400 экз. были переданы в книжную лавку Академии наук.³⁶

Приведенные примеры показывают, что круг заказчиков был достаточно широк и Академия наук легко давала разрешения на печатание рукописей, видимо, потому, что типография не была достаточно загружена.

Следует сказать, что заказчиками были не только частные лица, но и учреждения. Вот несколько примеров. В 1748 г. канцелярия лейб-гвардии Измайловского полка заказала в академической типографии напечатать «офицерские патенты» 60 персонам по приложенному при заказе реестру, а также 3 абшида отставленным от службы офицерам.³⁷ В том же году Коллегия иностранных дел просила напечатать приложением к «С.-Петербургским ведомостям» на русском и французском языках прощальную речь шведского посла Густава Вулфенстиерна и речь нового шведского посла Густава Гепкена, а также ответы на эти речи.³⁸

В нашей статье «К вопросу об уточнении репертуара русской книги первой половины XVIII века» уже говорилось о неучтенных в «Сводном каталоге русской книги XVIII в.» изданиях академической типографии, вышедших как «Прибавления» к газете «С.-Петербургские ведомости». В числе этих изданий были между прочим и речи послов, произнесенные при вручении верительных грамот, и прощальные.³⁹ Теперь выясня-

³⁴ ЛО ААН, ф. 3, оп. I, № 280, л. 219, 220, 222. «Описания» Тишина были опубликованы (см.: СК, т. 3, № 7253, с. 226).

³⁵ Там же, № 825, л. 418.

³⁶ Там же, № 278, л. 127. См. также: СК, т. 2, № 5369, с. 427.

³⁷ Материалы для истории имп. Академии наук, т. 9, с. 503.

³⁸ Там же, с. 539.

³⁹ Луппов С. П. К вопросу об уточнении репертуара русской книги XVIII века: (Новые данные о не дошедших до нас изданиях). — В кн.: Книжное дело в России в XVI—XIX веках. Л., 1980, с. 35—42.

ется, что это были заказные издания Коллегии иностранных дел. И поскольку тиражи заказных изданий зачастую полностью передавались заказчикам и не поступали ни в продажу, ни в Библиотеку, не удивительно, что издания не дошли до нас. Можно привести и другие примеры заказных изданий Коллегии иностранных дел, например «Мемориал о Курляндских делах», напечатанный на польском языке (100 экз.) в 1763 г.⁴⁰ Таким же заказным изданием, на этот раз Сената, был «Манифест о бунте в Шлиссельбургской крепости», напечатанный в 1764 г. на русском языке тиражом 5300 экз., а на французском и немецком языках тиражами по 200 экз. на каждом из указанных языков. За эти издания Сенат должен был заплатить 43 р. 50 к.⁴¹

Рост числа заказов на печатание книг и других материалов в академической типографии (причем некоторые из этих заказов невозможно было отклонить, например заказы Сената) являлся одной из причин стремления типографского начальства постоянно увеличивать мощность типографии. Но в помещении типографии уже не находилось места для размещения новых станков. Поэтому в 1759 г. был открыт ее филиал — так называемая новозаведенная типография на углу 7-й линии Васильевского острова и набережной Невы. В этой типографии работало 5 станков, а штат ее составлял всего 18 человек.⁴²

Видимо, стремление академического начальства поскорее включить в работу 5 новых станков, об изготовлении которых еще в 1753 г. сообщал, как мы помним, Барсов, явилось непосредственной причиной создания филиала, поскольку в старом здании типографии места уже не было. Для работы на этих станках академическому начальству удалось наскрести лишь 18 человек. (Вспомним, что в старой типографии на один стан приходилось 4—5 мастеровых, здесь же на один стан приходилось менее 4 человек).

Были ли у новой типографии свой профиль деятельности, или же она являлась простым придатком старой типографии? Сохранившиеся сведения о рукописях, набравшихся в 1761—1763 гг. в «новозаведенной типографии», свидетельствуют, как нам представляется, в пользу второго предположения. Вот эти сведения:

По указу от 15 января 1761 г. в новой типографии печатались 16 томов «Римской истории» тиражом 2400 экз.;

согласно указу от 8 февраля 1761 г. «Нестерова Летописца» 3630 экз.;

⁴⁰ ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, № 286, л. 93, 94.

⁴¹ Там же, л. 181.

⁴² История Академии наук СССР, т. 1, с. 297.

согласно указу 23 октября 1762 г. «Бюффона натуральной истории» 1200 экз.;

согласно указу от 22 ноября 1762 г. «Четы минен» две книги для директора Чиршина 1200 экз. «на ево собственной бумаге»;

согласно указу от 20 мая 1763 г. 2-го и 3-го тома Геродотовых повествований по 600 экз.;

согласно указу от 9 октября 1763 г. «Возражение на генерал-майора Яковлева» 600 экз.;

согласно указу от 9 октября 1763 г. «Нравоучительная философия» на шет Писарева 2003 экз.;

согласно указу от 3 декабря Вторая часть Робинзона Крузо 1200 экз.;

согласно указу от 4 декабря «Повесть о страстях» в 2-х частях, перевод подпоручика Полонского по 1200 экз.;

согласно указу от 11 декабря Грамматика на латинском и русском под смотрением Ломоносова 1200 экз.⁴³

Эти сведения (названия печатавшихся книг даны здесь в той формулировке, как они приведены в архивном деле), если сравнить их с полным списком вышедших в эти годы книг, не позволяют установить какую-то специфику книг, набравшихся в новой типографии. Тематика их, как нам представляется, в целом соответствовала тематике изданий, печатавшихся в старой типографии Академии наук. Так же обстояло дело и с заказными изданиями. Они имелись и там и тут. Это подтверждается и другими дошедшими до нас данными. Так, например, заказ на набор «Слова о смертном сне в день Успения» Платона Левшина (602 экз.) был направлен в новозаведенную типографию,⁴⁴ а поступившие примерно в это же время заказы на напечатание стихов для Штрикера и на напечатание «Мемориала о Курляндских делах» направлены в старую типографию.⁴⁵

Наиболее вероятным является предположение, что «новозаведенная типография» рассматривалась академическим начальством как добавление к старой типографии. К тому же она и просуществовала недолго, всего 7 лет, с 1759 г. по 1766 г.⁴⁶ Очевидно, помещение, которое занимала типография, понадобилось для других целей. Таким образом, новозаведенная типография была довольно случайным явлением в истории типографии Академии наук.

⁴³ ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, № 280, л. 322, 322 об.

⁴⁴ Там же, № 278, л. 127.

⁴⁵ Там же, № 825, л. 418; № 216, л. 93, 94.

⁴⁶ Русское книгопечатание до 1917 г. М., 1964, с. 175.

П. И. Хогеев

БИБЛИОТЕКА СОЗДАТЕЛЯ РУССКОГО ФАРФОРА Д. И. ВИНОГРАДОВА

Дмитрий Иванович Виноградов (1720—1758) внес выдающийся вклад в развитие отечественной науки и культуры: он создал русский фарфор, ставший нашей национальной гордостью.

Современники Д. И. Виноградова не имели возможности по достоинству оценить его великолепный талант. При жизни ученого о его работе преднамеренно умалчивали: все, что было связано с созданием русского «порцелина», держалось в строгой тайне. После кончины Виноградова его имя было надолго предано забвению. Лишь сравнительно недавно историки и искусствоведы приступили к изучению творческого наследия первого русского фарфориста. К настоящему времени обобщены результаты научной и практической деятельности Виноградова, установлены основные вехи его жизненного пути.¹ Однако в целом его биография остается малоизученной.

Публикуя ниже описание книжного собрания Д. И. Виноградова, мы выражаем уверенность, что этот документ послужит источником новых сведений о замечательном ученом. Описание хранится в Центральном государственном историческом архиве СССР среди материалов, связанных со смертью Д. И. Виноградова.² В ней два раздела: первый раздел — «Catalogus librorum metallurgicorum», второй раздел — «Роспись книгам на разных языках разных наук и художеств». Тот факт, что описание состоит из двух частей, свидетельствует, по нашему мнению, о следующем. Библиотека Виноградова вскоре после его смерти была поделена на определенных условиях между заинтересованными учреждениями или частными лицами. Так, научные издания, перечисленные в первой части описи, могли понадобиться Кабинету, Берг-коллегии или Академии наук. Остальные книги могли

¹ Императорский фарфоровый завод. 1744—1904. СПб., 1906, с. 11—52; Безбородов М. А. Дмитрий Иванович Виноградов — создатель русского фарфора. М.; Л., 1950.

² ЦГИА СССР, ф. 468, оп. 45, д. 623, л. 268—278.

поступить в распоряжение наследников Виноградова, хлопотавших о возвращении его пожитков.

В публикуемой описи перечислены иностранные и русские издания — более 250 названий (всего 274 тома).³ В основу этого собрания легли книги, приобретенные Виноградовым в Германии, куда, как известно, он был направлен в 1736 г. Санктпетербургской Академией наук вместе с Михаилом Ломоносовым и Густавом Ульрихом Райзером для изучения химии, минералогии, металлургии и горного дела. Как выясняется, необходимую литературу Виноградов покупал в Марбурге,⁴ Фрейберге, Шнееберге. Возвращаясь в 1744 г. на родину, он вез с собой несколько десятков книг, которые стали своего рода «ядром» его библиотеки.

Вскоре по приезде из-за границы, в начале 1745 г., Д. И. Виноградов получил чин бергмейстера и место на создававшейся тогда в окрестностях Петербурга Порцелиновой мануфактуре: по существу, ему было поручено возглавить организацию первого фарфорового производства в России.

Секреты китайского и саксонского фарфора тщательно скрывались. Поэтому Виноградову пришлось начинать дело практически с нуля. Ему предстояло, во-первых, найти химический состав фарфоровой массы, во-вторых, наладить изготовление новых керамических красок и, в-третьих, разработать конструкцию печей и технологию обжига фарфора. Многолетняя работа закончилась полным успехом. Важно отметить, что секрет фарфора был раскрыт Виноградовым не эмпирическим путем, а в результате кропотливых научных изысканий. Нет никакого сомнения, что он постоянно обращался к научной и справочной литературе, имевшейся у него под рукой.

Естественно, что в библиотеке создателя русского фарфора, считавшего, что «дело порцелина химию за основание и за главнейшего своего предводителя имеет»,⁵ самый большой раздел (50 названий) — это литература по теоретической и прикладной химии. Здесь рядом с работами Германа Бургаве, Георга Эрнста Штала, Джона Фрейнда, приобретенными Виноградовым в Марбурге, находим известные во всей Европе труды Николая Лемери, Фридриха Гофмана и целого ряда других авторитетных ученых. Интересно, что у Виноградова было полное собра-

³ Следует сразу оговориться, что в описи не учтены рукописные книги, принадлежавшие Виноградову.

⁴ Перечень книг, приобретенных Виноградовым в Марбурге, опубликован в кн.: Морозов А. А. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости. 1711—1741. М.; Л., 1962, с. 461—464 (прим. 136).

⁵ Виноградов Д. И. Обстоятельное описание чистого порцелина. — В кн.: Безбородов М. А. Дмитрий Иванович Виноградов — создатель русского фарфора, прил. 4, с. 398.

ние сочинений Рудольфа Глаубера, который уделял особое внимание изучению различных химико-технологических процессов и разрабатывал разного рода нагревательную аппаратуру. Книги по минералогии (их у Виноградова было 40), горному делу (таковых около 30), металлургии (их полтора десятка) — вся эта литература, бесспорно, использовалась Виноградовым в повседневной работе.

Несмотря на постоянно испытываемые материальные затруднения, Д. И. Виноградов до конца своих дней регулярно пополнял естественнонаучный раздел своей библиотеки. Впрочем, точно так же обстояло дело и с гуманитарным разделом, где довольно хорошо была представлена русская словесность. У Виноградова имелись стихотворные и драматические произведения Ломоносова,⁶ Тредиаковского, Сумарокова, Поповского. Бергмейстер читал (а быть может, и переводил) Гомера, Вергилия, Сенеку, Федра. Он интересовался русской историей,⁷ философией, политикой.

Виноградов следил за выходом русских периодических изданий и имел несколько полных годовых комплектов «Санктпетербургских ведомостей». «Примечаний к Ведомостям»,⁸ «Ежемесячных сочинений к пользе и увеселению служащих».

Мы располагаем архивными данными о том, что Д. И. Виноградов пользовался услугами академической книжной лавки.⁹ Тяжелое материальное положение вынуждало его иной раз приобретать книги в долг. Он приучил себя покупать для своей библиотеки лишь самое необходимое. В результате сложилось среднее по размерам, но прекрасно подобранное книжное собрание.

В заключение настоящего предисловия приведем краткие сведения о книгах из собрания Д. И. Виноградова, которые нам удалось выявить в фондах Библиотеки Академии наук СССР. Самая интересная находка — конволют, составленный из двух изданий: «Нового и краткого способа к сложению российских стихов» В. К. Тредиаковского (СПб., 1735) и либретто оперы «Сила любви и ненависти» (СПб., 1736).¹⁰ На форзаце конво-

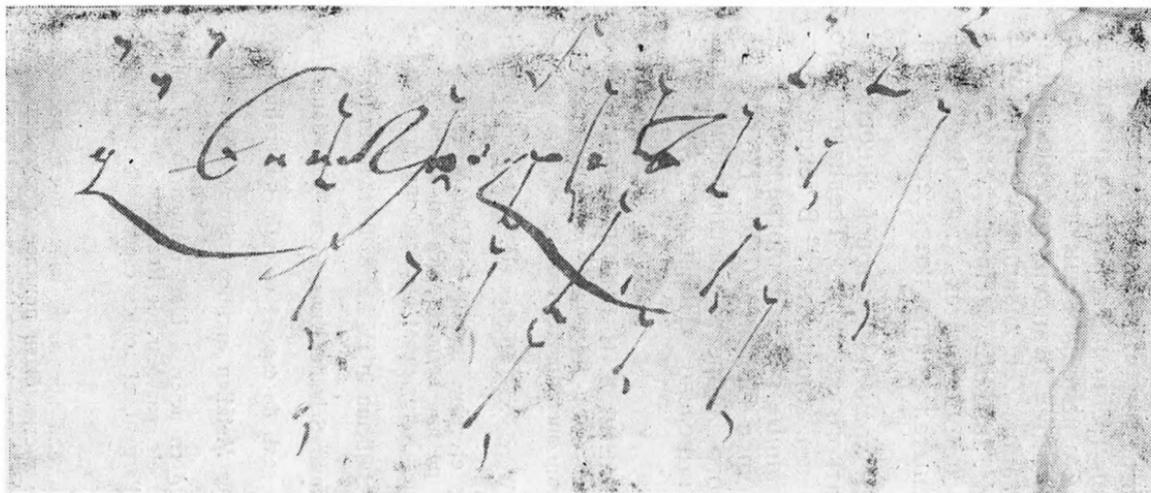
⁶ Очень вероятно, что некоторые опубликованные сочинения М. В. Ломоносова Виноградов получил в дар от автора.

⁷ Среди книг о России в библиотеке Виноградова имелась «Московская хроника» Петра Петрея (Petrejus de Erlesunda P. Historien und Bericht von dem Grossfürstenthumb Muschkow... Lipsiae, 1620, 4°). Возможно, эта книга перешла к Виноградову от Ломоносова в период их совместной учебы в Германии. Подробности см. в кн.: Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова. М.; Л., 1961, с. 272.

⁸ В частности, Виноградов располагал «Примечаниями к Ведомостям» за 1731 г., где была опубликована серия статей И. Г. Гмеллина, содержащих общие сведения о производстве фарфора.

⁹ ЦГИА СССР, ф. 468, оп. 45, ед. хр. 620, л. 616.

¹⁰ Шифр ОРРК БАН: Конв. 235 (1—2).

Владельческие надписи Д. И. Виноградова

люта — владельческая надпись: «D. Winogradoff, <...> 1736». Второй аллигат надписан дважды: на чистой странице, предшествующей контртитлу, проставлены инициалы «D. W.», а 102-я страница текста помечена автографом «Д. Виноградов». Переплетные крышки конволюта с внутренней стороны испещрены записями на русском, латинском и немецком языках.¹¹ Вот одна из них: «Adjeu, mon cher ami Dmitrey Iwanoviz, gedenke an denjenigen, der mit Ihnen eine geraume Zeit zusammen gelebet und viele Erbeben erlitten hatte. Andr. Jasikoff» («Прощай, мой дорогой друг Дмитрий Иванович, вспоминай о тех, кто с Вами вместе долгое время прожил и испытал много потрясений. Андр. Языков»).

Как оказалось, в БАН СССР хранятся и второй виноградовский экземпляр «Нового и краткого способа...» Тредиаковского (уже в отдельном переплете, а не в конволюте).¹² В тексте трактата встречаются пометы, сделанные рукой Виноградова.

Наконец, о книге «Александр в Индии» (СПб., 1755).¹³ На титульном листе этого оперного либретто каллиграфическим почерком Д. И. Виноградова выведено: «Переводил Адам Олсуфьев».¹⁴

ОПИСЬ КНИЖНОГО СОБРАНИЯ Д. И. ВИНОГРАДОВА
(ЦГИА СССР, ф. 468, оп. 45, д. 623, л. 268—278)

Catalogus librorum metallurgicorum

1. Georgii Agricolae Vom Berg Werck XII. Bücher etc. Verteutschet durch Philipp. Bechium fol. Basel 1621. Cum fig.
2. Albert. Magn. de mineralibus et rebus metallicis Libr. V. Aug. 1589.
3. Theophili Albin Meisnische land und berg chronica fol. Dresd. 1589.
4. Alchimia denudata, Wunder der Natur nebst beschreibung des Zwickawischen Sandes 8vo lipsiae 1723.
5. Ulissi Aldrovandi Museum metallicum in IV libros distributum fol. Bonon. 1648. Cum fig.
6. Aufrichtig entdeckte probier und Scheide Kunst derer Venetianer 3vo Salfeld 1717.
7. divi Thom. de Aquin. tractat sext. de esse et essentia mineralium 8vo Colon. 1594.
8. Joh. Arnd von Entzeigung der Metallen in libro naturae. 8vo. fraackfurt. 1723.
9. L'art de convertir le fer forgè en acier et L'art d'aducir le fer fondu, ou de faire des ouvrage de fer fondu etc. par Msr. de Reaumur 4to par. 1722.
10. Avis de riches mines d'or, d'argent, et toutes especes de meteaux de montes Pyrenées fol.

¹¹ Записи оказались доступными для прочтения лишь после расклейки форзацев (их свободные внутренние листки были приклеены к крышкам переплета). Первоначальный облик конволюта восстановила реставратор отдела гигиены книги БАН СССР Н. А. Петрова.

¹² Шифр ОРРК БАН: 1735/10.

¹³ Шифр ОРРК БАН: 1755/26.

¹⁴ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. М., 1964, т. 2, с. 236, № 4179.

11. Thom. Bartholini de mineralibus Haffniae 1674.
12. Becheri Zugaben zu der physica subterranea 8vo. franckf. 1680.
13. ejusdem opuscula chymica rariora, nebest berichten von dem Sande [неразборчиво] bergwerck etc. 8vo Nurnberg 1719 cum fig.
14. Joh. joach. Becheri chymische Concordantz 4to 1755. lipsiae.
15. Ejusdem pantaleon.
16. ejusdem Metallurgia, oder Natur Kündigung 8vo. franckf. 1669.
17. Ejusdem chymisches laboratorium 8vo. franckf. 1690.
18. Petri Bellonii Cenomani plurimarum singularium et memorabilium rerum in graecia, asia, AЕgipto, judea, arabia alijsq. provinciis ab ipso conspectarum fol. lugd. Batav. 1605 cum fig.
19. Vinc. Bellovacensis lapid. historia. fol. duac. 1662.
20. Liberii Benedicti de principiis naturae et artis liber aureus 8vo. franckf. 1630.
21. Bernhardi Comitris trevisani de Cnymia libri III. Urselii 1598.
22. Robert de Berquen les merveilles des indes orientales et occidentales, ou traité des pierres precieuses et des perles 4to à Paris 1661.
23. Martine de Berteveau de mines et minieres de france 8vo a paris 1640.
24. Laur. Bööck historia gemmarum et lapidum. 8vo. lugd. Batav. 1636.
25. Wilh. Bosmann Reise nach Guinea, oder ausführliche Beschreibung daisiger Goldgrube. 8vo. hamburg.
26. Robert Boyle, Nobilis Angli de gemmis et gemmarum origine et virtute specimen 8vo. londini 1673.
27. Ejusdem observations de generatione metallorum 8vo london 1678.
28. Magni Brommel, Sac. Reg. Maj. Svelh. Arciial. etc. Lythograph. Svecan. Specimen Imum 4to Upsal 1726.
29. Ejusdem Specim. Idum telluris Svecanae 4to ibidem 1727. Cum fig.
30. Franc. Ernest. Brückmanni Magnalia Dei in locis subterraneis, oder Unterirdische Schatz Cammer und beschreibung aller berg Wercke etc. folio. Braunschweig 1727. Cum fig.
31. Ejusdem der Unterirdischen Schatz Cammer IIter Theil fol. Wolfenbüttel 1730. Cum fig.
32. Ejusdem historia naturalis curiosa lapidis τov 'ασβεστοv etc. 4to Brunsw. 1727.
33. Thesaur. subterr. ducat. Brunsvigii etc. 4to 1728. Cum fig. Braunschweig.
34. Nicol. Cabei philosophia Magnetica etc. fol. colon. 1629.
35. H. M. H. S. P. M. C. Chymia curiosa per experimenta 8vo. londini 1687.
36. And. Caesalpini, Aretini de metallicis lib. III. 4to Romae 1596 u. Norimbergae etiam 4to 1602.
37. Bernhardi Caesii Mineralogia fol. lugd. Bat. 1636.
38. P. Stephan. Csiba dissertat. historico physica de montibus Hungariae 12. Tyrnaviae 1724.
39. Kenel. Digby eröffnete Thür zu Heimlichkeiten in der Scheide Kunst 8vo lipsiae 1700.
40. Ephemerides Academiae Caesar. naturae curiosorum ab anno 1670 et seq. 4to lipsiae. Cum fig.
41. Lasari Erckers Aula subterranea etc. fol. 1703. Cum fig. franckf.
42. Ejusdem beschreibung der aller fürnemsten mineralischen Ertzt u. berg Arten etc. 4to 1684.
43. Erfindung einer neuen Seigerung und Ertz beitzung 12. braunschweig. 1690.
44. Evacis. Arabum regis scriptum de gemmis 4to. lipsiae 1685. u. 8vo Wittenberg 1674.
45. Exercitatio de vitris tam naturalibus quam factiliis 4to gedani 1654.

46. Pet. joh. Fabri auserlesene Chymische Schrifften III. Tomi etc. 4to hamburg 1713.
47. Modestini fachsens probier Buchlein 8vo Amsterdam 1669.
48. Chr. Glasers chymischer Wegweiser 12. jena 1696.
49. joh. lud. Glasers bergmännisches Monats-blumlein, oder kurtzer Unterricht vom berg werck 12 Ulm. 1717.
50. joh. Rud. Glauberi opera omnia.
51. Theodori Gummerti Urschprung u. Ende der generation und Vitrification der Metallen 4to Dresden 1674.
52. L. Christ. Hellvigs Anmuthige Berg Hystorien oder Beschreibung der Metallen, Mineralien, edelgesteine etc. 12mo lipsiae 1702.
53. joh. Bapt. van Helmont opera omnia per Mich. Bernh. Valentinum 4to francf. 1696 u. dito deutsch Nürnberg 1683.
54. D. joh. friedr. Henckels Pyritologia oder Kiess Historie. 8vo leipzig 1725. Cum fig.
55. Leonh. Dav. Hermanns Maslographia etc. 4to Brieg. 1711. Cum fig.
56. Christ. Hertwig Neues Volkomenes Berg-Buch etc. fol. dresd. u. Leiptzig. 1710.
57. D. frid. Hoffmann Kurtze Beschreibung der Saltz-wercke zu Halle 4to 1708.
58. joh. jsaac Hollandi opera mineralia et vegetabilia. 8vo Middel 1600.
59. Homeri aurea catena, oder Urschprung aller natirl. dinge 1723 4to.
60. D. Dav. Kelnerns officina chymico-metallica curiosa 8vo Nordhausen 1723.
61. phil. Keslerus redivivus oder 500 chym. processe. 8vo francf. 1666.
62. Athan. Kircheri Mundus subterraneus in XII libros digestus II tomi fol. amsterodami 1665. Cum fig.
63. D. Eman. Königii Regn. minerale 4to Basel 1703.
64. Valent. Krautermans Regn. minerale etc. 8vo franckf. und Leiptzig 1726.
65. joh. Kunckels Vollstaendige Glassmacher-Kunst. Nürnberg 1755 4to.
66. ejusdem chymische anmerkungen in drey Reichen etc. 8vo. Vittenb. 1677.
67. D. joh. christ. Lehmanns terebra metallo scopica, etc. 4to leipzig 1714. Cum fig.
68. Nicol. Lemeris Cours de chymie 8vo à paris 1696.
69. Georg. Engelh. von Löhneyss ausführlicher bericht von Bergwercken etc. fol. Stokholm und hamburg. 1690.
70. Marbodaei, galli, opus de gemmarum, lapidumq. praetiosorum formis, natura et viribus etc. 8vo Colon. 1539.
71. M. joh. Mathesii Pfarrers in St. joachimsthal, Sarepta oder Bergpostilla 4to Freyberg 1679.
72. Medicina metallorum, oder gründliche Wissenschaft die geringen metalle zu reinigen etc. 4to Leiptzig 1723. Cum fig.
73. M. Christ. Meltzers von Wolkenstein Schneebergisch Chronicon etc. 4to Schneeberg 1684.
74. Thom Nicols, Angli, Edelgestein Büchlein oder Beschreibung der Edelgesteine etc. aus dem Englischen übersetzt von Johann Langen 8vo Hamb. 1675.
75. j. c. o. Sol sine veste 8vo 1700.
76. Pandulphus von bergwercken.
77. La restitution de Pluton, ou traité des mines de France. 8vo Paris 1640.
78. joh. Retti fodinae regules Angliae. 4to london 1670.
79. Balthas. Rössleri speculum metallurgiae politissimum etc. fol. Dresden. 1700. Cum fig.
80. P. Gabr. Rzaczymsky, soc. jesu historia naturalis curiosa Regni poloniae etc. 4to. Sandomir 1721.

81. Angeli salae chrysiologia s. examen auri chymicum 8vo hamb. 1622.
82. Mich. Sendivogii chymische Schrifften durch Rothscoltzen. 8vo Nürnberg 1678.
83. Georg Ernst. Stahl Metallurgia, oder Anweisung zur Metallurgie etc. 8vo Leiptzig 1720.
84. Ejusdem propempticon inaugurale de ortu venars metallicarum. 4to Halae 1700.
85. Joh. Guil. Täntzels Hungaria s. disput. miscell. de natura Hungariae fol. dilingae 1700. Cum fig.
86. Joh. Thöldens Hessi Antimonii mysteria gemina Alex. v. Suchten. 8vo Lipsiae 1704.
87. Ejusdem Haligraphia. 8vo Leiptzig 1612.
88. Joh. Wilhelm Vogels fodinarum inspectoris in india zehen jarige ostindianische Reise, III. Theil. 8vo altenburg. 1704.
89. Nicol. Voigtels Vermehrte Geometria subterranea. fol. Eissleben 1686.
90. Joh. Christ. Weigeli Abbildung aller hoher und niedriger berg officierer 4to Nurnberg 1722.
91. Joh. Woodwards med. angl. Essay toward a natural history of the Earth and terrestrial Bodies especially Minerals etc. 8vo london 1702.

Роспись книгам на разных языках разных наук и художеств

1. Abrahams von Schönberg ausführliche Berg information folio 1693.
2. Albaro, Alonso Barba Berg-Büchlein. franckf. 1739. 8vo.
3. Basiliü Valentini Triumph-wagen antimonii Leiptzig 1604. nebst vielen anderen tractätlein 8vo.
- 4.-5. Boërhaave Elementa chymiae tomi duo Lipsiae 8vo. 1732.
6. Becheri Physica subterranea, cum supplem. Lipsiae 8vo. 1703.
7. Crameri, j. A. Elementa artis docimasticae lugd. Batav. 1739. 8vo.
8. G. E. Stahlü Fundamenta chymiae dogm. rationalis et experimentalis Norimbergae 4to 1732.
9. Ejusdem Fundamenta chymiae dogm. et experimentalis cum tractatu Isaaci Hollandi de salibus et oleis metallorum Norimbergae 1723 4to.
10. Ejusdem Zufällige Gedancken vom sulphure Halle 1718. 8vo.
11. et Zymotechnia fundamentalis in einem band.
12. Ejusdem Beweiss von Saltzen. Halle 1723 8vo et.
13. Tractat vom Salpeter in enem band.
14. Teichmeiyeri institutiones chemiae dogm. et experim. 4to Jenae 1729.
15. Rothens /chymic/ anleitung zur Chymie franckfurt u. Leiptzig. 1739. 8vo.
16. J. F. Henckels Pyritologia Leiptzig 1725. 8vo.
17. Ejusdem Flora saturnizans Leiptzig 1722. 8vo.
18. J. C. Orschalck. Ars fusoria fundam. et experim. Cassel 1735. 12mo.
19. Ejusdem Wunder drey nebst der Continuation. in evdem libro.
20. Ejusdem Vom Seigern und Ertz Beitzten 3. theile 1690 12mo.
21. Freindü Praeactiones chymicae, Amstelodani 1718. 12mo.
22. Eröffneter Geheimniss der probier Kunst von F. B. Leiptzig 1720. 12mo.
23. Minerophili neues und curieuses Berg wercks lexicon Chemnitz 1730 8vo.
24. Jacob Leopolds prodromus bibliothecae metallicae Wolfenbüttel 1732 8vo.
25. D. Gabrielis Clauderi chediasma de tinctura universali Norimbergae 1736. 4to.

26. Christ. Hornii tractat. von Gegen-Buche. Freiberg 1721 8vo.
27. Henckelius in Mineralogia redivivus 1747. 8vo.
28. Emsporns Untersuchung der Metallen durch V wägen 1745 8vo.
29. Børhaave institutiones medicae 1730. 8vo.
30. Kunkels ars vitraria. 1689. Francf. u. Leiptzig 4to.
31. Ejusdem Laboratorium Chymicum 1738 8vo.
32. Abeli wohl Erfahrener medicus 1713. 8vo.
33. Albertus magn. von Geheimnüssen der Weiber, nebst Michael Scoti von Geheimnüssen der Natur 8vo 1678.
34. Vateri institutiones medicae 1722 4to.
35. Pottii Fortsetzung der Lythogecognosie Berlin 1751. 4to.
36. Hydrophili Schatz Cammer der Chymischen Welt, 4to 1736.
37. Vorstellung der probier Kunst. Nürnberg 1695. 12mo.
38. Nicolai Flammelli Chymische Wercke 1751. 8vo.
39. Claus Anleitung zum probieren und Mintsen. Stollberg 1753. 12mo.
40. Woltersdorff mineral systema. fol. berlin 1755.
41. Hans Utmans von Elterlein Berg Bericht Dresden 1732 8vo.
42. Models abhandlung der Borracis 1751. 8vo Tübingen.
43. Zeidlers Chr Salam. Erb Vermessen der 3) gruben Catharina in johann Georgen Stadt. Schneeberg 1714.
44. Ein Band, worinnen $\lambda o o$ [?] chymische dissertationen von verschiedenen jahren 4to.
45. Christiani Wolfii Elementa Matheseos universae.
- 46-47. Tomi tres Genevae 1732. 4to.
48. Ejusdem Cogitationes de viribus intellectis humani etc. francf. u. Leiptzig 1735 8vo.
49. Ratio praelectionum Wolfianarum in mathesis universam. et philosophiam. etiam opus Hugonis Grotii de jure belli et pacis Halae Magdeburg. 1735.
50. Jacobi Rohaulti Tractatus Physicus Amstelodami 1691. 8vo.
51. G. I.'s Gravesande intorductio ad philosophiam, methaphysicam et logicam continens Leidae 1736, 8vo.
52. joh. jacobi Broitingeri, artis cogitandi principia Tiguri 1736 8vo.
53. P. Ign. Gast. Pardies s.-j. opera mathematica etc. jenae 1722 12mo.
54. Petri Lautenbergi institutiones Arichmeticae. Lipsiae 1698. 12mo.
55. Epistola ad illustrem virum qua refutatur dui Laitenbergeri epistola in qua Wolffiam in collegiis suis sceptitismum et atheismum docuisse tradit. 1735 4to.
56. Dissertatio mathematica de infinitis curvarum sub evolutis Wittenbergae 1736 4to.
57. Dissertatio de optima scapi contrahendi ratione 4to Wittenberg 1738.
58. jo. Frid. Weidleri tractat. de machinis Hydraulicis Toto terrarum Maximis Marliensi et Londinensi Wittenbergae 1733.
59. Ant. von Birckenstein Ertz-Herzogliche Handgriffe des Zirckels und Lineals etc. Wienn 1686. 4to.
60. Nouvelle maniere de fortifier les places. Vauban Amsterd. 1689.
61. Margarita philosophica, sive synopsis totii phylosophiae Gothae 1669 8vo.
62. josephi Langij Anthologia sive florilegium. Argenthorati 1674 8vo.
63. Chr. Cellarii orthographia latina jenae 1729 8vo.
64. Desiderij Erasmi Rotherodami adagiorum epitome recognita Lipsiae 1696 8vo.
65. M. Tullii Ciceronis selectae orationes. Amstelodami 1735 8vo.
66. justi Gerhardi Rinki institutio epistolica. Norimbergae 1679 8vo.
67. Lettres choisies, auserlesene Brieffe von Menantes Hamburg 1731 8vo.
68. Cornelii Nepotis vitae excellentiam imperatorum. 8vo.
69. Gradus ad parnassum etc. 1684. 8vo. Coloniae Agrippinae.

70. Pantheum mithicum seu fabulosa Deorum Historia. francf. 1732 8vo.
 71. G. H. Nieupoort Rituum Romanors succincta explicatio. Buddissae 1713 8vo.
 72. Homeri odyssea etc. graecè et latinè. Argentorati 8vo.
 73. P. virgilii Mar. opera Amstededami 1677 8vo.
 74. Poetices Methodicè conformatae ab illustr. princ. Mauritio Hassiae landgravio Libri duo. Cassellis 1723. 8vo.
 75. L. et M. Annei Senecae tragediae. Amsterdami. 1645. 8vo.
 76. Phaedri Aug. liberti fabularum AEsopiarum libri V. Lipsiae 1724.
 77. Deliciae parnassi sive poemata selectiora auctore joh. Rempen. Helmstadii 1725. 8vo.
 78. { Taubmanniana, oder Taubmans Leben versus u. Sprüche francf. 1703. 8vo.
 79. { Esprit de cours d. i. politique Hoff-geschpreche von Phylogino Dulciloquo. Zell 1684.
 80. { Der politische freuers mann von Seladone Gynecophylo. gedruet in Europa 1686.
 81. Polyeuctes ein Märtirer, trauer Spiel p. Corneille frantzösisch u. theutsch von Catharina Linckjn. Strasburg.
 82. Desid. Erasmi Roterodami verborum ac rerum Copia Gottingae 12mo.
 83. M. j. Rhenii Grammatica latina cum paralipomenis Lipsiae 1700 8vo.
 84. janua grammaticae pro lingua latina et italica Romae 1708.
 85. Nouvelle et parfaite methode Grammaire rojale francoise et allemande. Berlin 1736 8vo.
 86. Nouvelle methode pour apprendre le principes et l'usage des langues francoise et hollandoise. te Deventer 1710. 8vo.
 87. Danet, grand dictionaire françois et latin Amsterd. 1710. 4to.
 88. Ejusdem magnum dictionarium latino gallicum. Amstelodami 1711 4to.
 89. joh. Theoph. jablonski allgemeines Lexicon der Künste und Wissenschaften. Königsberg und Leiptzig 1748.
 90. Alberti de Eijb Margaritae poeticae partes Duae 4to.
 91. j. Baudoin Recueil d'Embiemes divers. a paris 1638 8vo.
 92. L. W. Woyttens Emblematischer parnassus. Iter theil 1724 4to Augsburg.
 93. Ejusdem IIIter theil.
 94. Les aventures de Telemaque. 1723. 8vo.
 95. { l'Etat present dela Suede et } 1695. 8vo et
 96. { l'Etat present de Dannemarck }
 97. { Testament politique de Cardinal, duc de Richelieu etc. partes duae a amsterdam. 1688. 8vo.
 98. L'Espion Turk dans les cours des princes chretiens a Cologne 1700 8vo.
 99. Relation curieuse de l'Etat present de la Russie traduite d'un Auteur Angloise, avec l'Histoire de revolutions arrivés sous usurpasion de Boris Godunoff etc. a paris 1679.
 100. le Czar Demetrius, histoire Moskovite par Mr. de la Rochelle. à la Haye. 1716. 12mo.
 101. { Histoire de Pierre le Grand Empereur des toutes les
 102. {
 103. { Russies etc. Tom. 3. a Amsterdam 1742. 8vo.
 104. Lettres historiques et galantes par Madame de C**. Tome second. à Cologne 1733. 12mo.
 105. Moscoviae ortus et progressus authore Daniele printz a Buchaw. Nissae Silesiorum 1668. 12mo.

106. johannis Basilidis magni Moscoviae ducis vita a Paulo Oderbornio tribus libris conscripta. 1585. 8vo.
107. Petri Petrei de Erlesunda Bericht von dem gross fürstenthum Moscau. Lipsiae 1620. 4to.
108. Relation von dem gegen wärtigen Zustande der Moscovitischen Reichs. francf. 1706. 8vo.
109. Moscovia gloriosa etc. Erfurt 1740. 8vo.
110. Leben und Thaten Friedrich Augusti III. Königs in pohlen von. joh. Gottfr. Mittag. 1737. 8vo.
111. Begebenheiten des josephs Andreus und p. Abraham Adams. Dantzig 1745. 8vo.
112. le nouvau Mercure Galant. a paris Tome II. 1607. 8vo.
113. P. F. Abraham. Gack, Gak, Gack, Gack a ga, ein Wunder-hennen München 1688.
114. Historischer Kern der Chronica, oder Merckwürdige Welt- und Wunder-Geschichte auf das jahr 1701. Hamburg. 1702. 8vo.
115. Gi' Odi Delusi dal sangue Drama per musica. Dresde 1718. 4to.
116. Politisches Bedenken über die Frage der Kayserlichen Titul und Namen communicabel sey etc. 1722. 4to.
117. jus Eligendi ducem Curlandiae. 1736. 4to.
118. Geistliches Reglement auf hohem Befehl Petri des Grossen Käysers von Russland etc. Dantzig 1724 4to.
119. Nieder-Sächsisches Koch-Buch durch Marcus Loost Altona 1755 8vo.
120. Christophori Cellarii Geographia antiqua et nova Studio Laurentii Reinhardi. jenae 1731. 12mo.
121. Breviarium politicorum juxta regulas ett principia Mazarinica. 12mo.
122. ismael, printz von Maroco. 12mo.
123. Ивана Шлаттера Статского Советника и Монетной канцелярии Главнаго Судьи Задачи касающияся до монетнаго искусства. Часть I. 1754. в С. П. бург. fol.
124. Его ж Задач касающихся до монетнаго искусства вторая часть. 1754. в С. П. Бург. fol.
125. Трактат о дружбе и коммерции между российской империею и короною великобританскою заключенный в С. П. бург. декабрь 2. 1734 года. fol.
126. Панегирик или Слово похвальное Государыне императрице Анне жоанновне. Чрез В. Тредиаковского. 1732 года. 4to.
127. { Новый и краткий способ к сложению российских стихов чрез В. Тредиаковского, академии наук секретаря. 1735. 4to.
128. { Сила любви и ненависти, драма на музыке представленная 1736 году. 4to.
129. Александр в Индии, Опера представленная при российском имп. дворе. 1755 году. 4to.
130. Содержание ученых рассуждений императорской Академии Наук изданных в третьем томе новых комментариев в С. П. бург. 4to.
131. Торжество Академии Наук. Слово о явлениях воздушных от Электрической силы происходящих предложенное от Михаила Ломоносова, с ответом Августина Нафанайла Гришова астрономии Профессора и рассуждение о необыкновенных воздушных явлениях 1753. 4to.
132. Слово Похвальное Государю императору Петру Великому, в Публичном собрании С. П. бургской академии наук говоренное Михайлом Ломоносовым. 1755. 4to.
133. Тамира и Селим Трагедия Михайла Ломоносова. 1750. 8vo.
134. Демофонт, трагедия. Его ж. 1752.
135. Краткое руководство к математической и натуральной Географии, Профессора Крафта 1739. в С. П. бург. 8vo.

136. Волфианская Экспериментальная физика. Перевод М. Ломоносова. 1746. 8vo.
137. Цефал и Прокрис, опера Г. Сумарокова. 1755. 8vo.
138. Мемориал данный по указу Его царского величества аглинскому двору 1719 году, и против того данные от оного двора ответы, и учиненной на оные ответы от страны Е. ц. в. 1720 года насупротивной ответ 1720.
139. Слово о происхождении света новую теорию о цветах представляющее. М. Ломоносова 1756. 4to.
140. Ода торжественная о здаче города Гданска в. Тредьяковского. 1734. 4to.
141. Мемории или Записки артиллерийския и протчая чрез Г. Сюрирей де сен реми в С. П. Бурге 1732 4to. Том первый с грыдорованными фигурами.
142. Меморин или Записки артиллерийския и протчая том второй. 4to. с грыдорованными фигурами.
143. Санктпетербургских примечания на ведомости
1731 год...	1731 год	} 4to
144. То ж ...	1732 год	
145. То ж ...	1734 год	
146. То ж ...	1738 год	
147. То ж ...	1739 год	
148. То ж ...	1740 год	
149. То ж ...	1741 год	
150. То ж ...	1742 год	
151. Ежемесячных сочинений к пользе и увеселению служащих 1755 году часть I ...
152. Ежемесячных сочинений 1755 году	Часть I	} 8vo
153. Ежемесячных сочинений 1756 году	Часть II	
154. Ежемесячных сочинений 1756 году	Часть I	
155. Новый и краткий способ к сложению российских стихов чрез в. Тредьяковского. 4to. dupletum.
156. Санктпетербургския ведомости 1753 год	} 4to
157. То ж ... 1754 год	
158. То ж ... 1755 год	
159. То ж ... 1756 год	
160. Похождения Жилблаза де Сантилланы описанныя Г. ле Сажем а переведенныя в. Тепловым 1754 года ...
161. То ж ...	Том 1.	} 8vo
162. То ж ...	Том 2.	
163. То ж ...	Том 3.	
163. То ж ...	Том 4.	
164. Стефана Крашенинникова Описание земли Камчатки 1755 году ...
165. Описание Камчатки ... Том I.	} 4to
с грыдоровальными фигурами. ... Том II.	
166. [неразборчиво] synoptica, sive totius corporis medicinae Archetypus. francoforti ad Viadr. 1737. folio.
167. Российская Грамматика М. Ломоносова 8vo 1755. в С. П. бурге.
168. Манифест Его королевскаго величества прусскаго против курсаконскаго двора, купно с основательными примечаниями на оной прусской манифест от саксонскаго двора изданными 4to 1745. в берлине и в дрездене.
169. Собрание оригинальных писем и приложений из Саксонии о нынешнем печальном состоянии курфирства Саксонскаго. 1754 года.
170. Ежемесячных сочинений к пользе и увеселению служащих 1757 году...
171. Ежемесячных сочинений того ж году	часть I.	} 8vo
	часть II.	

172. Санктпетбургския ведомости на 1757 год
 173. Прибавления к Санктпетбургским ведомостям } 4то
 на 1757 год
174. Торжество Академии наук на вожделенный день тезоименитства Ея и. в. великия Государыни императрицы Елисаветы Петровны etc. публично говоренными речми празднованное сентября 6 дня 1751 году в С. П. б. в котором содержится
- 1) речь о новых своих изобретениях в мореплавательной науке, говоренная Христианом Готлибом Кратценштейном
 - 2) ответ на оную речь учиненной от Августина Нафанаила Гришова профессора астрономии
 - 3) Слово о пользе химии говоренное Михайлом Ломоносовым. 4то.
175. D. Hieron. Ludolfs Einleitung in die Chymie Erfurt 1752.
 ... tomus I. } 8vo
 ... tomus II. }
176. Ejusdem ... tomus II. }
 177. institutio Christianae religionis Johanne Calvino autore. Genevae MDC. XXXVII. 8vo.
178. Письмо о пользе стекла М. Ломоносова 1752. 8vo.
 179. Ода Е. и. в. на день рождения Е. в. декабря 18. 1746. fol.
 180. Ода на день восшествия на всероссийский престол Е. в. и. всеросс. ноября 25. 1746. fol. М. Ломоносова.
 181. Ода на день восшествия на всероссийский престол Е. и. в. ноябрю 25. 1757. fol. М. Ломоносов.
 182. Ода Е. и. в. на праздник восшествия на всеросс. престол Е. в. ноября 25. 1748 году fol. М. Ломоносов.
 183. Ода Ее и. в. самодержице всероссийской которой за оказанную в Сарском селе высочайшую милость благодаренне приносит М. Ломоносов сентября 10. 1750. fol.
 184. Ода на день восшествия на престол Е. и. в. Ноября 25. 1754. fol. Николая Поповскаго.
 185. Перевод речи в память всерадостнейшаго рождения Его и. высочества великого князя Павла Петровича говоренной на немецком языке в Геттингском университете Александром Демидовым 1755. fol.
 186. Das Schönberg- und Leipzigerische Hochzeit-Fest, welches d. 25. Febr. 1740 höchst vergnügt in Freyberg foltzogen wurde. besungen von [неразборчиво].

Д. В. Тюличев

**ПРОДАЖА В МОСКВЕ
ИЗДАНИЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
В НАЧАЛЕ 60-х гг. XVIII ВЕКА**

В общественной жизни Москвы третьей четверти XVIII в. важная роль принадлежала Академической книжной лавке, функционировавшей с 1749 г. Эта книжная лавка для Москвы и близлежащих губерний России была главным очагом большой для того времени просветительной деятельности, проводившейся Академией наук и осуществлявшейся путем издания и распространения книг. Поэтому поиски и исследование находимых материалов о деятельности книжной лавки Академии наук в Москве имеют существенное значение в изучении истории русской культуры той эпохи.

Уже рассмотрена деятельность Московской академической книжной лавки в первое пятилетие ее существования. Так, в нашей статье, опубликованной в 1961 г., были даны основные статистические сведения о продаже в 1751 г. в Петербурге и в Москве изданных Академией наук книг.¹ Далее такие же сведения за период 1749—1753 гг. и данные о продаже в Москве в тот же период иностранных книг были приведены в нашей статье, опубликованной в 1978 г. В ней статистические материалы о проданных книгах сопоставлены с выведенным нами общим количеством (суммой тиражей) вышедших в те же годы изданий Академии наук.² Сведения эти, в частности о проданных в Москве книгах, были составлены на основе хранящихся в архиве отчетов книжной лавки, ежемесячно представлявшихся в Петербург, в Канцелярию Академии наук. Затем С. П. Луппов уже подробно рассмотрел эти же материалы и осветил, в частности,

¹ Тюличев Д. В. Издание и распространение научных трудов М. В. Ломоносова при его жизни. — В кн.: Ломоносов: Сб. статей и материалов. М.: Л., 1961, т. 5, с. 321—322.

² Тюличев Д. В. М. В. Ломоносов о распространении книг как средстве просвещения и об организации академической книжной торговли. — В кн.: Книга в России до середины XVIII века. Л., 1978, с. 96, 99.

характер читательского спроса москвичей в 1749—1753 гг.³ Изучение сведений о распространении в Москве в 50-е гг. XVIII в. книг зарубежной печати успешно продолжает Н. А. Копанев.⁴

На очередь встает задача изучения спроса на книги в Москве в последующие периоды XVIII в. Такая цель как раз и ставится перед данной статьей, в которой на основе найденных новых архивных материалов попытаемся, применяя наряду с традиционными и некоторые новые подходы к этим материалам, в общих чертах дать анализ ассортимента Московской книжной лавки и читательского спроса на академические издания в начале 60-х гг. XVIII в.

В Ленинградском отделении Архива АН СССР хранится до сих пор никем не использовавшийся документ, озаглавленный «Щетная выписка, учененная... [из] приходной и расходной книг с остаточными от 759 году к 760, 761, 762 и 763 — февраля по 4-е число из репортов... о приходе и расходе продаваемых книг бытности переводчика Соколова. Где значится и о продаже бывшим магазина инспектором Ильиным».⁵

Объясним происхождение этого документа. С августа 1759 г. Московскую книжную лавку возглавлял академический переводчик Федор Соколов. В конце 1762 г. или в начале 1763 г. выяснилось, что Ф. Соколову в связи с нездоровьем стало трудно выполнять службу со всей той строгой аккуратностью, которая требуется от ответственного за денежные суммы и материальные ценности. Он не всегда своевременно представлял в Академию наук ежемесячные отчеты, а позднее обнаружилось, что учет прихода и расхода денежных сумм и продававшихся изданий оказался запутанным. В Москву для проверки был направлен академический инспектор Иван Ильин, который в период с 4 февраля по 1 августа 1763 г. сделал ревизию всего учета в книжной лавке. Одновременно инспектор И. Ильин осуществлял передачу книжной лавки в «партикулярное содержание» Петру Волкову. В период ревизии книжная лавка не была закрыта для покупателей книг, но продажу вел не отстраненный Ф. Соколов, а ревизор И. Ильин.

Интересующая нас «Щетная выписка» И. Ильина представляет собой подробную опись изданий (названия книг при этом описаны не строго по титульным листам, а весьма произвольно,

³ Луппов С. П. Спрос на академические и зарубежные издания в Петербурге и Москве в середине XVIII века: (Из прошлого русской книготорговли). — В кн.: Книжная торговля: Исслед. и материалы. М., 1980, сб. 7, с. 150—180.

⁴ Копанев Н. А. Зарубежные издания, продававшиеся в Московской книжной лавке Академии наук в 1749—1753 гг. — В кн.: Книготорговое и библиотечное дело в России в XVIII — первой половине XIX века. Л., 1981, с. 22—28.

⁵ ЛО ААН, ф, 3, оп. 1, № 1108. лл. 555—586.

что для XVIII в. было вполне обычно), имевшихся в книжной лавке в период с 1 января 1760 г. по 1 августа 1763 г. По каждому изданию указана его цена, количество экземпляров, имевшихся на 1 января 1760 г., количество экземпляров, поступивших в течение 1760, 1761, 1762 гг. (за каждый год отдельно) и в период с 1 января по 4 февраля 1763 г., количество экземпляров, проданных в период с 1 января 1760 г. по 4 февраля 1763 г., количество экземпляров, проданных в период с 5 февраля по 1 августа 1763 г., недостача, остаток в книжной лавке.

Эта опись изданий и дает нам материалы для соответствующего анализа. Указанная в документе И. Ильина общая недостача книг, по нашим подсчетам, составила от 3 до 4% общей стоимости книг, проданных в Московской книжной лавке в рассматриваемый период. В составленных И. Ильиным актах проверки этой книжной лавки нет указаний на вероятные случаи кражи или потери книг, но прямо указано на небрежность ведения учета прихода и расхода книг и даже на запутанность такого учета. Это дает основание книги, показанные И. Ильиным как недостача, включить в наших таблицах в число распроданных, тем более, что так или иначе эти книги вышли из книжной лавки и, следовательно, разошлись среди читателей.

Предлагаются для рассмотрения статистические таблицы, составленные нами по материалам «Щетной выписки» И. Ильина: таблица 1 «Издания Академии наук на русском и иностранных языках в Московской книжной лавке в период с 1 января 1760 г. по 1 августа 1763 г. (изменение ассортимента и статистические данные о характере читательского спроса по видам изданий и в целом)» и таблица 2 «Книги академической печати на русском языке в Московской книжной лавке в период с 1 января 1760 г. по 1 августа 1763 г. (тематико-статистические данные о характере ассортимента и спроса)». Предлагается также приложение к таблице 2 «Некоторые книги, изданные Академией наук на русском языке, в Московской книжной лавке в период с 1 января 1760 г. по 1 августа 1763 г. (тематика, цена, наличие и спрос)».

Ряд основных характеристик, получаемых с помощью таблиц 1 и 2 и приложения к ним на материале начала 60-х гг., типичен для всего периода 50—60-х гг. XVIII в. Выявляются характер и динамика ассортимента Московской книжной лавки, а также особенности читательского (потребительского) спроса москвичей в рассматриваемую эпоху. Устанавливается, в частности, какие виды изданий, жанры, тематика книг, какие конкретные издания интересовали приобретающих книги москвичей в большей мере, какие — в сравнительно меньшей, спрос на какие книги не был полностью удовлетворен Академией наук и пр.

Рассмотрим сначала характеристики ассортимента книжной лавки, поскольку от него в значительной мере зависел читатель-

ский спрос. Ясно, что при этом сам ассортимент определялся характером и объемом книгопечатной продукции Академии наук. В табл. 1 отражена динамика ассортимента. В рассматриваемый период через книжную лавку прошло 280 (214+66) изданий.⁶ Это более 44,5 тыс. экземпляров книг, календарей и различных картографических изданий (т. е. всех видов изданий, исключая журнал «Ежемесячные сочинения» и гравюры, о которых ниже будет сказано особо). Более половины этого количества — ровно 24 тыс. экземпляров поступили из Петербургской книжной лавки Академии наук в разное время в течение 1760—1763 гг., прочие экземпляры составляли остаток от 1759 г. В этом остатке было 214 изданий, поступило в рассматриваемый период 66 новейших изданий, но пополнялись дополнительными количествами экземпляров и некоторые книги, изданные до 1759 г. включительно.

В течение рассматриваемых трех с половиной лет, таким образом, ассортимент книжной лавки по числу изданий пополнился на 30%, а по количеству экземпляров — более чем на 100%. Такая динамичность ассортимента академических изданий типична для 60-х гг. XVIII в., но не совсем характерна для предыдущего десятилетия. Дело в том, что ввод в действие Новозаведенной типографии в самом конце 50-х гг. позволил Академии наук более чем удвоить выпуск новых книг как по количеству изданий, так и по сумме тиражей соответственно. Почти все предназначавшиеся для продажи издания (не все книги печатались с этой целью) на русском языке в том или ином количестве экземпляров Петербургская книжная лавка регулярно присылала в Москву.

Академических изданий на иностранных языках, исключая календари, в предшествовавшие 50-е гг., напротив, в Московскую книжную лавку присылалось несколько больше. Тот факт, что в период 1760—1763 гг. поступило всего лишь одно такое издание (это был напечатанный на немецком языке манифест о восшествии на престол Екатерины II, присланный в 1762 г. в количестве 25 экземпляров), конечно же, нельзя считать типичным и для 50-х гг. XVIII в.

Очень большие тиражи календарей сравнительно с тиражами других изданий характерны для всего XVIII в. В рассматриваемый период календари составляли почти 40% всего ассорти-

⁶ Автор вынужден принять те же принципы учета количества изданий, которые применялись в книжной лавке, а именно: а) если издание поступало и продавалось только в комплекте, состоящем из нескольких томов (частей, выпусков), то этот комплект считать одним изданием; б) если каждый из томов (частей, выпусков) поступал и продавался сам по себе, отдельно от других, то этот каждый том (часть, выпуск) считать одним (отдельным) изданием. Дело в том, что в таких случаях они поступали и продавались не в одинаковом, а в разных количествах экземпляров.

мента книжной лавки, а в общем количестве экземпляров новых поступлений — даже две трети.

Основное внимание следует уделить той части ассортимента книжной лавки, которую составляли книги и брошюры на русском языке (книги в непосредственном, узком смысле, т. е. из этого понятия исключаются календари и другие периодические издания, картографические материалы и пр.). В рассматриваемый период в ассортименте книжной лавки было 163 издания книг на русском языке, в том числе 39 были новыми — изданными и поступившими после 1 января 1760 г. Общее количество экземпляров книг на русском языке составляло более 23,5 тыс., иначе говоря, более половины всего ассортимента. До трети этого числа приходилось на пополнения, следовавшие после 1 января 1760 г.

В табл. 2 сведения о книгах на русском языке, имевшихся в ассортименте книжной лавки, даны в разбивке по отраслям знания, а об изданиях художественной литературы — еще и по двум группам жанров. По каждому такому разделу показано реальное число книг и общее количество их экземпляров, а также процент, который составляло это количество в общей сумме экземпляров, имевшихся в ассортименте книг на русском языке.

В приложении к табл. 2 даны сведения о конкретных книгах на русском языке, имевшихся в книжной лавке. Сюда отобраны 80 названий книг, либо пользовавшихся значительным спросом, либо имевших сравнительно небольшой спрос, но чем-нибудь весьма характерных для соответствующих отраслей знания.

В рассматриваемый период, как показывает табл. 1, было продано 18,4 тыс. экземпляров выпущенных Академией наук книг и брошюр, календарей и картографических изданий. Это составляло 41,3% всего количества экземпляров таких изданий, имевшихся в ассортименте книжной лавки. Книжная лавка в этот период распродавала в среднем ежемесячно 428 экземпляров, а ежегодно — 5235 экземпляров изданий названных видов.

Один из документов, составленных И. Ильиным, позволяет вычислить, что общий ассортимент имевшихся в книжной лавке академических изданий в период с 1 января 1760 г. по 4 февраля 1763 г. (остаток от 1759 г. плюс все издания, поступившие в этот период из Петербурга) оценивался в 25 625 руб. В этот период Ф. Соколовым было продано академических изданий на сумму 5669 руб. С 6 февраля по 1 августа 1763 г. И. Ильин продал таких изданий еще на сумму 1601 руб.⁷ Всего, таким образом, было продано академических изданий в Москве в рассматриваемый период на сумму 7270 руб., что составляло 28,4% общей стоимости всего ассортимента.

⁷ ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, № 1108, л. 75.

Сопоставляя количество проданных книг (41,3% общего числа) с их стоимостью (28,4% стоимости всех книг), нетрудно заметить сильно выраженную тенденцию (как и во все иные времена) покупать преимущественно сравнительно недорогие книги.

Распределение академических изданий, имевшихся в книжной лавке, по интенсивности читательского спроса на них было очень неравномерным. Табл. 1 показывает, что в течение трех лет и семи месяцев не было куплено ни одного экземпляра 65 различных изданий (23,2% от 280 изданий, составлявших весь ассортимент книжной лавки в этот период). Следует считать чрезвычайно низким читательский спрос и на те издания, которые разошлись за тот же период в количестве от 1 до 5 экземпляров: таких изданий было тоже 65, вместе с книгами, абсолютно не пользовавшимися спросом, они составляли 46,4% ассортимента. Если прибавить к ним 41 издание, каждое из которых было куплено в количестве от 6 до 20 экземпляров (за три с половиной года!), то получается, что читательский спрос на 171 издание, или, иначе говоря, почти на две трети всего ассортимента книжной лавки, был либо низким, либо очень низким.

С другой стороны, лишь 31 издание (11% всего ассортимента) было в тот период раскуплено каждое в количестве свыше 100 экземпляров, что для Москвы 60-х гг. XVIII в. надо считать показателем очень высокого читательского спроса. Достаточно высоким для того времени следует считать и спрос на те издания, которые разошлись в количестве, превышающем 50 экземпляров. Таким образом, достаточно высоким и очень высоким спросом пользовались 69 изданий (23,6% всего ассортимента).

В 60-е гг. XVIII в., как и в предыдущие десятилетия, самым массовым был читательский спрос на календари. Именно 4 издания на русском языке «Календаря или месяцеслова», обычно называвшегося «большим» календарем, — на 1760, 1761, 1762 и 1763 гг., — обозначены в табл. 1 как разошедшиеся в количестве от 1900 до 2500 экземпляров. В Москве ежегодно раскупалось более 200 экземпляров таких же «больших» календарей, изданных на немецком языке. Другие издания ежегодных календарей на русском языке (их называли «малый», «придворный», «почтовый», «дорожный», «стенной» и др.) расходились в значительно меньшем, а на иностранных языках — в еще намного меньшем количестве экземпляров. В начале 60-х гг. XVIII в. тиражи издававшихся Академией наук календарей заметно увеличились, и из Петербурга стали присылать излишне большие количества экземпляров этих изданий, которые Московской книжной лавке стало не под силу полностью реализовать. Дело в том, что прошлогодние календари никогда никем не покупались. Все оставшиеся от 1759 года 2215 экземпляров 26 изданий календа-

рей на 1752—1759 гг. так и пролежали в книжной лавке до 1763 г. никем не купленные. К ним, как к «балласту» книжной лавки, добавилось несколько тысяч нераспроданных экземпляров нескольких изданий календарей на 1760—1763 гг.

Чрезвычайно мало распространялось в Москве книг и брошюр академической печати на иностранных языках. К очень низким статистическим показателям этого, помещенным в табл. 1, можно добавить следующее: хотя ассортимент книг академической печати на иностранных языках (исключая календари) оценивался в 786 руб., за весь период 1760—1763 гг. их разошлось среди покупателей лишь на сумму 13 руб., составляющую только 1,7% всей стоимости ассортимента этой группы изданий.⁸ Отсутствие читательского спроса — вот по какой причине, по-видимому, в течение трех с половиной лет из Петербурга в Москву не присылались книги академической печати на иностранных языках, за исключением одной острополитической брошюры, о которой было сказано выше.

Более обстоятельно рассмотрим материалы о распространении в Москве начала 60-х гг. XVIII в. книг и брошюр академической печати, опубликованных на русском языке.

Для книг, издававшихся Академией наук в XVIII в., чаще всего устанавливались такие тиражи: один «завод» (1200 экз.), «пол-завода» (600) или два «завода» (2400). Тираж устанавливался в зависимости от предполагавшегося спроса на эту книгу и от других обстоятельств, в том числе материально-технических. Для продажи в Москву обычно присылали реже третью, чаще четвертую, пятую или шестую часть тиража. Периоды актуальности книг в XVIII в. обычно были очень длительными, но наблюдались и противоположные примеры. Типичным было то положение, что тираж книги раскупался в течение нескольких лет. Но судьбы у всех книг разные, и понятно, что читательский спрос на них был очень неравномерным. Одни книги требовалось снова и снова переиздавать, а тиражи других книг оседали в книжных лавках на десятилетие и намного дольше. Но как бы в дальнейшем ни складывалась репутация той или иной книги, в первый какой-то определенный период (для России середины XVIII в., по нашим наблюдениям, от одного до трех лет) она пользуется некоторым более или менее устойчивым спросом более или менее постоянного круга читателей соответственно своей специфике, направленности, тематике, жанру, уровню научности, доходчивости и пр. В связи с этим интересно выяснить, каким было в Москве 60-х гг. XVIII в. соотношение между совокупными читательскими интересами к новейшим книгам и к изданным в более ранние годы.

⁸ ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, № 1108, л. 75.

По сделанной нами выборке из материалов названной «Щетной выписки...» составлена небольшая статистическая таблица, обобщившая данные за период с 1 января 1760 г. по 1 августа 1763 г. Сопоставление количества проданных экземпляров усредненной книги на русском языке 1759—1763 гг. издания и тоже усредненной книги, но напечатанной до 1758 г. включительно, показывает, что интерес москвичей к новейшим книгам в начале 60-х гг. XVIII в. был в несколько раз выше:

	Число изданий в ассортименте книжной лавки	К-во раскуплен- ных экземпляров	Раскуплено экземпляров одной книги в среднем
Книги и брошюры на русском яз., изданные до 1758 г. включи- тельно	103	2226	21,6
Книги и брошюры на русском яз., издан- ные в 1759—1763 гг. (в том числе переиз- дания)	60	5622	93,7
Всего	163	7848	48,1

Иного нельзя было и ожидать, поскольку преобладание интереса читателей к новейшим книгам, по-видимому, тоже характерно для любого времени. Что же касается рассматриваемого периода, то следует отметить стабильное снижение спроса, а в ряде случаев и полное его исчезновение в Москве не только на календари за старые годы или на многие книги на иностранных языках, но и на некоторые относительно старые книги на русском языке. В результате сотни и тысячи экземпляров таких книг надолго застревали в книжной лавке, среди них особенно много было изданий проповедей, о чем речь пойдет ниже.

Вместе с тем целый ряд других книг не устаревал в течение нескольких десятилетий, такие книги расходились в огромном по тому времени количестве экземпляров, но тем не менее читательский спрос на них зачастую оказывался не полностью удовлетворенным. В табл. 1 показано, например, что 5 различных книг, изданных на русском языке, разошлись в Москве за это время в количестве от 200 до 500 экземпляров.

Следует рассмотреть вопрос о том, какова была зависимость между тематическим содержанием книг и темпами их распространения среди читателей, чему и служит табл. 2. Здесь в каждом разделе, отражающем литературу по определенной отрасли знания, вслед за статистическими данными (сколько имелось книг) показано, сколько распродано книг по данной тематике,

а также какой процент составили они в общем числе раскупленных читателями книг на русском языке в рассматриваемый период.

С целью более рельефного отображения зависимости читательского спроса от тематической направленности или жанрового характера книг введен специальный показатель — коэффициент читательского спроса, выражающий отношение «спроса» к «предложению»: отношение числа распроданных экземпляров книг данной тематики к количеству экземпляров таковых книг, имевшихся в ассортименте книжной лавки. Коэффициент читательского спроса условимся измерять по 100-балльной шкале, преимущество которой состоит в равенстве ее данных с показателями процентного метода измерения, как наиболее распространенного у историков.

Таковой коэффициент не только дает числовое выражение отношения реального «спроса» к «предложению», но и может, что особенно важно, служить критерием для установления приблизительных уровней имевшихся потенциальных читательских потребностей в литературе того или иного рода, прямым или косвенным измерителем развивавшихся или затухавших тенденций читательского спроса по их тематическому характеру. Сопоставление двух или нескольких различных коэффициентов читательского спроса по соответствующим разделам приводит к любопытным и подчас неожиданным результатам.

Поясним на примерах из табл. 2. В книжной лавке в рассматриваемый период имелось 2040 экземпляров различных книг (6 изданий) по этике и педагогике, которые составляли 8,8% всего ассортимента (по количеству экземпляров четвертое место среди четырнадцати выделенных нами разделов). Раскуплено же было из них 1394 экземпляра, которые составляли 17,7% всего количества раскупленных книг на русском языке (второе место по количеству среди четырнадцати разделов). Коэффициент читательского спроса книг по этике и педагогике составил 68,3 балла: $(1394 : 2040) \times 100 = 68,3$. Этот показатель оказался вторым по величине среди всех четырнадцати коэффициентов читательского спроса по выделенным разделам, раскрывает же он следующее.

В Москве и вообще в России в рассматриваемый период наблюдалось дальнейшее, становившееся уже массовым развитие зародившегося еще в первой четверти XVIII в. интереса к литературе по этике и педагогике, особенно к освещавшей вопросы культуры быта и манеры поведения в обществе (преимущественно среди дворян, но не только, по-видимому, среди них), что и определяло повышенный читательский спрос на книги этой тематики.

Количество раскупленных книг по истории оказалось наибольшим в сравнении с любым из других разделов табл. 2. В течение всего XVIII в. интерес русских читателей к изданиям исторической тематики был относительно высоким, спрос на такие книги был устойчивым. Но дело в том, что обеспеченность книжной лавки книгами исторической тематики в рассматриваемый период тоже была высокой (26,6% всего ассортимента книг на русском языке), и коэффициент читательского спроса по этим изданиям (35,7 балла) оказался лишь ненамного выше общего коэффициента спроса по всем книгам на русском языке в целом (33,3 балла). Нетрудно предположить, что если бы Академия наук издавала популярных книг по этике и педагогике, скажем, вдвое-втрое больше, чем их выпускалось в реальности, то число распроданных экземпляров книг этой тематики, вероятно, было бы не меньшим, чем количество разошедшихся среди читателей книг по истории.

Аналогичные или схожие предположения и выводы напрашиваются относительно распространения в Москве изданий художественной прозы, книг сельскохозяйственно-экономической тематики (отличительным признаком этого раздела является самый высокий коэффициент читательского спроса при почти наименьшем числе изданий и количестве экземпляров, имевшихся в книжной лавке книг), а также книг по языкознанию — преимущественно учебников иностранных языков и различных словарей (проявление растущего интереса к изучению иностранных языков среди дворян главным образом, среди других слоев населения — в меньшей мере) и др.

Выявились и примеры противоположного характера. В частности, в ассортименте книжной лавки имелось более 4200 экземпляров различных академических изданий проповедей, прочитанных в разное время иерархами русской православной церкви. Это составляло 18,1% всего количества имевшихся в книжной лавке книг на русском языке. Распродано же было лишь 76 экземпляров этих проповедей и других книг религиозной тематики, составивших только 1% всего количества распроданных книг на русском языке, что и определило для данного раздела самый низкий коэффициент читательского спроса — всего лишь 1,8 балла. Это в восемнадцать с половиной раз меньше такого же показателя по книгам на русском языке в целом (33,3 балла), аналогичный же показатель раздела книг по экономике и сельскому хозяйству (76,4 балла) превышает его даже более чем в сорок два раза.

Особенно же необходимо сравнение с таким же показателем по разделу книг этико-педагогического характера. Ведь проповеди с их богословско-нравоучительным содержанием по некоторым признакам можно считать в какой-то мере тематически

близкими книгам по этике, поскольку речь-то идет о XVIII веке. Но примечательно как раз то, что потребителей академических изданий той поры интересовала преимущественно светская этика, в первую же очередь — усвоение европейского этикета. Однако вывод об игнорировании москвичами в середине XVIII в. богословско-нравоучительных текстов только на основании наших статистических данных был бы недостаточно аргументирован. Во-первых, все продававшиеся в книжной лавке проповеди изданы не позднее середины 40-х гг. и потому уже не отличались новизной, а во-вторых, нельзя исключать предположение, что за текстами такого содержания чаще шли не в книжную лавку Академии наук, где был совсем иной по читательским интересам контингент посетителей. Во всяком случае отсутствие устойчивого спроса на академические издания религиозной тематики, по-видимому, явилось одной из причин того, что со второй половины 40-х гг. Академия наук полтора десятилетия совсем не печатала такие книги (в том числе тексты проповедей), а в дальнейшем тоже издавала их лишь эпизодически.

Как видим, количественные сопоставления между различными данными о читательских потребностях во многих случаях дают любопытный материал для наблюдений за теми или иными качественными сдвигами в общественной жизни России в рассматриваемый период. Предлагаем читателю самостоятельно проанализировать показатели табл. 2 по всем интересующим его разделам, особенно же по не затронутым в нашем авторском анализе, который ограничился лишь некоторыми примерами, рассмотренными к тому же только в самом общем виде.

Аналізу материалов табл. 2 призвано значительно способствовать приложение к ней, представляющее собой список 80 названий книг из числа продававшихся в книжной лавке в рассматриваемый период. Ради такой вспомогательной цели сведения о книгах в этом списке сгруппированы по тем же разделам (отраслям знания), в каких они отражены и в табл. 2. Разделы эти расположены в последовательности, соответствующей количеству распроданных экземпляров книг, относящихся к данным отраслям знания, от наибольшего к наименьшему. Так, сначала отражены книги по истории, затем — по этике и педагогике и так далее, а последними приведены сведения о двух взятых для примера изданиях проповедей.

Но обсуждаемый список из 80 названий книг, продававшихся в Москве в начале 60-х гг. XVIII в., имеет для нас познавательный интерес не только в качестве приложения к табл. 2. Сведения о читательском спросе на те или иные конкретные книги имеют не меньшую, если не большую, информационную ценность и сами по себе.

В списке вслед за выходными данными книги указаны сведения о ее цене в Москве (где книги продавались на 25% дороже, чем в Петербурге), о числе имевшихся экземпляров в книжной лавке в течение рассматриваемого периода, о числе распроданных экземпляров. При этом для книг, изданных до 1759 г. включительно, срок распродажи указанного количества экземпляров с 1 января 1760 г. по 1 августа 1763 г. Вполне понятно, что период распродажи книг, изданных в 1760, 1761, 1762 гг., надо исчислять со времени их поступления в Москву (обычно это выполнялось сразу после выхода книги из типографии). Для некоторых из тех книг, все экземпляры которых были раскуплены без остатка, окончание периода распродажи следовало бы обозначать не 1 августа 1763 г., а какими-то более ранними датами, но такими сведениями мы не располагаем.

Предлагаем читателю тоже самостоятельно изучить и проанализировать сведения, содержащиеся в составленном нами списке из 80 названий книг, продававшихся в Москве в начале 60-х гг. XVIII в. Рекомендуем при этом обращать особенное внимание на следующие моменты.

Интересно прежде всего выделить книги, все экземпляры которых были распроданы без остатка. В большинстве случаев это означает, что читательский спрос на данные книги не был полностью удовлетворен, особенно если та или иная из этих книг была издана сравнительно незадолго до 1 августа 1763 г. Например, все 415 экземпляров переводной книги Н. Борделона «Книга Язык» были распроданы в период, не превышавший или почти не превышавший 2 года (книга издана в 1761 г.). В течение еще меньшего периода разошлись все 150 экземпляров поступившего в начале 1762 г. издания Оды М. В. Ломоносова на новый, 1762-й год.

Если та или иная книга издана за несколько лет до 1760 г., а в рассматриваемый период она расходилась среди потребителей не очень интенсивно, то это вовсе не обязательно означает, что данная книга и ранее 1760 г. пользовалась невысоким спросом. Зачастую оказывается, что спрос на эту книгу уменьшался постепенно, по мере удовлетворения потребителей. Например, изданная в 1752 г. трагедия в стихах «Демофонт» М. В. Ломоносова разошлась в рассматриваемый период в количестве только 35 экземпляров. Но нам известно, что в 1752—1755 гг. это издание пользовалось гораздо более значительным спросом.⁹ Аналогичное положение было и с распространением в Москве

⁹ См.: Тюличев Д. В. Прижизненные издания литературных произведений и некоторых научных трудов М. В. Ломоносова. — В кн.: Ломоносов: Сб. статей и материалов. Л., 1983. Т. 8 (находится в печати).

«Российской грамматики» М. В. Ломоносова, изданной в 1757 г. (в рассматриваемый период разошлось 58 экземпляров).¹⁰

Небезынтересно сведения о цене той или иной книги соотносить с ее тематическим содержанием, с данными о темпах распродажи этого издания, а также сопоставлять с подобными сведениями о различных других изданиях. При некоторой работе воображения могут возникать правдоподобные, если не вполне вероятные, предположения о разнообразных категориях возможных покупателей этих книг в Москве третьей четверти XVIII в.

В список книг не включены отраженные в табл. 2 сведения об изданиях различных государственных документов по вопросам внешней политики России и международным отношениям того времени, а также данные об изданиях материалов о Семилетней войне (преимущественно тексты реляций о сражениях). В числе этих изданий преобладали отпечатанные специально для продажи дополнительным тиражом, чаще всего с того же набора, но с самостоятельными титульными листами, тексты прибавлений к «Санктпетербургским ведомостям». Эти материалы были актуальны в 50-е гг. XVIII в., а в начале 60-х гг. уже утратили актуальность и не раскупались.

Следует обратить особое внимание на сведения о продаже книг естественнонаучной тематики. В XVIII в. эти книги имели особенно важное значение для распространения знания и развития культуры. Тем более, что приблизительно каждая десятая книга, проданная в Московской книжной лавке в рассматриваемый период, была естественнонаучной. К естественнонаучным книгам, в частности к географической литературе, примыкают по содержанию картографические печатные материалы, статистические сведения о которых даны в табл. 1. В ассортименте книжной лавки в рассматриваемый период было (с вновь поступившими) 16 картографических изданий, из них 3 издания — с текстом и обозначениями на немецком языке. Такие же издания (трех тех же названий) были и с русским текстом. Всего, таким образом, в ассортименте были картографические издания тринадцати названий. Важнейшим из них был «Атлас Российский», состоявший из 19 карт и продававшийся по цене 5 руб. за комплект. В рассматриваемый период были раскуплены без остатка все имевшиеся 8 комплектов этого атласа на русском языке и 6 комплектов — на немецком. Без остатка разошлись также все имевшиеся 32 экземпляра «Плана города Москвы» (цена 12 коп.), 8 экземпляров «Карт четырех частей света» (цена 1 р. 25 к.), 37 экземпляров «Генеральной карты прусских земель» (цена 37 коп.) и 4 экземпляра «Атласа к пользе и упо-

¹⁰ См.: Тюличев Д. В. Издание и распространение научных трудов М. В. Ломоносова при его жизни, с. 324.

треблению юношества» (цена 1 р. 8 к.). Кроме того, разошлось 40 экземпляров «Почтовых карт России» на русском языке и столько же — на немецком (цена 12 коп.).

В табл. 1 не включены сведения об изданиях гравюр и о журнале «Ежемесячные сочинения», имевшихся в книжной лавке и продававшихся наряду с книгами, календарями и картографическими изданиями. Гравюры были двух видов: портреты и изображения иллюминаций и фейерверков. Гравюры-портреты в ассортименте книжной лавки имелись шести названий (изображения Петра I, Елизаветы Петровны, Иоанна Алексеевича и др.), разошлись они в совокупности в количестве 42 экземпляра. Гравюры — приложения к описаниям иллюминаций и фейерверков отдельно от этих описаний не учитывались и не продавались, а потому и самостоятельного значения не имели (см. в табл. 2 сведения об изданиях по искусству и о зрелищах).

Журнал «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», выходявший с 1755 г., ежегодно присылался для продажи в Москву в количестве 60 комплектов. Учет прихода и расхода этого издания велся не по ежегодным томам, а по ежемесячным выпускам (ежегодно их поступало из Петербурга 720 экземпляров). На 1 января 1760 г. в книжной лавке имелся 1131 экземпляр нераспроданных выпусков за 1755—1759 гг. В период 1760—1762 гг. поступило еще 2160 экземпляров, а продано было до 4 февраля 1763 г. 1199 экземпляров, причем продавались не только выпуски из комплектов за 1760—1762 гг., продолжали пользоваться спросом также выпуски и комплекты предыдущих лет.

В рассматриваемый период уже с полной нагрузкой работала типография Московского университета, имевшего свою книжную лавку для продажи университетских изданий. Таким образом, в отличие от первой половины 50-х гг. XVIII в., книжная лавка Академии наук в это время уже не была единственным в Москве книготорговым учреждением, распространявшим книги гражданской печати. Но ассортимент книжной лавки Московского университета в начале 60-х гг. XVIII в. был пока еще, вполне понятно, совсем не широк, и книжная лавка Академии наук в рассматриваемое время все еще занимала ведущее место в удовлетворении читательских запросов москвичей и жителей близлежащих городов, уездов, губерний.

Издания Академии наук на русском и иностранных языках в Московской книжной лавке в период с 1 января 1760 г. по 1 августа 1763 г. (изменение ассортимента и статистические данные о характере читательского спроса по видам изданий и в целом)

Виды изданий	Имелось на 1 января 1760 г.		В период с 1 января 1760 г. по 1 августа 1763 г.												
			поступило из Петербурга		разошлось среди читателей (продано)										Число изданий, на которые совсем не было спроса
			экземпляров	изданий (новых)	экземпляров	изданий, имевших спрос	из них распродано в количестве экземпляров								
	от 1900 до 2500	от 401 до 500					от 201 до 400	от 101 до 200	от 51 до 100	от 21 до 50	от 6 до 20	от 1 до 5			
Книги и брошюры на рус. яз.	16182	124	7385	39	7848	150	—	2	3	16	33	28	29	39	
на иностр. языках	1725	51	38	1	139	26	—	—	—	—	—	3	3	20	26
Календари на рус. яз.	1855	14	14780	12	8986	12	4	—	—	2	3	3	—	—	14
на иностр. языках	360	12	1725	11	1208	11	—	—	4	—	—	4	3	—	12
Картографические произведения на рус. яз.	350	10	72	3	170	13	—	—	—	—	—	3	5	5	—
на иностр. языках	103	3	—	—	48	3	—	—	—	—	—	1	1	1	—
Всего изданий трех данных видов	20575	214	24000	66	18399	215	4	2	7	18	36	42	41	65	65
В том числе: на рус. яз.	18387	148	22237	54	17004	175	4	2	3	18	36	34	34	44	27
на иностр. языках	2188	66	1763	12	1395	40	—	—	4	—	—	8	7	21	38

ТАБЛИЦА 2

Книги академической печати на русском языке в Московской книжной лавке в период с 1 января 1760 г. по 1 августа 1763 г. (тематико-статистические данные о характере ассортимента и спроса)

ТЕМАТИКА	Имелось в ассортименте			Из них распродано			Коэффициент читательского спроса*
	изданий	экземпляров		изданий	экземпляров		
		общее к-во	в % ко всему ассортименту		общее к-во	в % ко всем распроданным книгам	
Естествознание и математика	29	2163	9,2	28	738	9,4	34,1
Экономика и сельское хозяйство, ветеринария	2	428	1,8	2	327	4,2	76,4
История	29	6280	26,6	29	2238	28,5	35,7
Придворная хроника	4	960	4,1	4	160	2,0	16,7
Государство и право, внешняя политика и международные отношения	19	1894	8,0	18	523	6,7	27,6
Военное дело, материалы о Семилетней войне	16	1425	6,1	11	395	5,0	27,7
Искусство, зрелища	9	344	1,4	5	55	0,7	16,0
Языкознание	10	1064	4,5	10	608	7,7	57,1
Художественная литература							
проза	7	528	2,2	6	312	4,0	59,1
поэзия, оперные либретто, драматургия	15	1960	8,3	15	894	11,4	45,6
Этика, педагогика	6	2040	8,8	6	1394	17,7	68,3
Философия	1	191	0,8	1	123	1,6	64,4
Религия, проповеди	14	4273	18,1	14	76	1,0	1,8
Прочие	2	17	0,1	1	5	0,1	29,4
Всего:	163	23567	100,0	150	7848	100,0	33,3

* Отношение спроса к ассортименту (по 100-балльной шкале).

Некоторые книги, изданные Академией наук на русском языке, в Московской книжной лавке в период с 1 января 1760 г. по 1 августа 1763 г. (тематика, цена, наличие и спрос)

Тематика и названия книг	Цена одного экз.	Имелось в книжной лавке (экз.)	Из них раскуплено (экз.)
1	2	3	4
История			
1. Ломоносов М. В. Краткий Российский летописец. 1761.	31 коп.	415	343
2. Курас Г. Сокращенная универсальная история. 1762.	75 коп.	340	168
3. Гвидо делле Колонне. История о разорении Трои. 1760.	62 коп.	201	138
4. Ксенофонт. История о старшем Кире. 1759.	1 руб.	335	143
5. Аврелий Антонин. Житие и дела. 1760.	1 руб.	102	95
6. Курций Руф Квинт. История о Александре Великом. 1750. Т. 1.	1 р. 50 к.	70	55
То же, т. 2.	1 руб.	112	48
7. Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства. Ч. 1. 1750.	1 р. 87 к.	102	51
8. Иннокентий (Гизель). Синописис. 1763.	43 коп.	200	94
9. Роллен Ш. Древняя история, т. 1. 1749.	1 р. 87 к.	766	43
То же, т. 2. 1750.	»	876	37
То же, т. 3. 1752.	»	853	44
То же, т. 4. 1753	»	355	59
То же, т. 5. 1760.	»	182	116
То же, т. 6. 1760.	»	167	100
То же, т. 7. 1760.	»	180	105
То же, т. 8. 1761.	»	92	92
То же, т. 9. 1761.	»	110	96
То же, т. 10. 1762.	»	120	100
10. Роллен Ш. Римская история, т. 1. 1762.	1 р. 25 к.	49	49
То же, т. 2. 1762.	»	60	47
То же, т. 3. 1762.	»	60	57
То же, т. 4. 1762.	»	70	70
Этика и педагогика			
11. Наука счастливым быть. 1759.	62 коп.	490	490
12. Борделон Н. Книга Язык. 1761.	43 коп.	415	415
13. Ленобль Э. Светская школа. 1761.	37 коп.	300	186
14. Бельгард Ж. Б. Совершенное воспитание детей. 1760.	50 коп.	488	169
15. Грасиан-и-Моралес. Придворный человек. 1760.	1 руб.	147	78
16. Ламбер А. Т. Письма. 1762.	25 коп.	200	56

1	2	3	4
Художественная литература			
17. Ломоносов М. В. Ода ... имп. Петру Федоровичу ... на новый 1762 год ... 1762.	12 коп.	150	150
18. Ломоносов М. В. Ода... имп. Екатерине Алексеевне... июня 28 дня 1762 года. 1762.	12 коп.	150	91
19. Ломоносов М. В. Ода... сентября 5 дня 1739 года. 1759.	12 коп.	89	14
20. Ломоносов М. В. Петр Великий. Поэма героическая. Ч. 1. 1761.	25 коп.	290	122
То же. Ч. 2. 1761.	25 коп.	375	101
21. Ломоносов М. В. Демофонт. 1752.	31 коп.	139	35
22. Эзоп. Басни. 1760 (2-е изд.).	87 коп.	280	195
23. Бидпай. Политические и правоучительные басни. 1762.	50 коп.	140	140
24. Будны. Апофегмата. 1745 (перепечатка 1749 г.).	35 коп.	94	94
25. Лесаж А. Р. Похождения Жилблаза. 1760—1761 (2-е изд.).			
Т. 1.	50 коп.	174	97
Т. 2.	50 коп.	174	97
Т. 3.	50 коп.	174	97
Т. 4.	50 коп.	174	97
26. Пажи. Повесть о младшем Кире. 1762.	37 коп.	90	52
27. Баркли Д. Аргенида. Т. 1—2. 1751	3 р. 13 к.	139	48
28. Локателли Д. Б. Убежище богов. 1757	15 коп.	71	21
Естествознание и математика			
29. Ломоносов М. В. Слово о рождении металлов от трясения Земли. 1757.	15 коп.	3	3
30. Браун И. А. Слово о главных переменах атмосферы. 1760.	37 коп.	30	24
31. Эпинус Ф. У. Известие о наступающем прохождении Венеры между Солнцем и Землею. 1760.	15 коп.	30	25
32. Содержание ученых рассуждений Академии наук. Т. 3. 1754.	37 коп.	4	4
То же. Т. 4. 1760.	31 коп.	30	21
33. Краткое руководство по географии. 1752.	15 коп.	329	124
34. Курганов Н. Г. Универсальная арифметика. 1757.	1 руб.	118	78
35. Эйлер Л. Руководство к арифметике. Ч. 1. 1752.	38 коп.	51	29
То же. Ч. 2. 1760.	»	220	35
36. Румовский С. Я. Сокращения математики. Ч. 1. 1760.	87 коп.	100	51
37. Фонтенель Б. Разговоры о множестве миров. 1761 (2-е изд.).	60 коп.	110	63
38. Муравьев Н. Е. Начальное основание математики. Ч. 1. 1752.	63 коп.	98	16

1	2	3	4
39. Краткое понятие о физике. 1762.	15 коп.	200	35
40. Вольфианская теоретическая физика. 1760.	50 коп.	210	84
41. Вольфианская экспериментальная физика. 1761 (2-е изд.).	75 коп.	80	25
42. Стаффенгаген И. И. Краткое руководство к древней географии. 1753.	3 р. 12 к.	92	10
Языкознание			
43. Ломоносов М. В. Российская грамматика. 1757.	62 коп.	119	58
44. Платс Г. Ф. Домашние разговоры. 1749 (1-е изд.), 1760 (2-е изд.).	60 коп.	533	223
45. Ланге И. Школьные разговоры. 1751.	40 коп.	141	141
46. Целларий. Краткий латинский лексикон. 1747	1 р. 25 к.	53	53
47. Краткая грамматика латинская. 1758 (2-е изд.). 1762 (3-е изд.).	62 коп.	90	72
48. Азбука латинская. 1756.	12 коп.	53	14
49. Азбука французская. 1758.	12 коп.	109	49
50. Делаваль. Изъяснение новой французской грамматики. 1753.	1 р. 25 к.	40	27
51. Теплов В. Е. Новая французская грамматика. 1762 (2-е изд.).	1 р. 25 к.	32	18
Государство и право			
52. Генеральный регламент. 1752.	31 коп.	58	58
53. Уложение царя Алексея Михайловича. 1759.	1 р. 56 к.	101	101
54. Указы 1725—1730 гг. 1755.	3 р. 19 к.	59	59
55. Указы 1714—1725 гг. 1753.	5 руб.	353	82
56. Морской пошлинный регламент. 1731.	30 коп.	44	15
57. Регламент Академии наук и художеств. 1747.	15 коп.	18	13
58. Цицерон. Три книги о должностях. 1761.	62 коп.	210	49
59. Учреждение и регламент или Устав Главного магистрата. 1744.	45 коп.	39	23
Военное дело			
60. Книга устав воинский (рус. яз.). 1756.	88 коп.	74	74
61. Устав воинский (рус. яз. параллельно с нем. яз.). 1753.	1 р. 25 к.	27	23
62. Практика единогогогов. 1760.	6 коп.	100	83
63. Наставление о военном искусстве Фридриха II. 1762.	62 коп.	57	57
64. Список лейбгвардии... полков пожалованным штаб- и обер-офицерам. 1762.	11 коп.	100	94

1	2	3	4
65. Корнелий Непот. Жития славных генералов. 1748.	70 коп.	125	26
66. Ла Фе, де. Пронски и хитрости воинские. 1759.	31 коп.	192	100
67. Сен-Реми, де. Мемории или записки артиллерийские. Т. 1—2. 1732—33.	7 р. 50 к.	6	3
68. Вобан. Книга о атаке и обороне крепостей. 1744.	4 руб.	36	3
Экономия и сельское хозяйство			
69. Флоринова экономия. 1761.	2 р. 50 к.	118	95
70. Собрание разных наставлений и предохранительных средств от скотского падежа. 1763.	7 коп.	310	232
Придворная хроника			
71. Обстоятельное описание торжественных порядков коронования имп. Елисаветы Петровны. 1744.	9 руб.	43	5
72. Объявление из Печальной комиссии, каким порядком... траур... быть иметь. 1762.	4 коп.	50	48
73. Краткое описание болезни и кончины имп. Елисаветы Петровны... 1761.	4 коп.	100	100
74. Манифест о вступлении на всероссийский престол Екатерины II и об отречении Петра III. 1762.	6 коп.	50	1
Философия			
75. Епиктита стоического философа Энхиридион и Апофегмы... 1759.	50 коп.	191	123
Искусство и зрелища			
76. Прейслер И. Д. Основательные правила или Краткое руководство к рисовальному художеству. Ч. 1—3. 1752.	1 р. 87 к.	21	21
77. Чези К. Ясное показание о анатомии живописцев. 1749.	65 коп.	167	9
78. Сумароков А. П. Описание огненного представления в первый вечер нового года, 1760. 1760.	62 коп.	20	20
Проповеди			
79. Феофан (Прокопович). Слово в день шествия на всероссийский престол... имп. Анны Иоанновны. 1733.	13 коп.	642	14
80. Маркелл (Родышевский) Слово... в Санктпетербургской придворной церкви... декабря 26 дня 1741 года... 1741.	13 коп.	541	5

В. А. Сомов

ФРАНЦУЗСКАЯ «РОССИКА» ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ЦАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

(1760-е — 1820-е гг.)

Среди французских книг, заполнявших русские библиотеки второй половины XVIII — начала XIX века, одним из распространенных видов литературы была «Россика», т. е. сочинения о России. Интерес русского общества к книгам иностранных авторов, посвященным событиям русской истории и современной жизни, не мог быть не замечен властями. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть вопрос об отношении русского самодержавия к французской «Россики» второй половины XVIII столетия, прежде всего на основе материалов царской цензуры 1760-х — 1820-х гг.

Начиная с середины XVIII в. русская тема занимает значительное место во французской литературе и общественной мысли.¹ Выход России вследствие петровских преобразований на европейскую арену, ее военно-политические успехи, прогресс в науке и культуре привлекают внимание французов, как и всех европейцев, к почти неизвестной им стране. Рост политических, экономических и культурных связей приводил к тому, что множество иностранцев посещали Россию, подолгу жили в ней. Среди них были дипломаты и ученые, литераторы, художники, учителя, врачи. Многие из иностранцев оставили записки о России, которые, даже не будучи опубликованными, являлись источником информации для современников, равно как и устные сообщения их авторов.

На европейском книжном рынке появилось большое число французских сочинений о России самых различных жанров: описания путешествий (действительных и воображаемых), истори-

¹ О русской теме во французской культуре эпохи Просвещения см.: Mogenschildt D. S. *Russia in the intellectual life of eighteenth century France*. New York, 1936; Lortholary A. *La mirage russe en France au XVIII siècle*. Paris, 1951; Wilberger C. H. *Voltaire's Russia window on the East*. Oxford, 1976. (*Studies on Voltaire and the eighteenth cent.*, Vol. 154).

ческие труды, экономические трактаты, политические памфлеты, поэтические и драматические произведения. На французский язык, имевший в то время всеевропейское значение, переводились иностранные сочинения о России, книги русских авторов. География мест издания, указанных на титульных листах французских книг о России, была широка: Париж, Амстердам, Гаага, Лондон, Берлин, Петербург, Москва и т. д. Все это обилие литературной продукции давало европейскому читателю самую разнообразную информацию о Российской империи, ее истории, государственном устройстве, экономике, населении, быте и культуре. Эти сочинения были далеко не равноценны по своей значимости, различались отношением к России, народу и правительству, на суждения авторов влияли их политические взгляды, национальные предубеждения и нередко условия пребывания в стране. Но объединяло их то, что авторами были европейцы эпохи Просвещения, исходившие в своем восприятии русской истории и действительности из идей и представлений, характерных для того времени: космополитизма, общественного прогресса, веротерпимости, свободы человеческой личности.

Общими темами для французской «Россики» второй половины XVIII в. были петровские реформы, личность царя-преобразователя, дворцовые перевороты, Екатерина II и проводимая ею политика просвещенного абсолютизма. История допетровской России мало интересовала европейского читателя того времени, впервые она была обстоятельно освещена лишь в трудах П.-Ш. Левека и Н.-Г. Леклерка (1780-е годы).

Русское самодержавие, хорошо представлявшее силу воздействия французской книги на европейское общественное мнение, неоднократно обращалось к помощи французских авторов и французского языка для защиты интересов и престижа монархии, пропаганды своих планов, изложения взглядов на русскую историю и состояние государства. Екатерина II в немалой степени способствовала своей популярности в Европе и появлению большого числа панегирической литературы о «Семирамиде Севера» перепиской с Вольтером, Дидро, Гриммом, приглашениями «философов» ко двору, дарами и пенсиями. «Мы светские миссионеры, проповедующие почитание святой Екатерины», — заявлял Вольтер.² Ранее написавший по заказу русского двора «Историю Российской империи при Петре Великом», в конце 1760-х гг. Вольтер выступил с памфлетами, поддерживающими политику России в польском вопросе.³ Делу прославления планов Екатерины II в области просвещения служил изданный в Ам-

² Lortholary A. Op. cit, p. 131.

³ Essai historique et critique sur les dissensions des Eglises de Pologne, Basle [Genève], 1767; Le-sermon prêché à Bâle, le premier jour de l'an 1768. Genève, 1768; см. Lortholary A. Op. cit., p. 111.

стердаме (1775) при участии Д. Дидро французский перевод книги И. И. Бецкого «Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества...», выполненный Н.-Г. Леклерком. Несколько раз на французском языке издавался «Наказ комиссии о составлении проекта нового уложения», принесший Екатерине II славу просвещенной государыни. С ведома и при поощрении русского двора были написаны исторические труды П.-Ш. Левека и Н.-Г. Леклерка, не оправдавшие надежд императрицы и получившие ее резкую оценку.⁴ Сама Екатерина II, не ограничившись критикой книги Ж. Шаппа д'Отроша «Путешествие в Сибирь», приняла участие в написании «Антидота», французского сочинения, направленного против книги Шаппа.⁵

Используя французскую «Россику» в своих целях, русское самодержавие в то же время преследовало неугодные ему сочинения в самой империи и даже за ее пределами.

Применительно ко второй половине XVIII столетия можно говорить лишь об отдельных случаях запрещения и конфискации книг, так как специальных цензурных органов, призванных следить за иностранной книгой, в то время не существовало, они были созданы лишь незадолго перед смертью Екатерины II.⁶ Но даже отдельные факты свидетельствуют, что «Россика» была тем видом литературы, который пристально контролировался правительством. Одно из первых распоряжений Екатерины II в области цензуры касалось именно французской книги о России — «Записок к истории Петра III...» известного публициста А. Гудара.⁷ Ознакомившись с книгой, Екатерина II в записке канцлеру М. И. Воронцову (22 июля 1763) распорядилась: «Прикажете всем нашим министрам, где Вы за приличие находите, прилежно изыскивать автора, требовать дабы он наказан был, конфисковать все эдиции и заказать привоз оной книги в Россию; она еще оскорбительнее для нации, как perso-

⁴ См.: Сомов В. А. Книга П.-Ш. Левека «Российская история» и ее русский читатель. — В кн.: Книга и библиотеки в России в XIV—первой половине XIX века. Л., 1982, с. 82—99; Шанский Д. Н. Из истории русской исторической мысли: И. Н. Болтин. М., 1983, с. 23—25.

⁵ Элькина И. М. Идеино-политическая борьба в период политики «просвещенного» абсолютизма: «Путешествие в Сибирь» Шаппа д'Отроша и «Антидот» Екатерины II: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1974; Она же. Шапп д'Отрош и его книга «Путешествие в Сибирь». — В кн.: Вопросы истории СССР. М., 1972, с. 361—388; Она же. Французские просветители и книга Шаппа д'Отроша о России. — Вестн. МГУ. 1975. История, № 6, с. 71—81.

⁶ Западов В. А. Краткий очерк истории русской цензуры 60—90-х гг. XVIII века. — В кн.: Русская литература и общественно-политическая борьба XVII—XIX веков. Л., 1971, с. 132.

⁷ Goudar A. Mémoires pour servir à l'histoire de Pierre III, empereur de Russie... Francfort; Leipzig, 1763.

нально для меня. И все то немедленно учинить. На конце оной книги есть *Supplément aux Mémoires*, который хуже книги, а сказывают оные здесь находятся...».⁸

Книга, вызвавшая гнев Екатерины II, была посвящена изложению событий царствования Петра III и обстоятельствам его свержения с престола. В дополнение к «Запискам...» в ней помещен особенно возмущивший Екатерину II памфлет «За и против», содержащий как осуждение переворота 1762 г., так и оправдание действий императрицы. Книга Гудара фигурировала и в другом распоряжении Екатерины II относительно существовавших порядков цензуры — рескрипте генерал-прокурору Сената А. Н. Глебову (6 сент. 1763), которым Екатерина попыталась ограничить число книг, выписываемых из-за границы: «Слышно, что в Академии наук продают такие книги, которые против закона, доброго нрава, нас самих и российской нации, которые во всем мире запрещены, как, например Эмилии Руссо, Мемории Петра III, Писмы жидовские по французскому и много подобных».⁹ В. В. Сиповский предполагал, что основное в этом рескрипте — книга Гудара, остальные прибавлены лишь «для отвода глаз».¹⁰

Переворот 1762 г. был одной из самых актуальных тем для иностранной литературы о России того времени и одним из опаснейших сюжетов для русской императрицы, которая в течение всего царствования, и особенно в 1760-е годы, во что бы то ни стало стремилась укрепить и обосновать свои права на престол в глазах подданных и общественного мнения Запада.

«История или анекдоты о русской революции 1762 г.» К. К. Рюльера увидела свет и появилась в России уже после смерти Екатерины II, но императрица знала об этой книге и предпринимала все необходимое, чтобы предотвратить ее издание.¹¹ Автор — секретарь французского посольства в России, впоследствии ученый-историк — был свидетелем описываемых событий, знал многих участников их. Сочинение Рюльера получило известность задолго до опубликования. Впервые он прочел свою «Историю...» в конце 1767 г. в салоне герцога Шуазеля, видного государственного деятеля Франции. Впоследствии слушателями Рюльера были д'Аламбер и Дидро, принц Генрих

⁸ Сборник РИО, т. 48, с. 559.

⁹ Западов В. А. Краткий очерк истории русской цензуры..., с. 96.

¹⁰ Сиповский В. В. Из прошлого русской цензуры. — Русская старина, 1899, № 4, с. 165.

¹¹ Lortholary A. Op. cit., p. 187—191, 363; Chevalier A. Cl. C. de Rulhière premier historien de la Pologne. Paris, 1939, p. 95—143; Алпатов М. А. «История или анекдоты о революции в России в 1762 году» Клода Карломана де Рюльера. — В кн.: Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981, с. 322—326.

Прусский, король Людовик XVI. Екатерина II решила приобрести рукопись или по крайней мере не допустить ее распространения и издания. Посредниками между императрицей и французским писателем стали русские дипломаты Д. А. Голицын, Н. К. Хотинский и соотечественники Рюльера мадам Жоффрен, Д. Дидро. В итоге удалось добиться от автора согласия не публиковать рукопись при жизни императрицы, которая, возможно, так и не прочитала книгу, столь ее интересовавшую.

В 1790 г. французский аристократ-эмигрант, писатель и государственный деятель Г. Сенак де Мельян обратился к Екатерине II с предложением написать историю России. Императрица ответила согласием, и до последнего момента, пока она не получила (в 1794 г.) составленного Сенаком «Введения во всеобщую историю России», ее не оставляла мысль об издании этого труда под своим покровительством. Она руководила занятиями Сенака, в переписке с ним изложила свои взгляды на русскую историю,¹² предоставила ему некоторые материалы и возможность работать с архивными документами. Лишь увидев полную непригодность Сенака к написанию сочинения, соответствующего ее взглядам на русскую историю, Екатерина отказалась от этого намерения. Среди конкретных замечаний, которые императрица сделала, читая рукопись Сенака, примечательна запись по поводу рассуждений автора о жестокости Петра I. «Портрет императора Петра мог бы сойти за злую критику этого великого человека, и, конечно, никакое царствование не должно быть восхваляемо в ущерб его правлению», — писала императрица на листе, вложенном в рукопись.¹³

В последние годы правления Екатерины II основной целью цензурной политики становится борьба с влиянием идей и событий Великой французской революции на русское общество. Вызванное этим усиление контроля за иностранной книгой привело к созданию специальных цензурных органов — «цензур» по указу от 9 сентября 1796 г.¹⁴ В царствование Павла I ужесточение цензурных порядков, явившееся в начале лишь про-

¹² Письма Екатерины II к Сенаку, характеризующие исторические взгляды императрицы, расходились в списках еще задолго до их первой публикации в Сборнике Русского исторического общества (СПб., 1885, т. 42). Списки см.: ОР ГПБ, ф. 874, оп. 2, № 194; ф. 542, № 662; Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 1303; ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 6166; ЦГАОР, ф. 728, оп. 1, № 464.

¹³ Библиотека ГЭ РК. 7.2.17, между лл. 31—32; см. также: Сомов В. А. Сенак де Мельян о России. — В кн.: Государственные учреждения и классовые отношения в отечественной истории: Сб. статей. М.; Л., 1980, с. 209—230.

¹⁴ Полное собрание законов Российской империи... т. 23, № 17508 (далее в прим. — ПСЗ).

должением политики Екатерины II, завершилось полным запретом ввоза иностранных книг (указ от 18 апреля 1800 г.).¹⁵

Созданные по екатерининскому и павловскому (февраль 1797) указам «цензуры» (в Петербурге, Москве, Риге, Одессе, Радзивилове) подчинялись при Павле I непосредственно «Совету его императорского величества» и направляли в Совет, на имя генерал-прокурора рапорты с реестрами книг, сочтенных «сомнительными» либо «недозволенными». За редким исключением Совет утверждал запрет, а запрещенные книги предназначались к уничтожению. Наибольшее число рапортов поступало из Риги, где свирепствовал цензор Ф. В. Туманский. Цензурные отзывы были в основном краткими, поскольку при большом количестве рассматриваемых книг и незначительном штате (3 цензора) «цензуры» не успевали составлять подробные рапорты.

Разумеется, среди тысяч книг¹⁶, задержанных цензурой в павловское царствование, французские сочинения о России составляли небольшую часть, но именно эти книги казались властям наиболее опасными.

Особое место среди запрещенных книг заняло сочинение К. К. Рюльера, оставшееся неприемлемым и для нового императора. Изданная в 1797 г. «История или анекдоты о русской революции 1762 г.» в тот же год достигает России и подвергается запрету (19 ноября 1797).¹⁷ В рапорте Петербургской цензуры (24 окт. 1797) указывалось, что «сия... История... наполнена повествований ложных и оскорбительных для императорских лиц», и приводился длинный перечень страниц, на которых находились «предосудительные места».¹⁸ Этим же постановлением был запрещен английский, а еще раньше (5 окт. 1797) немецкий перевод книги, который числился в реестре, представленном рижской цензурой, как «книга особо запечатанная и подписанная: секретно» (Архив Гос. совета, стб. 439, 450, д. 163, л. 37). Запрещению подверглись также издания, где цитировалась «опасная» книга: лондонские журналы «The Monthly Review» — vol. 22 и «Paris pendant l'année 1797» — №№ 98, 101, 102, 136 (д. 163, л. 68 об., 69, 128 и об., 217).

¹⁵ ПСЗ, т. 26, № 19387.

¹⁶ Сиповский В. В. Из прошлого русской цензуры. — Русская старина, 1899, № 5, с. 446.

¹⁷ Архив Государственного совета. СПб., 1888, т. II, стб. 450 (далее в тексте — Архив Гос. совета); 2 июля 1797 г. Совет, рассмотрев «Посмертные сочинения» К. К. Рюльера (Paris, 1792), включившие заметки о России, счел книгу «не только к выпуску в публику неприемлемою, но и подлежащую истреблению» (Архив Гос. совета, стб. 426).

¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1146, оп. 1, д. 163, л. 68 об. (далее в тексте — д. 163).

В 1797 г. внимание цензоров привлекла только что вышедшая в свет анонимная брошюра «Тень Екатерины II в Елисейских полях» (Kamschatka, 1797) — политический памфлет, где в форме разговоров Екатерины II в Царстве мертвых с Петром I, Людовиком XVI и Фридрихом II обсуждалось царствование императрицы. Рижская цензура в рапорте от 17 окт. 1797 г. указывала, что многие страницы книги «наполнены бредней и лжей о лучших государях» (д. 163, л. 61 об.). Петербургская цензура доносила о «непристойных и дерзких выражениях» в адрес Екатерины II, особо отмечая, что «автор влагает в уста императрицы предосудительные речи о государе императоре Петре III и о российском духовенстве» (д. 163, л. 68).

Известная книга Ж. Кастера «Жизнь Екатерины II» (Paris, 1797), вероятно, не попала в руки цензоров в это время. Правда, уже в 1797 г. петербургская цензура заметила помещенные в журнале «Paris pendant l'année 1797» (№№ 136, 140) «выписки из жизни покойной императрицы, изданной недавно в Париже и приписываемой графу Сегюру [книга Кастера вышла анонимно.— В. С.]» (д. 163, л. 128). В 1799 г. был запрещен английский перевод книги, а в марте 1800 г. рижская цензура указала на то, что в «Journal littéraire et bibliographique» (Hambourg, fevr. 1800) «учинена весьма похвальная и любопытство рождающая» рецензия на сочинение Кастера, чего, по мнению цензора, «делать не должно о книге не доброй, как и сам рецензент признает» (д. 163, л. 197, 377; Архив Гос. совета; стб. 489).

Французский перевод книги В. Кокса «Путешествие в Польшу, Россию, Данию» (Genève, 1786) был запрещен, так как автор не испытывал «должного к высоким лицам уважения» (д. 163, л. 89 об.). В книге Фортиа де Пиля «Путешествие двух французов в... Россию и Польшу» (Paris, 1796, t. 1—5) рижская цензура нашла «многие колкия выражения» и дерзкую критику «на разные в России заведения, учреждения и постановления...» (д. 163, л. 91). Представляя в Совет «Рассуждения о состоянии России в правление Петра Великого...» (Berlin, 1791), петербургская цензура отмечала, что в этом сочинении Петр I «поносится холоднокровною лютостию всякое вероятие превосходящею и другими пороками чрезмерно увеличенными» (д. 163, л. 373).

В 1798 г. рижская и в 1800 г. петербургская цензура (д. 163, л. 317 об.) представили в Совет книгу И. Б. Шерера «Тайные и занимательные анекдоты русского двора...» (Londres—Paris,

1792).¹⁹ Автор, бывший чиновник Юстиц-коллегии, проживший много лет в России, издал в 6 томах собрание различных известий, слухов о русской жизни, придворных событиях, коронованных особах. Рижская цензура необычайно подробно разобрала книгу, отметив как опасные места, так и ошибки автора. Осуждая «площадные бредни в обиду всей нации», содержащиеся в книге, цензор обращает внимание на неодобрительные высказывания автора о русском народе, на вольности, допущенные в характеристиках монархов и описании их деяний. Ивана Грозного автор изобразил «яко безчеловечнейшего и страшнейшего тирана», «в особе блаженныя памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны [он] порочит всех государей в несправедливости», «хулит устав государя императора Петра Великого», «именует... [его] похитителем престола», сообщает, «якобы покойный император [Петр III] был в темнице содержим и обвиняем» (д. 163, л. 116 об. — 117).

По тем же причинам, что и «Россика», запрещались многие другие иностранные книги, в которых упоминалась Россия. Внимание цензуры привлекало все, что касалось «поступков двора Российского» и «знатных российских особ» (д. 163, л. 16 об.).

Редким исключением стала «Российская история» П.-Ш. Левека (Paris, 1782), одно из самых популярных в Европе и России французских сочинений по русской истории. Петербургская цензура в марте 1798 г. внесла пятый том «Российской истории» в число «сомнительных» книг и указала на описание переворота 1762 года. Совет, рассмотрев рапорт, постановил, что «Российская история», «как давно всем известная, может быть выпущена...» (Архив Гос. совета, стб. 462; д. 163, л. 124).

Книга Левека, широко распространенная в России, действительно была хорошо известна членам совета и самому императору. В 1780 г. Павел Петрович и Мария Федоровна заказали каждый по 25 экземпляров книги. Из подписавших протокол 18 марта 1798 г. четырех членов Совета сам генерал-прокурор А. Б. Куракин и, вероятно, барон А. И. Васильев были в числе подписчиков «Российской истории».

В апреле 1800 г. по императорскому указу ввоз иностранной книги в Россию был запрещен. Книги, продолжавшие поступать на иностранных кораблях через Кронштадт, скапливались в пакгаузах петербургского порта. Президент Коммерц-коллегии Г. П. Гагарин докладывал 18 декабря 1798 г. генерал-прокурору П. Х. Обольянинову о сложившейся ситуации:

¹⁹ Существуют два варианта книги Шерпера издания 1792 г.: *Anecdotes intéressantes et secrètes de la cour de Russie...* Londres; Paris, 1792; *Anecdotes et recueil de coutumes et de traits d'histoire naturelle particuliers aux différens peuples de la Russie...* Londres, 1792.

«По привозе оных книг к здешнему порту никто на них объявлений не подавал, почему и оставались они в пакгаузах как ордеровой товар, подвергающийся досмотру не прежде истечения положенного на то срока; по досмотре же шкипера без платежа фрахтовых денег брать их не хотели. Потом стали являться хозяева с объявлениями для обратного тех книг отвоза; однакож еще не отправили».²⁰

Для представления в Коммерц-коллегию на таможене был составлен «Реестр состоящим в Санкт-Петербургской портовой таможене налице книгам печатным на иностранном диалекте», копию которого Г. П. Гагарин посылал Оболянинову (д. 356, л. 3—28). В реестре учтено около 2200 книг. В нем указывается, откуда, на каком корабле, кем и для кого были привезены книги, либо кем они были «объявлены». В основном в реестре немецкие книги, много французских, есть английские, итальянские, несколько русских. Среди них выделяются «объявленные» статским советником Михаилом Новиковым «два ящика книг», привезенных из Штетина. Всего здесь 327 изданий. Это хорошо подобранная библиотека, состоящая главным образом из французских книг, среди которых много исторической, политической, философской литературы, есть языковые словари, пособия по изучению языков, несколько русских книг. Как явствует из другой записи в реестре, статский советник Новиков сам прибыл 23 июля 1800 г. из Штетина в Кронштадт на прусском корабле «Фридерика-Луиза» (д. 356, л. 18 об.). Безусловно, это Михаил Семенович Новиков, русский дипломат, занимавший посты советника посольства в Гааге, Берлине (1796), поверенного в делах во Франции (1792).²¹

Среди французских книг, указанных в реестре, «Россики» мало, не наберется и десятка названий. Все интересующие нас сочинения среди книг М. С. Новикова — это «Сатиры» А. Кантемира (Londres, 1749), «Исторический журнал путешествия Лессеписа» (Paris, 1790), переписка Екатерины II и Вольтера (Paris, 1785), «Записки о царствовании Петра Великого» Руссе де Мисси (La Haye, 1725—1726), «Письма о России» Ф. Альгаротти (Neuchatel, 1770), «Заметки путешественника о России, Финляндии, Ливонии, Курляндии и Пруссии» А. Бурья (Berlin, 1785), «История войны между Россией и Турцией в 1769» Л.-Ф. де Кералио (SPb., 1773). Вряд ли отсутствие в «Реестре» большего числа книг о России следует объяснять

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 7, д. 356, л. 2 (далее в тексте — д. 356).

²¹ См.: Французская революция 1789 в донесениях русского посла в Париже И. М. Симолина. — В кн.: Русская культура и Франция: Лит. наследство. М., 1937, т. 29—30, с. 358, 374, 514; «Месяцеслов с росписью чинов» на 1796 г., с. 53. За сведения о М. С. Новикове автор благодарен Т. П. Вороновой.

тем, что ими не интересовались. Скорее всего запрещенную или «опасную» литературу провезли мимо таможи либо вообще не решались ввозить. Слухи о высочайших резолюциях на решениях Совета — «Книги сжечь, а хозяев отыскав поступить с ними по законам, за выписку оных», — несомненно, были известны русским и иностранцам (Архив Гос. совета, стб. 460).

Дело о книгах, скопившихся в Петербургской таможе, тянулось до февраля 1801 г.: не знали, как с ними поступить, так как отправить их за границу до наступления весны было невозможно. Вероятно, в конце концов книги роздали владельцам после смены царствования.

Вскоре после восшествия на престол Александр I издал указ (31 марта 1801 г.), отменявший запрет на ввоз иностранных книг, а указом от 9 февраля 1802 г. уничтожались существовавшие цензурные органы.²² По уставу 1804 г. цензура передавалась в ведение Министерства народного просвещения, а при университетах учреждались цензурные комитеты.²³ В статье 27-й устава говорилось: «Книги же и эстампы, выписываемые из чужих краев, не рассматриваются цензурой». В то же время книгопродавцы должны были дать подписку, «дабы они не продавали книг и эстампов противных предписаниям» устава, и доставлять в цензурный комитет каталоги имеющейся у них литературы. Согласно уставу, в книге не должно было быть ничего «противного закону Божию, Правлению, нравственности и личной чести какого-либо гражданина».²⁴ «Устав о цензуре» 1804 г., известный в XIX в. как «самый либеральный»,²⁵ на деле в течение двадцати двух лет своего существования «постепенно изменялся и утрачивал свой первоначальный характер». По замечанию Сухомлинова, в жизненной практике «события политические, отношения России к иностранным государствам, конституционные начала и в особенности крепостное право включены были в круг тех предметов, которые не подлежали суду и разбору печати».²⁶ Шагом в сторону ужесточения цензурных порядков была передача цензуры иностранной книги в ведение Министерства полиции, учреж-

²² ПСЗ, т. 26, № 19.807; т. 27, № 20.139. По указу от 9 февраля 1802 г. книги ввозились в Россию в соответствии с «Общим тарифом...» 1782 г.

²³ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862, с. 83—85.

²⁴ Там же, с. 88, 90—91.

²⁵ Щебальский П. К. Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862, с. 15.

²⁶ Сухомлинов М. И. Материалы для истории образования в России в царствовании имп. Александра I. — В кн.: Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русскому просвещению. СПб., 1889, т. 1, с. 421, 427.

денного в 1811 г.²⁷ После ликвидации Министерства полиции (1819) цензура иностранной книги перешла в ведение Министерства внутренних дел. Впоследствии был образован Комитет цензуры иностранной (1828), подчинявшийся Министерству народного просвещения. Книги Комитета были переданы в 1860 г. в Библиотеку Академии наук и библиотеку Петербургского университета, где они хранятся и сейчас.²⁸ На экземплярах книг, принадлежавших Комитету цензуры иностранной, имеются надписи о запрещении, указываются дата и номер цензорского рапорта. Сами рапорты сохранились в фонде Комитета в ЦГИА СССР (ф. 779).²⁹ Кроме того, факты запрета книг устанавливаются по рукописным и печатным спискам сочинений, «запрещенных иностранной цензурой».³⁰

В александровское царствование французские книги о России остаются одним из основных предметов внимания царской цензуры. Причем среди запрещенных изданий встречаются книги и авторы, уже упоминавшиеся ранее. Так, в 1815 г. в полицейскую цензуру были взяты два сочинения И. Б. Шерера «Анналы Малороссии, или история запорожских и украинских казаков...» (Paris, 1788) и «... История торговли России» (Paris, 1788).³¹ На рапорте, посвященном «Анналам Малороссии...», помечено: «запретить», а относительно «Истории торговли» сказано: «Так как это сочинение находится среди собрания книг, которые будут пущены в публичную торговлю, лучше его задержать, не запрещая, однако, экземпляров, имеющих в книжных лавках».³²

Остановимся теперь на доводах цензора; судя по почерку и подписи (неразборчивой), он один и тот же. В «Анналах Малороссии» цензор нашел «множество ошибок относительно нравов и обычаев» народа и страны. В качестве нежелательных он приводит места из книги о посягательствах русского правительства на казацкие вольности, о лишении К. Г. Разумовского поста гетмана, об осуждении на смерть царевича Алексея Петровича, об Екатерине I и ее семье, о том, что Ели-

²⁷ Описание дел Архива Министерства народного просвещения. Пг., 1921, т. 2, с. XXI—XXVII.

²⁸ За сведения о библиотеке КЦИ автор признателен А. Х. Горфункелю и Н. И. Николаеву.

²⁹ Полянская Л. Обзор фонда Центрального комитета цензуры иностранной. — Архив. дело, 1938, № 1, с. 69.

³⁰ См.: Общий алфавитный список книгам на французском языке, запрещенным иностранной цензурой безусловно и для публики: С 1815 по 1853 г. СПб., 1855.

³¹ Scherer J. B. Histoire raisonnée du commerce de la Russie. Paris, 1788, t. 1—2. Экз. БАН ($\frac{XIm}{22a}$) происходит из библиотеки Комитета цензуры иностранной.

³² ЦГИА СССР, ф. 779, оп. 4, д. 336, л. 32, 68 (далее в тексте — ф. 779).

завета Петровна не желала заниматься государственными делами, о «славной революции» 1762 г. Вывод цензора: «сочинение, в котором нужно зачернить столько страниц и вырвать так много листов», нельзя пускать в продажу (ф. 779, оп. 4, д. 336, л. 32 и об.).

По поводу «Истории торговли...» цензор писал: «Кажется, что это сочинение избежало цензуры, по крайней мере, его все время продавали в лавках. Между тем, оно содержит множество рассуждений о рабстве крестьян и о том, что автор называет пороками русского правления» (ф. 779, оп. 4, д. 336, л. 68—69).

Как образец цензорского рапорта интересен подробный отзыв о запрещенных в 1817 г. записках известного государственного деятеля России 2-й четверти XVIII в. генерал-фельдмаршала графа Б.-Х. Миниха («Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'Empire de Russie». Copenhague, 1774). Это скорее развернутая рецензия на книгу. Рапорт начинается словами: «Без сомнения, нет чтения более приятного и одновременно более поучительного для любителя истории, чем хорошо написанные исторические записки». Особый интерес они представляют, если их «автор почтенный человек, участвовавший в событиях, о которых он рассказывает». Таковы, по мнению цензора, мемуары графа Миниха. Страницы этой книги «полны интересными подробностями о русской истории от Петра Великого до Петра III», но они написаны «не для того, чтобы их читали в этой стране». Отметив, таким образом, достоинства книги, цензор переходит к опасным местам. Среди них: суждения и рассказы автора о «деспотической власти» Меншикова, провозглашению им Екатерины I императрицей, зависимости Петра II от Долгоруких, о попытке «верховников» ограничить власть Анны Иоанновны, а также подробности быта Анны Леопольдовны, обстоятельства восшествия на престол Елизаветы Петровны, образ жизни Петра III, его отношения с Екатериной II (ф. 779, оп. 4, д. 338, л. 199—201 об.).

Переворот 1762 г. по-прежнему остается запретной темой. Преследуемая еще Екатериной II книга А. Гудара «Записки по истории Петра III...» подвергается запрету в 1818 г. Рапорт цензора очень краток, приводится лишь несколько цитат из книги, которая по сути своей остается неприемлемой для русского двора. При этом цензор обращает особое внимание на титульный лист книги: «Развернув только книгу с заглавного листа, можно тотчас видеть, что она неблагоприятна правительству Российскому 1762 г. На виньете изображено, что на овцу напали лев, тигр, медведь и волк, а вдали сидит двуутробка [т. е. кенгуру. — В. С.] с зажженным факелом раздора» (ф. 779, оп. 4, д. 62, л. 327).

Уже вскоре после образования Министерства полиции вопросы цензуры иностранной книги вызывали постоянные столкновения между Министерством просвещения и полицейским ведомством. Так, в 1816 г. лишь в Комитете министров разрешился спор о книгах профессора Харьковского, а впоследствии профессора Петербургского университета А. А. Дегурова. В октябре 1816 г. Дегуров обратился к министру просвещения А. Н. Голицыну с жалобой на действия полицейской цензуры, задержавшей книги, выписанные им из-за границы. Получив «Всеобщий исторический словарь» Л. Шодона и А.-Фр. Деландина (Paris, 1812), Дегуров обнаружил, что в «тринадцати томах вымарали и сделали нечитаемыми около двух десятков статей по русской истории», а именно о царевиче Алексее Петровиче, Екатерине I, Меншикове, Иване Антоновиче, Петре III, Потемкине, Суворове и т. д. Возмущаясь действиями цензоров, Дегуров просил А. Н. Голицына ходатайствовать о возвращении «без помарок» оставшихся в цензуре книг.³³

А. Н. Голицын, представив прошение Дегурова на обсуждение Комитета министров, добился, в виде исключения, возвращения ему книг. Кроме того, Комитет постановил (10 ноября 1816), чтобы полицейская цензура «впредь никаких помарок в выписанных книгах не делала, а те из них, коих не одобрит, не выпуская, оставляла бы у себя».³⁴

К этому постановлению Комитета министров снова вернулись спустя год. В июне 1817 г. просвещенный московский вельможа граф Лев Кириллович Разумовский обратился к А. Н. Голицыну с аналогичной просьбой выволить из полицейской цензуры книги, заказанные им и изъятые у книгопродавца Фр. Рисса. Речь шла прежде всего об «Историческом словаре» Шодона и Деландина и о «новом издании» (1812 г.) «Российской истории» П.-Ш. Левека (с 5-го по 8-й том). Голицын, ранее обещавший Разумовскому свою помощь в подобных вопросах, охотно откликнулся на просьбу графа и обратился к министру полиции С. К. Вязьмитинову, прося приказать «ускорить выпустить сии книги, если в них не находится ничего противного установлениям о цензуре». Вязьмитинов ответил, что «обе сии книги... подверглись запрещению... на основании известного Вам, милостивый государь мой, положения Комитета министров», тем самым напоминая о недавнем столкновении. При этом он сообщил выдержки из цензорских отзывов на «Исторический словарь» и книгу Левека. В «Российской истории» Левека цензор наряду с «клеветой» на «августейших монархов» от Петра I до Екатерины II особо отмечал подробный

³³ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 118, д. 341, л. 1—2.

³⁴ Там же, ф. 1263, оп. 1, д. 101, л. 270—277.

рассказ об убийстве Павла I.³⁵ В отзыве на «Исторический словарь» было указано на «множество предосудительных мест» в статьях о русских императорах и государственных деятелях, приводились высказывания авторов о «жестокости нрава» Петра I, его личном участии в казни «преступников», о том, что «Петр III был отравлен», а «Павел I убит».³⁶

Несмотря на фактический отказ Вязьмитинова Голицын продолжал настаивать на выдаче книг Разумовскому и просил министра полиции «войти с представлением» по этому вопросу в Комитет министров. Не сразу, а лишь после вторичного напоминания, Вязьмитинов ответил — опять отказом и в довольно резкой форме, напомнив, что по воле Александра I «одному профессору Дегурову выданы были два исторические творения, подлежащие запрещению». Голицын, со своей стороны, не желал уступать и обещал Л. К. Разумовскому лично обратиться «с всеподданнейшим докладом» к императору. Но обещание свое Голицын не исполнил либо не успел исполнить. Дело, тянувшееся полтора года, было прекращено «по причине смерти графа Льва Кирилловича» в конце 1818 года.³⁷

За время действия устава о цензуре 1804 г. (1804—1826 гг.) кроме уже упомянутых книг в России были запрещены «Письма из Московии» Локателли (Paris, 1736); «История Петра III» Ж. Лаво (Paris, 1799),³⁸ «История Екатерины II» Ж. Кастера

³⁵ В статье, посвященной «Российской истории» П.-Ш. Левека, мы, основываясь на сличении цензурного рапорта с экземплярами издания 1812 г., хранящимися в БАН и ГПБ, писали об отсутствии в книге подробного описания убийства Павла I (см.: Сомов В. А. Указ. соч., с. 98). Однако рассказ о перевороте 11 марта 1801 г. есть в других экземплярах того же издания. Полностью он содержится в книге, хранящейся в Научной библиотеке ЛГУ и происходящей из библиотеки Комитета цензуры иностранной (шифр: Г. II. 3126. На обороте верхней крышки переплета 5-го тома запись черными чернилами: «запрещ. 27 июль 1817 г. № 144». Вероятно, именно эта книга и была конфискована у Л. К. Разумовского). Подобные же тексты есть в экземплярах ГПИБ (37⁶/₁₂), Научной библиотеки Московского университета

(5 Gk / 337), Библиотеки Гос. Эрмитажа (Ц98.4.17). Видимо, в издании 1812 г. существовало два варианта текстов, посвященных царствованиям Екатерины II и Павла I, причем доступные нам экземпляры содержат различные их сочетания.

³⁶ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 118, д. 373, л. 4—8. Ср. рапорт о «Российской истории» Левека: ф. 779, оп. 4, д. 339, л. 106—107.

³⁷ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 118, д. 373, л. 10 и об., 14—15. Среди книг Дегурова «Российской истории» П.-Ш. Левека не было. Видимо, Вязьмитинов распространил запрет «Исторического словаря» и на книгу Левека, основываясь на ее содержании. Странно, однако, что А. Н. Голицын не указал министру полиции на это.

³⁸ Книга Ж. Лаво, запрещенная в 1820 г., еще в 1804 г. привлекла внимание Александра I, который «с неудовольствием» узнав о том, что «Исто-

(Paris, 1809); «История жизни Петра III» Зальдерна (Frankfort sur le Mein; Metz, 1802); «Записки о царствовании Екатерины I» Руссе де Мисси (Amsterdam; Leipzig, 1742); «Рассуждения о состоянии России в правление Петра Великого...» (Berlin, 1791); «Путешествие в Петербург» Мессельера (Paris, 1803); «Записки... путешественника о... Литве, Белоруссии, Петербурге, Москве, Крыме» Мейе де ля Туша (Hambourg, 1807); «Рассмотрение трех сочинений о России...» Фортиа де Пиля (Paris, 1818); его же «Путешествие двух французов в... Россию и Польшу» (Paris, 1796); «Путешествие в Польшу, Россию...» В. Кокса (Genève, 1786); «Литературное, политическое и философское путешествие по России...» П.-Н. Шантро (Hambourg, 1794); «История правительств Севера...» Вильямса (Amsterdam, 1780).

Эти запреты оставались в силе вплоть до конца XIX в.³⁹ Еще в середине XIX в. новым запретам подвергались сочинения К. К. Рюльера (Paris, 1819), включавшие «Историю или анекдоты о русской революции 1762 г.», «Записки...» Ж. Моро де Бразе о Прутском походе 1711 г. (Veritopoli [Amsterdam], 1735), «Мемуары» Массона (Amsterdam, 1802), рассказывающие о России последних лет правления Екатерины II и начале царствования Павла I.

На протяжении нескольких царствований запрет вызывали одни и те же суждения иностранцев о России, одни и те же факты из русской истории, одни и те же книги (Ж. Кастера, А. Гудар, Фортиа де Пиль, В. Кокс и др.). Отношение властей к французской «Россике», претерпевавшее определенные изменения в зависимости от общего состояния цензурной политики, по существу не менялось. Царское самодержавие, выступая с позиции защиты оскорбленного национального достоинства народа, престижа Российской империи, преследовало французскую книгу о России. Действительно, в этих сочинениях были фактические ошибки и предвзятые суждения, но неприязнь правящих кругов вызывало прежде всего другое: характеристика образа правления как «деспотического», критика крепостничества, отзывы о событиях общественного движения, «бредни и лжи о лучших государях». В круг запретных тем входили замечания о жестокости Ивана Грозного и Петра I, смерть царевича Алексея Петровича, переворот 1762 г., убийство Павла I, подробности, «порочащие» коронованных особ (биографические сведения о Екатерине I, интимная жизнь Елизаветы Петровны и Екатерины II и т. п.). Опасения вызы-

рия Петра III» значилась среди книг, выписанных Академией наук, повелел расследовать, кто именно заказал книгу (см.: Русская старина, 1896, № 8, с. 448).

³⁹ Полянская Л. Указ. соч., с. 67.

вали и содержащиеся в книгах исторические документы: «пункты... ограничивающие самодержавие», представленные Анне Иоанновне верховниками, «выписки из манифестов 762 г., кои по высочайшему повелению во всех указах книгах истребить предписано» (см.: д. 163, л. 68 об., 117). Все эти темы вплоть до конца XIX—начала XX в. не могли свободно обсуждаться на страницах русской легальной печати.⁴⁰ Еще в 1850—1860-х гг. некоторые из упомянутых сюжетов рассматривались лишь в «Полярной звезде», «Колоколе» и других изданиях Вольной печати А. И. Герцена и Н. П. Огарева, много внимания уделявших истории России XVIII в.⁴¹

Для русских читателей второй половины XVIII—начала XIX в. французская «Россика» являлась одним из немногих доступных источников по недавней отечественной истории.⁴² Цензурные документы, сами факты запрета свидетельствуют об интересе русского общества к этим книгам. В то же время каталоги личных библиотек, владельческие пометы на сохранившихся экземплярах, списки и рукописные переводы французских сочинений о России подтверждают, что несмотря на преследования властей «Россика» находила своих читателей.

⁴⁰ Сочинения Рюльера, Массона и другие мемуары, являющиеся ценными источниками по русской истории, переводятся и становятся доступными широкому русскому читателю только в конце XIX — начале XX в.

⁴¹ Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия: Секрет. полит. история России XVIII—XIX веков и Вольная печать. М., 1973, с. 349—350; Он же. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966, с. 122—126.

⁴² Известно, что А. С. Пушкин хорошо знал и использовал в своих исторических трудах французскую литературу о России. См. [Библиотека А. С. Пушкина]. Пушкин и его современники. СПб., 1910, вып. 9—10; Томашевский Б. В. Жан Кастера, автор «Истории Екатерины II». — В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. М.; Л., 1959; Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII—первая треть XIX века. Л., 1978, с. 181—182.

А. А. Зайцева

КНИЖНАЯ ЛАВКА АКАДЕМИИ НАУК В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

История деятельности книжной лавки Академии наук в конце XVIII в. совершенно не изучена. Достаточно отметить, что нет ни одной работы, посвященной данной проблеме. А между тем, конец XVIII в. был периодом активного функционирования книжной лавки. Если в первую половину XVIII в., как отмечал исследователь этого периода А. Д. Бочагов, «в истории книжной палаты эпоха Кланнера (т. е. первые 10 лет существования академической книжной лавки. — А. З.) — самое цветущее время в смысле развития торговых оборотов»,¹ то для второй половины XVIII в. таким примечательным периодом было последнее пятнадцатилетие (1785—1800 гг.).

Утверждению порядка, оживлению и расширению книжной торговли Академии наук в немалой степени способствовало умение хозяйничать и твердая рука Е. Р. Дашковой, вступившей на пост ее директора в начале 1783 г., в момент, когда Академия наук находилась в запустении и переживала разного рода трудности. По собственным словам Дашковой, она «очутилась запряженной в воз, совершенно развалившийся...».² В жалком состоянии находилась и книжная лавка. Так, в 1780 г. директор Академии наук С. Г. Домашнев рапортовал в Комиссию Академии наук, что он, «изтоща все средства о приведении книжной лавки в некоторый порядок», находит ее «теперь в совершеннейшем беспорядке... в ближнем при лавке магазине все книги лежат кучею беспорядку, и без надписей...», и признавал, что «более нестройности ни в каком месте быть не может».³

В числе первых из проведенных Е. Р. Дашковой реформ были изменения в области книжной торговли. Хранящиеся в Архиве Академии наук материалы — распоряжения и резолюции Е. Р. Дашковой на документах, касающиеся книжной лав-

¹ Бочагов А. Д. Книжная палата Академии наук. СПб., 1893, с. 21.

² Цит. по кн.: Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. М., 1979, с. 73.

³ ЛО ААН, ф. 3, оп. 6, д. 292, л. 14.

ки, различные подсчеты, сделанные ее рукой на представляемых ей отчетах, и др., — свидетельствуют о том, что наведение порядка в книжной лавке происходило под ее непосредственным контролем. Это же подтверждает и представленная ею докладная записка — «Состояние, в котором находилась императорская Академия наук, когда я вступила в управление ею в 1783 г., и в котором она находится ныне, в 1786 г.». Из записки видно, что была упорядочена отчетность по книжной лавке, что были предприняты энергичные меры для распродажи скопившейся продукции Академии наук — книги, карты и альманахи стали «продаваться за половину их прежней цены», кроме того, было строго запрещено продавать в лавке какие-либо издания, кроме академических, а также был сменен комиссар книжной лавки.⁴

Как показывают архивные материалы, новым комиссаром книжной лавки с 10 апреля 1784 г. стал «иноземец» Борис Альтман. Он сменил на этом посту Емельяна Вильковского, неугодного Дашковой и заподозренного ею в различных злоупотреблениях. В прошении, поданном в Канцелярию Академии наук в марте 1784 г., «вольный учитель» Борис Иоганн Альтман писал: «Уведомился я чрез газеты, что в академическую книжную лавку к продаже книг потребен комиссар, в которую должность я по знанию моему как российского, так и иностранных языков вступить желаю».⁵ Последнее обстоятельство было немаловажным для Академии наук.⁶ На протяжении всего времени существования лавки почти все из предшественников Альтмана знали либо только русский, либо только иностранные языки, что крайне затрудняло ведение отчетности, контроль и вообще сам процесс книготорговли. Подбор нужной кандидатуры был нелегким делом, поскольку на комиссара (директора) книжной лавки ложилось множество обязанностей — от ведения сложной отчетности, занимавшей много времени, составления каталогов продававшихся книг, умелого их рекламирования, постоянных забот о пополнении книжного ассортимента лавки и т. п. до подписки на «Ведомости» и распространения их. Не случайно в «Проекте мероприятий по улучшению книжной продажи», представленном О. П. Козо-

⁴ Цит. по кн.: Лозинская Л. Я. Во главе двух академий, с. 124, 126, 128.

⁵ ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, д. 339, л. 40. Поручителем Бориса Альтмана выступил иностранный купец Христиан Геббельт.

⁶ Е. Р. Дашкова писала: «Служитель, которому поручена была продажа книг, знал только русский язык и не был знаком даже с арифметикой; он не мог соблюдать порядок в счетах и к неудовольствию публики выдавал книги в перепутанном или разрозненном виде. Я приставила к этому делу человека, знающего бухгалтерию и иностранные языки; сбыт книг увеличился». — Цит. по кн.: Лозинская Л. Я. Во главе двух академий, с. 132.

давленным в 1783 г., настойчиво рекомендовалось, для того чтобы комиссар справлялся со своими обязанностями, предоставить ему в помощь двух служителей, а также «один день в неделю назначить для сочинения счетов и ведомостей».⁷

Комиссар Борис Альтман был принят в Академию наук на тех же условиях, на которых до него служил Емельян Вильковский. Альтману было назначено «по двести рублей на год» и в поощрение «с каждого рубля по 2 копейки процентных денег» с проданных (а также «безденежно» взятых в Канцелярию Академии наук) книг.⁸ Позднее этот процент существенно увеличился (до 4, а затем и до 8 копеек с 1 рубля за книги и до 2 копеек с 1 рубля — за календари). В помощники к Б. Альтману был определен «находящийся при типографии подъемщик Максим Лабознов с жалованьем по сту по двадцати рублей в год» и с получением процентов по одной копейке с рубля «от тех книг, ландкарт и прочаго какие ему в продажу от комиссара Альтмана поручены будут».⁹

Борис Альтман прослужил комиссаром книжной лавки до 14 ноября 1799 г. В выданном ему при увольнении аттестате (за подписью директора Академии наук Б. Николаи) отмечалась его «усердная и беспорочная... 15-летняя при Академии служба», а также и то, что «в бытность же свою при Академии вел он себя всегда добропорядочно и должность свою исправлял с особенным усердием и успехом».¹⁰ Подобный аттестат не был ординарным явлением, у всех предшественников Альтмана (включая и Кланнера) уход со службы был обусловлен конфликтом с академическими властями и завершался расследованием злоупотреблений или даже следственным делом. Любопытным свидетельством, как о круге обязанностей комиссара книжной лавки, так и о его положении в Академии наук, является «покорнейшее прошение», поданное Альтманом в Кан-

⁷ ЛО ААН, ф. 3, оп. 6, д. 297, л. 1—1 об.

⁸ Там же, оп. 1, д. 339, л. 40 об.

⁹ Там же. С помощниками Альтману не везло. Максим Лабознов, который просил перевести его «за долгую, беспорочную службу» из типографии в помощники комиссара, умер 4 марта 1785 г., и Канцелярия Академии наук некоторое время пыталась взывать с Альтмана задолженность по книжной лавке, допущенную Лабозновым (ЛО ААН, ф. 3, оп. 6, д. 301, л. 1—20). С новым помощником — прапорщиком Степаном Лутвиновым у Альтмана не сложились отношения. Жалуясь на Лутвинова, Альтман писал в 1787 г., что он неаккуратно собирает плату за «Ведомости», не раздает во время газеты, не сдает полностью вырученные деньги, не приходит в положенное время в лавку и т. п., «от того в книжной лавке всегда большой шум с публикою происходит» (там же, л. 238). Офицер Лутвинов не только не желал подчиняться Альтману, но, как явствует из жалобы комиссара, даже избил его (там же, ф. 3, оп. 1, д. 358, л. 238—238 об.).

¹⁰ Там же, ф. 3, оп. 6, д. 387, л. 14. («Дело о увольнении от Академии комиссара Альтмана и определении на место его Дрехслера» см. там же, л. 1—21).

целярию Академии при его уходе со службы, даже если учесть, что в прошении, рассчитанном на получение денежной компенсации, были намеренно сгущены краски: «Служив долгое время Императорской Академии наук комиссаром, — писал Альтман 31 октября 1799 г., покидая свой пост, — и просив, наконец, от оной увольнения за слабостию здоровья, я осмеливаюсь покорнейше просить Императорскую Академию Наук воззреть милостивым оком на мое неимущество и вознаградить мое служение денежным награждением, снисходя на то, что я чрез шесть лет за продажу газет и календарей не получил процентов, да во все время должности моей не взял полного жалованья назначенного комиссару и помощнику, при том интерес Императорской Академии наук всегда ревностно наблюдая, взял публикацию книг на себя и сделал тем продаже знатное приращение».¹¹ В результате Альтману было выдано из канцелярии вознаграждение в 200 руб.¹²

Различные документы, связанные с уходом Альтмана, в частности «Опись покоям, где жителство имел комиссар Борис Альтман, с показанием, сколько в них находится разных вещей»,¹³ сделанная при передаче его квартиры Дрехслеру, вносит уточнения в вопрос о местонахождении и устройстве академической книжной лавки, переведенной в другое помещение в 1798 г.¹⁴ Квартира комиссара, как следует из описи, состояла из 5 «покоев» внизу и 4 комнат на антресолях и находилась, как можно судить по расположению окон в комнатах, в левом крыле академического здания, стоящего на Неве. Книжная лавка, размещавшаяся рядом с квартирой, состояла из двух комнат, в каждой из которых было по два окна. В первой комнате имелись антресоли с деревянной лестницей и чулан. Книги были расставлены по полкам в шкафах. Во второй комнате стоял киот с образом св. Николая в серебряном окладе. Лавка отапливалась дровами. В первой комнате была «печь голландская кирпичная», во второй — «печь голландская изразцовая».¹⁵ Лавка охранялась солдатами.¹⁶

¹¹ Там же, л. 21. Альтман писал о своем состоянии: «ртутные пары, выходящие из словолитной палаты, которая находится под моею квартирою, расстроили совершенно мое здоровье». — Там же, л. 8.

¹² Там же, л. 12.

¹³ Там же, л. 17—18.

¹⁴ См. там же, д. 345, л. 50: в ответ на рапорт Альтмана о необходимом ремонте «в новопереведенной книжной лавке» Канцелярией было принято решение: «створчатые ставни из прежней старой книжной лавки употребить... пол и замки исправить починкою, а разбитое стекло вставить... Дров в книжную лавку отпустить пять сажень с дровяного двора... октября 25 дня 1798 г.».

¹⁵ ЛО ААН, ф. 3, оп. 6, д. 387, л. 17—18.

¹⁶ Там же, д. 345, л. 51.

Сохранившиеся до нашего времени архивные материалы по книжной лавке (различного рода ведомости, отчеты, рапорты и другие документы) хотя и не дают полного представления о ее деятельности, но все же позволяют судить о характере и общем объеме ее торговых операций в конце XVIII в. В частности, представляется возможным более или менее точно установить, какое количество книг (по названиям и по количеству томов) имелось в книжной лавке в отдельные годы и насколько разнообразным был ее книжный репертуар. Так, например, передаточная ведомость книг, поступивших от Емельяна Вильковского к Борису Альтману, от 30 апреля 1784 г.,¹⁷ включала более 850 названий книг. Наибольшее количество книг было на «российском» языке (469 назв.), причем многие из этих изданий (более четверти) были представлены большим числом экземпляров. Например, «Жильблаз», т. 1—4, имелся в количестве 3207 экз. (т. е. каждого тома более чем 800 экз.), «Букварь» (российский) — на простой бумаге 873 экз. и на «любской» 984 экз., «Вексельного устава» было 753 экз., «Катехизиса» — 356 экз., «О сотворении мира» — 604 экз. Немалое количество составляли книги на иностранных языках — на латыни (118 названий), на немецком (85 названий), на французском (49 названий), портреты и ландкарты (130 названий), календари на 1784 г. (9 названий). Устаревшие календари были переданы на макулатуру «без щету».

Эту передаточную ведомость любопытно сопоставить с «Росписью немецким, французским, аглинским, итальянским и греческим книгам, находившимся в книжной лавке в 1799 г.»¹⁸ Судя по всему, данная роспись представляет нечто иное, как инвентаризационную опись книг, возможно даже аналогичную передаточную ведомость, но составленную уже в связи с передачей дел Альтманом новому комиссару книжной лавки Фридриху Дрехслеру.¹⁹ Как указано в «Росписи», «книг всех на лицо 507» (т. е. 507 названий). Из них: 150 латинских, 49 русских в 4° и 161 русских в 8° листа, 66 немецких, 63 французских, 1 «аглинская», 8 итальянских и 9 греческих.

В денежном выражении, как указывал сам Альтман, «карт, книг и прочего... имелось на его руках ежегодно не менее как на 6000 р.»²⁰ В отдельные годы эта цифра была еще выше.

¹⁷ Ведомость «Сколько по СПб. академической книжной лавке отдано по резолюции апреля 10 го дня г. комиссаром Емельяном Вильковским вступившему на его место комиссару г. Борису Альтману книг российских и иностранных, також портретов, планов, ландкарт и календарей 1784 года апреля 30 го дня» (ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, д. 339, л. 47—107).

¹⁸ Там же, оп. 6, д. 357, л. 1—15.

¹⁹ По всем листам «Росписи» внизу «скрепы» — «отданы [оддаты] А. Ведмейерова» — и подпись, по-видимому, о приеме книг: «А. Hennin».

²⁰ ЛО ААН, ф. 3, оп. 6, д. 387, л. 14.

Так, например, из «рапортa» секретаря Петра Волкова об освидетельствовании книжной лавки и ее состояния на 1 июня 1794 г. следует, что «книг разного звания и на разных языках, також карт, планов и протчаго» в лавке имелось: «книг российских на 3027 р. 24 к.; французских прежней выписки из чужих краев на 161 р. 30 к.; здешней печати французских на 395 р. 36 к.; латинских на 327 р. 48 к.; немецких на 598 р. 10 к.; французских же последней выписки из Лейдена на 3676 р. 45 к.; партикулярных на 22 р. 11 к.; каталогов на 23 р. 25 к.; разных календарей на 27 р. 50 к.; карт, портретов, планов и протчаго на 4791 р. 95 к.; а всего вообще на **тринадцать тысяч четыреста девяносто рублей семьдесят четыре копейки...**».

В обязанности комиссара книжной лавки входило строго следить за тем, чтобы, как только тираж той или иной книги полностью распродавался, заказывать это издание из книжного магазина или же, при отсутствии данной книги в магазине, подавать требование на его допечатку в типографию Академии наук,²² а также, разумеется, заказывать все новые, изданные типографией Академии наук книги. Благодаря сохранившимся «Месячным ведомостям по книжному магазину» за 1789—1792 гг., можно точно подсчитать, какое количество книг (по названиям и по количеству экземпляров) и в какие сроки поступало в книжную лавку (см. табл. 1). Таблица показывает, что в среднем ежемесячно Альтман получал около 10 новых изданий (130 томов). Изучение месячных ведомостей (на основе которых составлена таблица и в которых тщательно учитывались все поступления в «книжный магазин») убедительно показывает, что, как только из типографии Академии наук (или какого-либо другого источника) в «магазин» поступало новое издание, оно сразу же в небольшом количестве экземпляров передавалось и в книжную лавку.²³ Характерно, что комиссар книжной лавки не только получал необходимую литературу из книжного магазина, но в отдельных случаях сам

²¹ ЛО ААН, ф. 3, оп. 6, д. 323, л. 129.

²² В распоряжении от 1784 г. Альтману при поступлении на службу в Академию наук вменялось в обязанность «наблюдать ежели какого звания книги или чего другого при продаже оставаться будет весьма малое число экземпляров, то не упуская ни мало времени, дабы не последовало остановки, а чрез то публике неудовольствия, смотря по расходу сколько чего потребно будет представлять об отпуске...» (ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, д. 339, л. 111—111 об.).

²³ Как показывают отчеты Альтмана, и позднее в 1795, 1798—1799 гг. в книжную лавку каждый месяц в среднем поступало 5—10 новых книг (по названиям). Обычно поступления в книжную лавку были связаны с выходом их типографии нового издания. И из каждого тиража Альтман забирал в лавку на продажу несколько экземпляров новой книги в зависимости от ее стоимости и содержания.

сдавал в «магазин» книги. Так, например, в 1792 г. Альтманом была передана в магазин большая партия иностранных книг, по-видимому, выписанных через книжную лавку в Академию наук.²⁴ Книги из лавки передавались в «магазин» и в тех случаях, когда в ней скапливались дефектные экземпляры, некомплектные многотомные издания или просто залеживался и не раскупался тираж какой-нибудь книги. Так, например, 6 февраля 1789 г. Альтманом в книжный магазин была сдана большая партия книг — 52 названия (7202 экз.).²⁵ В их числе, например, имелись: 121 экз. «Истории Азовской», 50 экз. «Света зримаго», 125 экз. «Истории священной на 5-ти языках» и т. д. — количество примеров можно было бы существенно расширить. Характерно, что в передаточной «Ведомости» Вильковского эти издания были представлены большим числом экземпляров. В 1784 г. Альтманом от него было, например, получено 154 экз. «Азовской истории», 96 экз. «Света зримаго», 957 экз. «Священной истории на 5-ти языках».²⁶ Таким образом, эти издания так и остались нераспроданными за 5 лет. «Месячные ведомости» по «книжному магазину» показывают, что подобные поступления литературы от комиссара Альтмана, заботившегося о том, чтобы в лавке не скапливались мертвым грузом плохо расходившиеся книги, были довольно часты.²⁷

Хранящиеся в ЛО ААН архивные материалы позволяют также подсчитать, какие суммы в отдельные годы выручала книжная лавка за продажу книг. И хотя мы не располагаем данными за все годы, все же имеющиеся материалы позволяют составить представление о товарооборотах академической книжной лавки в конце XVIII в.

Особую важность для подобных подсчетов представляют такие документы, как «Краткая ведомость» — отчет Бориса Альтмана о вырученных деньгах за продажу книг, портретов, карт и календарей за 1785 г.,²⁸ «Репорты комиссара книжной лавки Альтмана о взносе денег за проданные книги и календари», содержащие еженедельные отчеты о вновь поступивших в лавку, а также о проданных книгах и других изданиях, в которых указываются цены на книги, а также общая сумма вырученных за них денег.²⁹ Кроме того, сохранился ряд документов, содержащих данные по проверке отчетов Альтмана, и представля-

²⁴ ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, л. 925, л. 216.

²⁵ Там же, л. 33—35.

²⁶ Там же, оп. 6, д. 339, л. 47—106 об.

²⁷ См., например: ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, д. 925. Данные за 1790 г.: л. 78, 106, 114, 123; данные за 1792 г.: л. 213—214, 216—216 об., 221 и др.

²⁸ ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, д. 350, л. 526.

²⁹ Там же, оп. 6, д. 326, л. 1—102; д. 331, л. 61—70; д. 347, л. 1—57; д. 350, л. 1—26; д. 356, л. 1—30 об.; д. 359, л. 1—69.

шихся им в Канцелярию Академии наук так называемых «шнуровых» книг, отражавших весь торговый баланс книжной лавки за год (т. е. количество поступивших в лавку книг, сумму, на которую они были проданы, сумму, на которую книги были отпущены из лавки «безденежно» по указанию Канцелярии, величину процента, положенного книгопродавцу, и др.). В результате и «шнуровые» книги, и данные по их ревизии представляют ценный «итоговый» материал для статистических подсчетов.³⁰ На основе использования этих документов и была составлена табл. 2.

Табл. 2 дает наглядное представление о товарооборотах книжной лавки с конца 80-х гг. XVIII века. Она показывает, что в конце 80-х гг. обороты книжной лавки были несколько выше, чем в 90-е. В последнее пятилетие XVIII в. доход от книжной лавки в среднем составлял 6000 руб. в год. Так, например, в 1795 г. общая сумма выручки за книги и прочее составила 7065 р. 70 к., а «за исключением безденежной суммы и процентов» — 6115 р. 98 к.³¹ Данные за конец 1798-го и 1799-й год недостаточно полны, но если сопоставить выручку книжной лавки за три четверти года, то цифры будут приблизительно одинаковыми: в 1798 г. — 3263 р. 19 к.; в 1799 г. — 3561 р. 83 к.; в 1800 г. — 3364 р. 77 к. Необходимо сразу отметить, что реальный доход от книжной лавки был гораздо выше, чем это указано в табл. 2, в которой подсчитана общая сумма от продажи книг, карт, гравюр и календарей. Ведь большую прибыль давала и продажа «Санктпетербургских ведомостей», учет которой производился отдельно.

Некоторое понижение общей суммы товарооборотов в 90-е годы по сравнению с 80-ми было связано, по-видимому, с начавшимся застоєм в общественной жизни, а также с тем, что в распространении академических книг все большую роль стали играть частные книготорговцы, книги которым отпускались с большими скидками, причем не только за наличные деньги, но и под векселя.³² Возрастание товарооборота в 1800 г. связано с тем, что это был первый год деятельности комиссара

³⁰ См., например, данные по ревизии представленного Альтманом отчета за 1787 г. (ЛО АНН, ф. 3, оп. 1, д. 365, л. 494—494 об.) или «Дело о освидетельствовании шнуровой книги за 1795 год о приходе и расходе по книжной лавке книг и прочего. 1796-го марта 27-го» (там же, оп. 6, д. 336, л. 2—3).

³¹ ЛО АНН, ф. 3, оп. 6, д. 336, л. 2.

³² Во «всепопданнейшем докладе» на имя Екатерины II, относящемся к началу 90-х гг., Е. Р. Дашкова указывала, что экономическая сумма Академии наук (складывавшаяся в основном от продажи книг) возросла до 161 000 рублей. Дашкова подчеркивала: «Пятнадцать тысяч рублей состоят в данных Академии от книгопродавцев векселях, ибо на наличные деньги не можно б такое количество книг продавать». Цит. по кн.: Записки княгини Дашковой. СПб., 1907, с. 300.

Фридриха Дрехслера, которому удалось поднять общую сумму товарооборота за счет повышенной продажи календарей.³³ Не случайно на этой почве у него стали возникать трения с частными книгопродавцами, жаловавшимися на то, что он стремился монопольно продавать календари в С.-Петербурге.

С ассортиментом книжной лавки в конце XVIII в. знакомит сохранившаяся «Счетная выписка» из «шнуровой» книги, представленной комиссаром Альтманом за 1798 г.³⁴ (см. табл. 3).

Данные, приведенные в табл. 3, убедительно показывают, что, вопреки принятому мнению, академическая книжная лавка и в конце XVIII в. торговала не только «российскими», но и иностранными книгами, причем не только «здешней печати», но и выписывавшимися из-за границы. Так, например, академических книг на русском было продано и отпущено «безденежно» на 1163 р. 05 к., на иностранных языках — на 312 р. 55 к. и полученных из-за границы французских книг — на 116 р. 20 к. Из таблицы видно, какую большую сумму давала продажа календарей (всего на 3088 р. 14 к.). Если учесть, что в конце XVIII в. каталог стоил 20 коп., а всего их было продано и роздано на 8 р. 10 к., то за год было распространено около 40 каталогов. Характерно, что в лавке в эти годы продавались не только книги, но и приборы — барометры, термометры, приносившие приличную выручку.

В заключение приведем для сравнения некоторые данные по книжному магазину Академии наук.³⁵ Сохранившиеся в делах Архива Академии наук «Ведомости» по книжным магазинам позволяют произвести подсчет за отдельные годы количества находившихся в магазинах русских и иностранных книг и их общей стоимости (см. табл. 4 и 5). Таблицы наглядно показывают, какое огромное количество книг и на какие большие суммы скопилось в Академии наук к концу XVIII в., причем общее количество их непрерывно возрастало.

Таким образом, книжная лавка Академии наук в конце XVIII в. функционировала устойчиво и стабильно, реализуя

³³ Необходимо отметить, что Ф. Дрехслер не был новичком в книготорговле. Его поручитель, владелец типографии Ф. Брейткопф, указывал в выданном Дрехслеру свидетельстве, что «податель сего г. Дрехслер управлял тринадцать лет моею книгопечатною, и что он не только о делах типографических, но о книжной торговле имеет все потребные знания и искусство, приобретенные самим опытом, упражнявшись в оной и прежде своего приезда в Санктпетербург» (ЛО АНН, ф. 3, оп. 6, д. 387, л. 10).

³⁴ См.: ЛО ААН, ф. 3, оп. 6, д. 356, л. 40—41.

³⁵ Вопрос о различных функциях в книготорговой деятельности Академии наук книжного магазина и книжной лавки был нами рассмотрен в статье: Зайцев А. А. Академия наук и частные книгопродавцы в конце XVIII века. — В кн.: Книга и библиотеки в России в XIV — первой половине XIX в. Л., 1982, с. 101.

ежегодно книжную продукцию в среднем на 6000 руб. Если учесть, что стоимость одной книги для того времени в среднем составляла 1 руб., то продавалось примерно 6000 книг в год. Эта цифра, по-видимому, отражала возможность насыщения книжного рынка изданиями Академии наук, тем более что они успешно распространялись и частными книготорговцами. Однако деятельность книжной лавки не могла изменить существовавшую диспропорцию между количеством реализуемой книжной продукции Академии наук и числом изданий, постепенно, чуть ли не с момента основания академической книжной лавки накапливавшихся на складах (магазинах) Академии наук, достигшим к концу XVIII в., как это видно из табл. 4 и 5, внушительных цифр. Невозможность реализации всей этой продукции через книжную лавку, убытки, которые терпела Академия наук от затоваривания, возможно, и были одной из причин, обусловивших в дальнейшем ликвидацию ее книжной лавки.

Количество книг (на русском и иностранных языках), ежемесячно поступающих в книжную лавку на продажу из книжного магазина

Дата	К-во назв.	К-во экз.	Дата	К-во назв.	К-во экз.	Дата	К-во назв.	К-во экз.	Дата	К-во назв.	К-во экз.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1789 г.			1790 г.			1791 г.			1792 г.		
27 янв.	7	136	4 янв.	7	49	2 янв.	2	33	16 янв.	3	22
			8 янв.	3	25	7 янв.	1	10			
			12 янв.	3	45	21 янв.	5	29			
			17 янв.	4	122						
			30 янв.	1	4						
1 февр.	3	80	7 февр.	3	15	3 февр.	5	53	3 февр.	2	11
7 февр.	1	30	11 февр.	8	218	11 февр.	6	53	20 февр.	7	58
9 февр.	1	12	25 февр.	1	5	28 февр.	1	15	28 февр.	5	34
7 марта	2	20	6 марта	5	30	7 марта	7	84	6 марта	2	7
			13 марта	10	104	18 марта	3	45			
			18 марта	1	2	22 марта	4	30			
			1 апр.	3	65	5 апр.	2	30	20 апр.	5	35
			4 апр.	7	34	24 апр.	9	33			
			10 апр.	4	120						
			12 апр.	5	56						
			17 апр.	6	55						
			26 апр.	5	23						
11 мая	1	24	4 мая	5	66	24 мая	7	48	22 мая	3	45
			8 мая	1	3				22 мая	2	33
			28 мая	5	100						

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
14 июня	8	84	10 июня	5	55	19 июня	3	36	2 июня	5	36
20 июня	1	10	14 июня	2	40				15 июня	2	105
			15 июня	2	45						
			22 июня	3	18						
			26 июня	1	10						
3 июля	4	60	5 июля	3	57		—	—	12 июля	1	3
10 июля	3	23	5 июля	1	10				28 июля	3	8
21 июля	9	98	14 июля	3	15				30 июля	1	6
3 авг.	4	65	19 авг.	1	2	2 авг.	2	7	5 авг.	1	4
27 авг.	34	84	21 авг.	4	20	11 авг.	3	20	17 авг.	4	40
						18 авг.	4	7			
						28 авг.	2	4			
10 сент.	7	157	4 сент.	4	20	5 сент.	4	8	2 сент.	7	52
15 сент.	2	40	6 сент.	4	61	18 сент.	11	36			
			7 сент.	3	65	29 сент.	5	85			
			13 сент.	2	10						
			18 сент.	5	98						
			28 сент.	6	65						
4 окт.	2	25	15 окт.	4	40	23 окт.	9	38	7 окт.	5	57
5 окт.	1	50	19 окт.	3	50				23 окт.	1	500
9 окт.	4	39	24 окт.	4	101				13 окт.	2	150
17 окт.	5	93	31 окт.	3	90						
6 нояб.	23	134	20 нояб.	2	14	10 нояб.	1	10	5 нояб.	2	2038
7 нояб.	3	15				29 нояб.	3	15			
20 нояб.	3	17									
23 нояб.	2	35									
10 дек.	1	20	10 дек.	8	75	19 дек.	4	16	18 дек.	2	52
17 дек.	6	28							24 дек.	1	40
18 дек.	1	30							30 дек.	4	6

Итого:	138	1409	Итого:	160	2102	Итого:	103	745	Итого:	70	3342
--------	-----	------	--------	-----	------	--------	-----	-----	--------	----	------

Всего за 4 года: 471 название, 7598 томов.

Доходы книжной лавки Академии наук в конце XVIII в. от продажи книг, географических карт, календарей, гравюр

Месяцы	1785 г.	1787 г.	1795 г.	1798 г.	1799 г.	1800 г.
Январь	1365 р. 00 к.	4465 р. 81 к.	692 р. 25 к.	851 р. 00 к.	1020 р. 00 к.	1458 р. 87 к.
Февраль	417 р. 63 к.	1039 р. 61 к.	250 р. 88 к.	485 р. 00 к.	769 р. 18 к.	230 р. 26 к.
Март	1312 р. 95 к.	906 р. 58 к.	911 р. 49 к.	507 р. 94 к.	267 р. 30 к.	524 р. 60 к.
Апрель	487 р. 71 к.	237 р. 00 к.	194 р. 00 к.	322 р. 50 к.	161 р. 00 к.	69 р. 34 к.
Май	513 р. 70 к.	258 р. 79 к.	262 р. 62 к.	229 р. 90 к.	157 р. 92 к.	226 р. 08 к.
Июнь	484 р. 44 к.	248 р. 00 к.	199 р. 65 к.	150 р. 00 к.	253 р. 58 к.	189 р. 72 к.
Июль	271 р. 38 к.	1930 р. 28 к.	554 р. 64 к.	202 р. 80 к.	207 р. 00 к.	222 р. 23 к.
Август	274 р. 66 к.	440 р. 22 к.	307 р. 00 к.	300 р. 00 к.	299 р. 00 к.	178 р. 44 к.
Сентябрь	220 р. 03 к.	581 р. 77 к.	49 р. 00 к.*	214 р. 05 к.	426 р. 85 к.	265 р. 23 к.
Октябрь	239 р. 63 к.	656 р. 40 к.	206 р. 23 к.*	175 р. 00 к.	108 р. 83 к.	189 р. 10 к.
Ноябрь	867 р. 65 к.	1408 р. 25 к.	1158 р. 97 к.	200 р. 00 к.	115 р. 81 к.	920 р. 82 к.
Декабрь	1130 р. 97 к.	1075 р. 37 к.	973 р. 70 к.	1673 р. 35 к.	1294 р. 84 к.	2405 р. 40 к.
Всего	7585 р. 75 к.	13248 р. 08 к.	5760 р. 43 к.	5311 р. 54 к.	5081 р. 31 к.	6880 р. 09 к.

* Данные неполные

**«Счетная выписка из представленной комиссаром Альтманом
шнуровой за 1798 год книги»**

(количество книг, проданных и «безденежно» отпущенных из книжной лавки)

Российских книг	на деньги	1151 р. 55 к.
	безденежно	11 р. 50 к.
французских	на деньги	25 р. 60 к.
латинских	на деньги	192 р. 90 к.
	безденежно	3 р.
немецких	на деньги	84 р. 5 к.
	безденежно	7 р.
партикулярных	на деньги	6 р. 28 к.
карт и пр.	на деньги	558 р. 82 к.
	безденежно	268 р. 24 к.
французских выписанных книг	на деньги	116 р. 20 к.
календарей 1798	на деньги	3082 р. 14 к.
и 1799 гг.	безденежно	6 р.
барометров и термометров	на деньги	88 р.
каталогов книгам	на деньги	6 р.
	безденежно	2 р. 10 к.
		<hr/>
а всего вообще		5609 р. 38 к.
на деньги		5311 р. 54 к.
безденежно на		297 р. 84 к.
вычтено комиссаром Альтманом % с книг и пр.		
проданных коих на 2229 р. 40 к. по 8 к. с рубля		178 р. 31 к.
с календарей коих на 3082 р. 14 к. по 2 к.		61 р. 64 к.
		<hr/>
и того		239 р. 95 к.
Всего Альтманом внесено		5071 р. 59 к.

ТАБЛИЦА 4

**Количество книг «на российском языке» в книжном магазине
в конце XVIII в. и их общая стоимость ***

Год (на 1-е января)	К-во назв.	К-во экз.	Общая стоимость
1794	902	296 414**	273 999 р. 04 ¹ / ₂ к.
1798	916	300 608***	283 541 р. 50 ¹ / ₂ к.
1800	919	283 759	285 238 р. 84 ¹ / ₂ к.

* Таблица составлена на основе материалов ЛО ААН (Ф. 3, оп. 6, д. 322, 351 и 358).

** В это количество вошли и дефектные экземпляры, не имевшие цены (неполные, „погнившие“ и т. п.). В 1794 г. их было 137 экз., в 1800 г.—170.

*** Кроме того, к 1798 г. в магазине имелось еще 22 наименования (6361 экз.) календарей на сумму 2413 руб., так что общая стоимость всей книжной продукции составляла 285 954 р. 50 ¹/₂ к.

ТАБЛИЦА 5

Количество книг на иностранных языках в книжном магазине в 1798 г.
и их общая стоимость *

Язык	К-во назв.	К-во экз.	Общая стоимость
на латинском	93	43 167	57 492 р. 01 к.
на немецком	86	23 823	20 134 р. 01 к.
на французском	66	14 455	5 952 р. 81 к.
на итальянском	23	97	—
на греческом	3	15	—
на голландском	2	22	—
на английском	1	217	238 р. 70 к.
Всего	274	81 796	83 817 р. 53 к.**

* Таблица составлена на основе материалов ЛО ААН (ф. 3, оп. 6, л. 352).

** На деле эта цифра была гораздо выше, так как стоимость итальянских, греческих и голландских книг неизвестна.

Т. П. Самсонова

**КОРПУС ЧУЖЕСТРАННЫХ ЕДИНОВЕРЦЕВ
В ПЕТЕРБУРГЕ,
ЕГО БИБЛИОТЕКА И ТИПОГРАФИЯ
1775—1796 гг.**

Петербург второй половины XVIII в. представлял собой культурный центр с широкой сетью учебных заведений. В этот период основные учебные заведения города размещались на Васильевском острове, который был как бы учебным центром столицы. Здесь находились академический университет и гимназия, Сухопутный шляхетный кадетский корпус, Академия художеств, Горное училище. Корпус чужестранных единоверцев, о котором пойдет речь в настоящей статье, находился недалеко от указанных учебных заведений, в Санктпетербургской части города на набережной реки Петровки. Здесь же располагался Артиллерийский и инженерный кадетский корпус.

Возникновение Корпуса чужестранных единоверцев тесно связано с внешней политикой России, в частности с «Греческим проектом» Екатерины II. Проект предусматривал создание на Оттоманском полуострове греческой империи, зависимой от России и управляемой внуком императрицы — Константином. Стремление приобрести среди греков союзников побудило правительство России создать специальное учебное заведение. История этой школы очень мало освещена в нашей литературе.¹

Во время русско-турецкой войны (1768—1774) Екатерина II повелела набрать в Греции, с согласия родителей, мальчиков

¹ Отдельные факты по истории этой школы можно почерпнуть в следующих изданиях: ИСЗ, т. 20, № 14299, № 14830; т. 23, № 17051; Учреждение корпуса чужестранных единоверцев бывшего прежде под названием гимназии. СПб., 1793; Георги И. Г. Описание столичного города Санкт-Петербурга. СПб., 1794; Сухомлинов М. И. История Российской академии. СПб., 1875; Жерве Н. П., Строев В. Н. Исторический очерк 2-го Кадетского корпуса, 1712—1912. СПб., 1912; Петров П. В. Столетие Военного министерства. СПб., 1902; Павлова Г. Е. Степан Яковлевич Румовский. М., 1979; Кулябко Е. С. Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977.

и отправить их в Италию. В Пизе в 1774 г. была организована специальная школа, которую содержало русское правительство. Алексей Орлов, командующий русским Средиземноморским флотом, 28 апреля 1775 г. писал тогдашнему директору Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса М. И. Мордвинову: «...В прошлом годе донесено было от меня Всемилодливейшей нашей Государыне о находящейся здесь греческой школе, не угодно ли будет оную перевезть в Россию? На что я в ответе получил через Его Превосходительство Сергея Матвеевича Козмино, чтобы оных греческих мальчиков препоручить Вам по привозе их в Россию; и как теперь уже отправлены на эскадре господина контр-адмирала Базбаля числом 80, да еще на английском нанятом транспортном судне числом 22, а кто они таковые именами при сем прилагаю им список; а достальные мальчики до ста отправлены будут на последней эскадре, под командованием Его Превосходительства господина Вице Адмирала и Кавалера Елманова. Я не мало не сомневаюсь, что Ваше Превосходительство уже надлежащие меры к учреждению оной школы приняли, и оные привезенные школьники и на первый случай не потерпят никакого недостатка, равно и находящиеся здесь зрители которые за оными отправлены будут сухим путем».² Есть сведения, что в октябре 1775 г. на Кронштадтском рейде встали линейные корабли «Победоносец», «Европа», «Чесма», «Победа» и фрегат «Надежда». С этой эскадрой прибыла последняя партия греческих школьников-мальчиков с четырьмя учителями — всего 67 человек.³

Тем временем в России подыскивали помещение для греческой школы вблизи от столицы: 26 апреля 1774 г. М. И. Мордвинов получил высшее повеление устроить в Ораниенбауме помещение для школы греческих мальчиков на 200 человек.⁴ Однако устройство школы в Ораниенбауме не состоялось, а 7 января 1775 г. было повелено поместить эту школу в Петербурге рядом с Артиллерийским и инженерным кадетским корпусом. Указ об этом гласил: «...минувшего году ноября от 19 числа поручили Мы вам осмотреть Ораниенбаумские казенные строения — удобны ли они для учинения там училища отправляемым из Архипелага греческим мальчикам, но усмотря из рапорта вашего некоторые в том неудобства, поручаем вам же построить для них деревянный дом на пустом

² Жерве Н. П., Строев В. Н. Исторический очерк 2-го Кадетского корпуса, с. 59.

³ ЦГАВМФ СССР, ф. 212, оп. 4, 1775 г., д. 78, л. 71.

⁴ ЛО АНН, фонд акад. Н. Ф. Дубровина, д. 179, л. 1.

против Артиллерийского кадетского корпуса месте, на что и приказали отпустить вам из Кабинета 20 тысяч рублей».⁵

План построек Корпуса чужестранных единоверцев дают авторы книги «Исторический очерк 2-го Кадетского корпуса».⁶ В описи 1783 г., хранящейся в ЦГАВМФ, приводятся сведения о зданиях, занимаемых Корпусом чужестранных единоверцев.⁷ По данным «Описи состоящим при гимназии наземным строениям», Корпус занимал обширную территорию на набережной реки Петровки с несколькими домами, избами, лавками, баней и пристанью. Все это были деревянные строения, которые до настоящего времени не сохранились.

Гимназия чужестранных единоверцев, или, как впоследствии она стала называться, Корпус чужестранных единоверцев, начала свое существование законодательным актом от 17 апреля 1775 г.⁸ В нем подробно изложены цели этого учебного заведения. Вновь учреждаемый корпус представлял собой закрытое специальное военно-учебное заведение, в котором готовились кадры для армии, флота и штатской службы. В законодательном акте давалось пояснение к названию корпуса и к составу учащихся: «...чтоб не только те, которые по случаю бывшей Турецкой войны нам доброхотствовали, но и все единоверцы наши к воспитанию детей способные лишены могли получать всегда надежное от России покровительство... а училище... получает свое название „Гимназия для чужестранных единоверцев“».⁹ Таким образом, в названии подчеркнут основной принцип приема в это учебное заведение, а именно принимались лишь лица православного вероисповедания: «В сию Гимназию принимать таких детей, которые пристойны к учению будут будут лета, т. е. от 12 до 16, не уважая сего, хотя бы они были не из Дворян, но только б происхождение имели от честных родителей и вольные, и для того каждому из объявленных детей иметь должно от достоверных людей подписанный аттестат, в котором бы отечество, родители и лета были показаны, с таким аттестатом могут они явиться в Италии, Польше и в Вене у Резидентов наших, которые и отправят их на казенный кошт в С. Петербург».¹⁰

Интересен учебный план, изложенный в том же законодательном акте от 17 апреля 1775 г. По этому плану предполагалось широкое обучение гуманитарным и естественным нау-

⁵ Жерве Н. П., Строев В. Н. Исторический очерк 2-го Кадетского корпуса, с. 56.

⁶ Там же, с. 108—109.

⁷ ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 8, 1783 г., д. 1, л. 3—4 об.

⁸ ПСЗ, т. 20, № 14299, с. 120—124.

⁹ Там же, с. 120.

¹⁰ Там же, с. 121.

кам, а также изучение многих языков: русского, немецкого, французского, итальянского, греческого и турецкого. Одновременно изучалось не более двух языков, «дабы множеством чужестранных слов не затмить понятие, а тем не отнять способности к изучению других наук». ¹¹ Учебный план предусматривал обучение музыке, танцам и фехтованию. Курс обучения был рассчитан на четыре года. В том же документе особо отмечалось значение инспектора, «который бы не только что в науках и разных языках имел довольное знание, но и служил бы всегда примером в поведении своим подчиненным». В подчинении инспектора находились учителя, к которым предъявлялись высокие требования: «Учителей в сию Гимназию без строгого экзамена принимать отнюдь не должно». В процессе обучения предполагалось учитывать не только профессиональные качества преподавателей, но и их человеческие свойства: «...свирепость, вспыльчивость и досадительские учительские слова затмевают в детях понятия». Учителя должны были жить и питаться вместе со своими питомцами, «дабы везде и во всем они потребным наставлением от учителей пользоваться могли». ¹² В качестве «побуждения к учению» предполагалась система различных поощрений. Торжественно должны были проходить выпускные экзамены. Определена была форма одежды учеников, «вседневная и парадная». На 200 человек учеников полагалось 12 унтер-офицеров, 25 учителей и до 90 нижних служителей. «На содержание пищею за общим столом» каждому питомцу полагалось 12 копеек в день, а в год — 43 р. 80 к. «К содержанию классов на покупку книг и прочих припасов» определялось 800 рублей в год. В именном указе от 17 апреля 1775 г. определялась ежегодная сумма на содержание «Гимназии для Греческого юношества» — 41 613 р. 30 к. ¹³

Первоначально все-таки не ясна была ориентация учебного заведения, так как предполагалось, что окончившие корпус кадеты должны были отсылаться для дальнейшей специализации в Артиллерийский и инженерный и Морской кадетские корпуса; те же, кто имел склонность к штатской службе, могли быть приняты на службу в качестве переводчиков. «Имеющих особливую склонность и природную остроту отсылать в Академию наук, где их включая студентами учить, содержать и распределять к должностям на одном с природными Российскими основаниями». ¹⁴ В императорском указе от 1 января 1779 г. уже более четко сформулирована профессиональная направленность этого учебного заведения: «... обучать их кадетов при сем учи-

¹¹ ПСЗ, т. 20, № 14299, с. 122.

¹² Там же.

¹³ Там же, № 14300, с. 124.

¹⁴ Там же, с. 122.

лице и касающимся и до военного искусства наукам, не отсылая в кадетские корпуса».¹⁵

Благодаря широкой программе обучения, объем знаний окончивших Корпус чужестранных единоверцев был весьма значительным. Вот как, например, выглядел аттестат Спиридона Дранчева, окончившего корпус с золотой медалью в 1790 г.: «Арифметику, теоретическую геометрию, навигацию и потребную часть для оной астрономии; регулярную и полевую фортификацию; алгебру до уравнений четвертой степени окончил. Историю и географию выслушал в физическом классе, оказал похвальные успехи, обучался еллиногречески, французскому и российскому языкам с успехом. Рисует красками, танцует и фехтует. В навигационном, алгебраическом, арифметическом, физическом и французском классе первый».¹⁶

Выпускники получали дворянское звание и направлялись на военную службу в чине прапорщика или подпоручика. Ежегодно русская армия и флот пополнялись примерно 40 кадетами, при этом они должны были давать расписки в том, что по окончании службы останутся в российском подданстве:¹⁷ дворянские привилегии и высокий уровень образования снижали Корпусу чужестранных единоверцев известность за пределами России.

Аттестаты, которые представлялись детьми при поступлении в корпус, свидетельствуют о тех странах, уроженцами которых они были. Дети прибывали из Тавриды, с Кавказа, с островов Архипелага, из Турции, Болгарии и Сербии.¹⁸ Со временем Корпус стал пользоваться признанием и в Петербурге. Как сообщает И. Г. Георги в «Описании столичного города Санкт-Петербурга», «сие училище по хорошему в оном распоряжении и присмотру за воспитанниками, и учением, имеет в Обществе доверенность, ибо многие из дворян отдают сюда детей своих пенсионерами, которые за вносимые ими деньги содержатся и обучаются равно с воспитанниками».¹⁹

С историей Корпуса чужестранных единоверцев связана деятельность таких крупных представителей науки и культуры России XVIII в., как С. Я. Румовский, Я. П. Козельский, А. И. Мусин—Пушкин.

Академик Степан Яковлевич Румовский (1734—1812) заведовал учебной частью корпуса с 1776 по 1783 г. Энциклопедически образованный человек, астроном, математик, физик, гео-

¹⁵ ПСЗ, т. 20, № 14830, с. 781.

¹⁶ ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 8, 1790 г., д. 12, л. 264.

¹⁷ Там же, 1784 г., д. 3, л. 120 об.

¹⁸ Там же, л. 1—20.

¹⁹ Георги И. Г. Описание столичного города Санкт-Петербурга. СПб., 1794, с. 387.

граф, историк и филолог, он несомненно оказал благотворное влияние на правильную организацию учебного процесса в Корпусе чужестранных единоверцев. В речи, произнесенной в первом собрании, бывшем в Гимназии чужестранных единоверцев 15 марта 1777 г., С. Я. Румовский изложил программу учебного заведения, связав ее с общим направлением развития просвещения в России: «... науки со временем из России придут в Грецию, древнее их обиталище».²⁰

С 1791 по 1793 г. в качестве инспектора по классам Корпуса чужестранных единоверцев служил Яков Павлович Козельский (1726—1794). Философ-просветитель, мыслитель-демократ, писатель и переводчик, Я. П. Козельский деятельно выполнял разнообразные обязанности по организации учебного процесса в Корпусе чужестранных единоверцев. В архиве хранятся документы — его «рапорты с приложенными списками в чем кто успел», рапорты о переводе «из нижнего в верхние классы», рапорты о покупке в классы книг, логарифмов, приборов.²¹ В 1793 г., за год до своей смерти, Я. П. Козельский по состоянию здоровья вынужден был оставить службу в Корпусе. С 1790 по 1796 г. директором Корпуса чужестранных единоверцев был Алексей Иванович Мусин-Пушкин (1741—1817), впоследствии президент Академии художеств и обер-прокурор Сената. С его деятельностью в Корпусе чужестранных единоверцев связано такое важное событие, как учреждение при Корпусе типографии.

Корпус чужестранных единоверцев обладал библиотекой, состоящей из книг, предназначенных для обучения учащихся. Ассигнования на пополнение библиотеки были довольно значительными. На основе изучения описей библиотеки можно видеть быстрый рост ее книжного фонда. Приобретались книги специально для каждого класса, которые делились на «верхние» и «нижние». Книги хранились в шкафах под замками. Учителя должны были давать хранителю библиотеки расписки в получении книг. Отпускались постоянно средства на переплетение книг, чаще всего эти работы выполнял «переплетных дел мастер Рихтер».

Долгое время библиотекой заведовал Никита Рожешников (р. 1752). Интересен его послужной список: «из учительских детей, определен в 1762 году учеником в Московский университет, в 1774 г. определен в Горное училище. В 1777 г. отправлен был для усовершенствования в горных науках в чужие края и находился в Саксонии, Верхнем и Нижнем Гарце, Мо-

²⁰ Речь, говоренная при первом собрании, бывшем в гимназии чужестранных единоверцев, 1777 г. — Новые ежемесячные сочинения, 1787, окт., ч. 17, с. 90.

²¹ ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 8, 1791 г., д. 15, л. 13 об., 278, 330—334.

равии, Австрии, Венгрии, Трансильвании, Штирии, Зальцбургском княжестве. В 1783 г. определен капитаном в Корпус чужестранных единоверцев». В графе, какими науками владеет, указано: «знает смешанную и чистую математику, минералогию и физику, мегаллургию, по немецки, французски и латыни, в учительской должности при обучении физического класса на учительском жаловании».²² Под его «смотрением» находилась и библиотека с 1784 по 1796 г. Первая опись библиотеки была составлена в 1784 г. по императорскому указу: «из канцелярии артиллерийского инженерного шляхетного кадетского корпуса... имеющиеся в классах для обучения чужестранных единоверцев и в библиотеке книги, разные инструменты и прочие вещи внести в ведомость за шнуром и печатью».²³

Первая опись библиотеки имела название: «Ведомость для записи в гимназическую библиотеку в книгу имеющуюся при классах и особо хранящихся учебных и прочих книг, ландкарт, рисунков, инструментов и прочих вещей, которые по последнему сего 1783 года свидетельству оказались впредь по употреблению годны».²⁴ Каждое наименование книги имеет порядковый номер, указывается автор (там, где известен), количество экземпляров, имеющихся в библиотеке, наличие и качество переплета («худой», «хилый», «кожаный»). Всего в описи значится 93 наименования книг и рисунков, количество экземпляров книг равно 875 единицам. Все названия в описи приводятся на русском языке. Опись представляет единый список, без всякого подразделения на какие-либо рубрики. Тем не менее по заглавиям значащихся в описи книг можно выявить несколько систематических разделов.

Двенадцать первых наименований — это 28 книг на восточных языках. Здесь представлены турецкие, арабские и персидские грамматики, а также книги по истории стран Востока, Особую ценность представляет «Лексикон менинского автора называемой Сокровище ориентальных языков в кожаном переплете состоящий в пяти томах». Целенаправленность подбора такого рода литературы очевидна.

Самый объемный раздел библиотеки — это учебная литература на европейских языках. Очень полно представлены книги на греческом языке. Под порядковыми номерами от 13-го до 36-го значатся 182 экземпляра книг, среди них 8 различного рода грамматик и 45 греческих азбук. Кроме того, здесь имеются «Книга жития Петра Великого на греческом языке, че-

²² ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 8, 1796 г., д. 37, л. 54—55; там же, 1790 г., д. 12, л. 639 об. — 640.

²³ Там же, 1784 г., д. 3, л. 188.

²⁴ Там же, л. 189—193.

тыре тома»,²⁵ «Ролленевых книг на греческом языке, 11 томов»,²⁶ «Нравоучительная философия на греческом языке» и «История Византийская» — по 6 экз.²⁷

Религиозная литература занимает весьма скромное место: «Ветхий и Новый завет на греческом языке, один экземпляр», «Теорий христианских, четыре», «Книга, содержащая разные церковные молитвы на греческом языке, одна».

Много словарей на итальянском, французском, немецком и латинском языках. Очень много итальянских азбук — 244 экз., а учебники русского языка представлены только «Грамматикой» Ломоносова в количестве 10 экз.

Раздел, посвященный математическим наукам, состоит из «Арифметики» Козельского в количестве 30 экз., «Эвклидовых элементов, 30 экземпляров», «Алгебры соч. Эйлера 1-го и 2-го тома, каждого по 29 экз., всего 58 экз. Книг, посвященных военным наукам, всего две — «Основание фортификации, три экземпляра» и «Полевого инженера, три экземпляра».

Таким образом, данные первой дошедшей до нас описи подтверждают высказанное ранее мнение, что библиотека Корпуса чужестранных единоверцев комплектовалась учебной литературой в основном гуманитарного профиля.

Следующая опись, составленная в 1787 г., показывает большой рост книжного фонда библиотеки Корпуса чужестранных единоверцев.²⁸ Опись, к сожалению, также не имеет систематических разделов. В ней значатся лишь рубрики: «Книги в переплете на французском», «на российском языке», «без переплета на немецком, французском, итальянском и греческом языках разных книг и для музыкантов нот».

Судя по названию книг, за время, прошедшее после составления первой описи, в библиотеке вырос фонд литературы по естественным наукам. Об этом говорит наличие трактатов Миллера, Шапаля, Делагейта, таких книг, как «Уроки дифференциального изчисления», «Экспериментальная физика» Эйлера (первого тома имелось 952 экз., второго — 1005 экз., третьего — 552 экз.).

²⁵ Катифоро А. Житие Петра Великого императора и самодержца всероссийского, отца отечества, собранное из разных книг, во Франции и Голландии изданных и напечатанное в Венеции, Медиолане и Неаполе на диалекте италианском, а потом и на греческом: с коего на российский язык перевел статский советник Стефан Писарев. СПб., 1772.

²⁶ Роллень Ш. Древняя история об египтянах, о карфагенянах, о мидянах, персах, о македонянах и о греках. Сочиненная чрез г. Ролленя бывшего ректора Парижского университета, профессора элоквенции и прочая. А ныне с французского переведенная чрез Василия Тредиаковского профессора элоквенции и члена Санкт-Петербургской Академии наук. СПб., 1749—1769. Т. 1—10.

²⁷ Дать полное описание этих изданий не представляется возможным.

²⁸ ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 8, 1787 г., д. 7, л. 153—159.

Увеличился раздел истории, географии и философии. Среди книг «в переплете на французском языке» значится 39 томов «французской энциклопедии в $1\frac{1}{2}$ листа».

Раздел русской литературы был представлен многочисленными изданиями, выходящими в то время в России. В том числе: «Зритель мира и деяний человеческих»²⁹ — 50 экз., «Ежемесячные сочинения» — 20 томов.³⁰

По описи 1787 г. в библиотеке Корпуса чужестранных единоверцев было 3455 экз. книг.

После смерти Екатерины II Корпус чужестранных единоверцев был расформирован. Павел I, как известно, отказался от многого, что было начато при Екатерине II. Указ о расформировании Корпуса последовал 8 декабря 1796 г., ровно через месяц после вступления на престол Павла I.

Последняя опись библиотеки была составлена 31 декабря 1796 г. и носила название «Передача из Корпуса чужестранных единоверцев библиотеки и физических и математических инструментов в Академию художеств». По этой описи значится 2206 экз. книг. Однако в Академию художеств было принято всего 367 наименований книг, из них 126 на русском языке.³¹

Имеется также «Ведомость о пришедших в совершенную ветхость и к употреблению негодных, а также растерянных кадетами книгах».³² По этой ведомости списана 2341 книга. За годы существования Корпуса возникла традиция награждения лучших учеников книгами. По «Ведомости...» розданными кадетам в награждение значились 2425 экз. «Уроков экспериментальной физики».

Типография Корпуса чужестранных единоверцев, как упоминалось выше, начала функционировать во время директорства А. И. Мусина-Пушкина. Надо отметить, что типография была не вновь создана, а переведена в Корпус из Горного училища. Типография Горного училища была основана в 1774 г. на пожертвования, сделанные Демидовым и купцом Шульгиным. Первый пожертвовал 1000 рублей на покупку типографии литер, а второй — на изготовление двух типографских станков.³³ Типография Горного училища давала продукцию высокого качества. Так, в 1789 г. было издано либретто оперы Екатерины II «Февей». Это один из первых опытов одновременной

²⁹ Зритель мира и деяний человеческих. Перевел с английского Лука Сичкарев. СПб., 1784.

³⁰ Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1755—1765.

³¹ ЦГИА СССР, ф. 789, оп. 1, ч. 1, 1797 г., д. 1279, л. 4, 7.

³² ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 8, 1796 г., д. 40, л. 11.

³³ Лоранский А. Исторический очерк Горного института. СПб., 1879, с. 22—25.

публикации либретто и нотного текста с заставками, выполненными Н. А. Львовым. Изданное же в 1791 г. в типографии Горного училища либретто оперы «Начальное управление Олега» является уже образцом русского типографского искусства.³⁴ «Сводный каталог русской гражданской печати XVIII века» указывает на 33 наименования книг, выпущенных в этой типографии. Годы работы типографии, по «Сводному каталогу...», — 1793—1796.³⁵

Нам удалось разыскать издание, не учтенное в «Сводном каталоге...», где на титульном листе значится год издания 1791. Эту же дату как год передачи типографии из Горного училища в Корпус чужестранных единоверцев указывает и А. Лоранский в «Историческом очерке Горного института».³⁶ Издание, не учтенное в «Сводном каталоге...», имеет название «Новая Российская Азбука в Санктпетербурге написана и гравирована для обучения воспитанников Гимназии Чужестранных единоверцев по повелению Его Светлости, оной гимназии учителем Ефимом Худяковым 1791 года. Типография Корпуса Чужестранных Единоверцев». Издание хранится в отделе редкой книги БАН СССР (шифр $\frac{1791}{1}$).

Интересен послужной список автора «Новой российской азбуки». Ефим Худяков — выходец «из солдатских детей». В 1763 г. он был определен в Императорскую Академию наук гимназистом. В 1782 г. Худяков был направлен сержантом в Корпус чужестранных единоверцев, а в 1795 г. получил чин штык-юнкера. Из послужного списка: «Знает арифметику, геометрию и артиллерийскую науку, по немецки и по французски, географию и историю. Состоит в корпусе в должности учителя при обучении классов 1-го нижнего немецкого, 2-го чистописания на учительском жаловании».³⁷

«Новая российская азбука» Ефима Худякова была не обычным вариантом подобных изданий, вышедших в то время в России. Обращает на себя внимание довольно широкое и разнообразное содержание «Азбуки». Автор показывает «вензловые» и «прописные» буквы, объясняет происхождение и правописание строчных букв, происхождение арабских и римских чисел, склады (слоги), происхождение и правописание прописных букв. Далее идут тексты типа: «У Диогена некто спросил:

³⁴ Самсонова Т. П. Оперные либретто в собрании БАН СССР. — В кн.: Книги и типографии в России в XVIII — первой половине XIX в. Л., 1982, с. 68—81.

³⁵ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725—1800. М., 1967, т. 5, с. 282.

³⁶ Лоранский А. Исторический очерк Горного института, с. 23.

³⁷ ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 8, 1796 г., д. 34, л. 17 об.—18.

как отомстить тому, кто его злословил? Диоген в ответ сказал: не твори худо, злословника лжецом сотворишь»; «Законы можно назвать способами, коими люди соединяются и сохраняются в обществе, и без которых бы общество разрушилось».³⁸ Далее в «Азбуке» даются алфавиты английский, немецкий, французский и небольшие тексты на этих языках для сравнительного анализа. «Азбука» была написана Ефимом Худяковым для учащихся Корпуса чужестранных единоверцев, где, по-видимому, была в постоянном обиходе, так как в «Ведомости о пришедших в совершенную ветхость и к употреблению негодных, а так же потерянных кадетами книгах» значится 65 «Азбук» Худякова.³⁹ Необходимо отметить высокое качество исполнения этого издания. Каждый лист гравирован изящными росчерками, не повторяющими друг друга. «Азбука» имеет 29 страниц альбомного формата (20x29), переплет позднего времени, картонный.

Издания типографии Корпуса чужестранных единоверцев, несмотря на свою немногочисленность, разнообразны и не потеряли историко-культурной ценности. Это публикации летописей, трудов по истории, географии, философии, математике, «песни» и «слова» по разным случаям. Хочется особо отметить публикацию «Духовной великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим названная в летописи Суздальской поученье» (СПб., 1793), которая явилась первой печатной публикацией памятника, осуществленной А. И. Мусиным-Пушкиным. Большой интерес представляет предисловие А. И. Мусина-Пушкина, где он выступает как знаток русской истории.

В Библиотеке АН СССР имеется конволют «Сборник российских древностей графа Мусина-Пушкина», где переплетены в один сборник «Правда русская», «Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославовича» и «Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжества», также изданные в типографии Корпуса чужестранных единоверцев.

Нельзя не отметить среди изданий этой типографии две печатные работы Н. А. Львова, замечательного деятеля русской культуры XVIII в. Это стихотворный перевод Анакреона,⁴⁰ выполненный Н. А. Львовым при ближайшем участии архиепископа Евгения, которым был подготовлен подстрочный перевод к этому изданию. Любопытно одно из примечаний Н. А. Львова: «Переводить и печатать начал я по милости новых литер

³⁸ Новая российская азбука... Ефима Худякова. СПб., 1791, с. 12, 13.

³⁹ ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 8, 1796 г., д. 40, л. 11.

⁴⁰ Стихотворения Анакреона Тийского. СПб., 1794. Т. 1—3.

от Дидота привезенных»,⁴¹ в нем упоминается новинка того времени — шрифты известной парижской фирмы Дидо, которые славились красотой, изяществом и чистотой исполнения. Действительно, издание, в котором текст набран параллельно греческим и русским шрифтами, поражает высоким профессионализмом исполнения.

В типографии Корпуса чужестранных единоверцев была напечатана еще одна работа Н. А. Львова: «Русская Пиростатика, или употребление испытанных уже воздушных печей и каминов, посредством коих: 1°. Нагревается комната наружным воздухом. 2°. Соблюдаются дрова. 3°. Премаляется в покоях вредный воздух на свежей, но теплой. 4°. Отвращается дым и, наконец, 5°. Доставляются разные удобства к удовольствию жизни и здоровья служащие. Ч. 1. СПб., 1795». Это серьезный труд, в котором Н. А. Львов критикует принятые в русском обиходе печи и предлагает новые. Книга снабжена многочисленными чертежами, им же гравированными. В истории развития русских отопительно-вентиляционных устройств работа Н. А. Львова сыграла большую роль.

Отметим еще издания, которые хранятся только в Библиотеке АН СССР. Одно из них — «Учреждение корпуса чужестранных единоверцев бывшего прежде под названием гимназии. СПб., тип. онаго ж Корпуса, 1793». Здесь собраны все правительственные указы, касающиеся Корпуса чужестранных единоверцев. Напечатаны они красивым крупным шрифтом. Книга в хорошем состоянии, в переплете XVIII в.

В «Описании чрезвычайного собрания Императорской Академии Художеств, последовавшего сего 1794 года марта в 11 день. СПб., тип. Корпуса Чужестранных Единоверцев, 1794» мы находим одну важную деталь из жизни русского композитора Петра Скокова, который в ту пору только что вернулся из Неаполя: «В заключение же всего пет с инструментальною музыкою сочинения бывшего сея Академии воспитанника г. Скокова следующего содержания хор...».⁴² Небольшой факт из биографии композитора, о котором до настоящего времени сохранилось мало сведений.

В небольшой статье охарактеризовать каждое издание типографии не представляется возможным. В целом можно отметить чистоту и красоту шрифта, хорошее качество бумаги. В изданиях мало опечаток, там, где они есть, имеются специальные указания. К сожалению, данные о тиражах отсутствуют почти везде. Кроме, пожалуй, сочинения Г. Р. Державина

⁴¹ Стихотворения Анакреона Тийского, т. 1, с. XIX.

⁴² Описание чрезвычайного собрания Императорской Академии художеств, последовавшего сего 1794 года марта в 11 день. СПб., 1794, с. 9.

«Песнь е. и. в. Екатерине II на победы графа Суворова-Рымниковского 1794 года», которое вышло тиражом 3000 экземпляров, но по распоряжению Екатерины II в продажу при ее жизни не поступало.⁴³

Трудно переоценить роль изданий Корпуса чужестранных единоверцев в жизни русского общества XVIII в., их значение выходит далеко за пределы чисто технических достижений. После расформирования Корпуса типография его была передана Синодальной типографии.

В «Сводном каталоге русской книги XVIII века» не отмечены издания типографии Корпуса чужестранных единоверцев, имеющиеся в библиотеке Государственного Эрмитажа. Приводим список этих изданий:

1. Мусин-Пушкин А. И. Историческое исследование о местоположении древняго российского Тмутараканскаго княжества. СПб., 1794.

2. Владимир Мономах, духовная. СПб., 1793.

3. Слово в высокаторжественный день коронации е.и.в., Екатерины II, говоренное в Большой придворной церкви при высочайшем присутствии ея императорского величества и их императорских высочеств, синодальным членом, Амвросием, архиепископом Казанским, сентября 22 дня, 1796. СПб., 1796.

4. Карабанов Петр. Песнь в воспоминания 10 дня июля 1783 года, в который вся область Крымская без брани покоренная принесла торжественную присягу в своем верноподданстве ея императорскому величеству Екатерине Великой. СПб., 1795.

5. Суворов П. И. Слово на всерадостное торжество мира между Росийскою империею и Оттоманскою портою сентября 2 дня 1793 года. Сказанное в Морском шляхетном кадетском корпусе в Кронштате, онаго ж Корпуса инспекторским помощником П. Суворовым. СПб., 1794.

6. Подражание Шекспиру, историческое представление без сохранения феатральных обыкновенных правил из жизни Рюрика. СПб., 1793 г.

⁴³ Сводный каталог русской книги XVIII в. М., 1967, т. 1, № 1792, с. 281.

О. Е. Глаголева

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Административные реформы правительства Екатерины II 1770—1780 гг. привели к созданию благоприятных условий для развития культуры в русской провинции. Оживление культурной жизни в последней четверти XVIII в. имело место и в Тульской губернии. Это выразилось, в частности, в зарождении книжной торговли.

Зачинателем книжной торговли в русской провинции, в том числе и в Тульской губернии, был неутомимый российский просветитель Н. И. Новиков. Стремясь распространить книгу в самых широких слоях населения, Н. И. Новиков находил комиссионеров по продаже своих изданий во всех уголках России. Нашлись такие энтузиасты и в Тульской губернии. В 1777 г. Новиков начал издавать с благотворительной целью журнал «Утренний свет», доход с которого шел на содержание двух петербургских училищ. Немало желающих подписаться на журнал оказалось и в Тульской губернии. Среди них были епифанские купцы Иван Егорович и Федор Иванович Бородины,¹ подписавшиеся во второй год издания журнала каждый на один экземпляр, причем Федор Иванович пожелал заплатить за годовую подписку 8 рублей, что в два раза превышало цену, назначенную Новиковым для иногородних получателей.

В том же 1778 г. Новиков сообщал в своем журнале о «светских особах», которые, «побуждаясь человеколюбием и состраданием к бедным, приняли также на себя труд подкрепить наше намерение и спомоществовать оному», и рекомендовал адресоваться для приобретения журнала непосредственно к ним. Среди своих комиссионеров Новиков назвал епифанского купца И. Е. Бородина.²

¹ Утренний свет, 1778, ч. 2, апр., с. 111.

² Утренний свет, 1778, ч. 3, авг., с. 391—392.

В Туле действовал другой распространитель новиковского журнала «Утренний свет» — Василий Александрович Небольсин, статский советник и губернский прокурор. Его старанием в 1780 г. на журнал подписалось 28 человек.³

Не только «Утренний свет», но и другие издания Новикова имели спрос в Тульской губернии. Некоторое время агентом Новикова был «богородицкий управитель» А. Т. Болотов. Андрей Тимофеевич Болотов в течение многих лет был близким другом и соратником Н. И. Новикова. Более десяти лет они совместно издавали журнал «Экономический магазин», ставший на целое столетие своеобразной энциклопедией для сельских хозяев.

Не разделяя масонских убеждений Новикова, Болотов тем не менее горячо взялся за распространение изданий его типографии. Так, первого июня 1781 г. Новиков прислал Болотову первую партию книг на тысячу рублей для продажи в Туле и Богородицке. В феврале 1782 г. Новиков снова прислал книги для продажи, то же самое сделал он и в 1783 г.⁴

Болотов сам распространял эти книги в Богородицке, возил их на лебедянскую ярмарку, нашел комиссионера в Туле. В «Росписи Университетской книжной лавки» Н. Новикова фиксируется продажа книг в Богородицке в 1782—1785 гг.⁵ Однако, несмотря на то, что Болотов «старался сколько мог услужить ему (Новикову. — О. Г.) в этом пункте... но по недостатку любопытных, не было дальнего в сем деле успеха...».⁶

По просьбе Новикова «приискать кого-нибудь из тамошних жителей» в Туле для продажи книг Болотов рекомендовал ему тульского купца И. Т. Неврева.⁷ В 1781 г. газета «Московские ведомости» поместила известие о том, что «в городе Туле в лавке у купца Ивана Тимофеевича сына Неврева, сидящего в Красном ряду, имеются разные Российских новейших изданий книги, желающия оныя покупать, могут получить от него их в переплете за такуюж точно цену, по какой они продаются в самой Москве и в Санкт-Петербурге».⁸ Неврев торговал изданиями Академии наук и Н. И. Новикова в течение 1781—1785 гг.⁹

³ Утренний свет, 1780, ч. 9, с. VI.

⁴ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для потомков. СПб., 1872, т. 3, стб. 954, 1029, 1112.

⁵ Новиковские росписи 1782—1785 гг. — В кн.: Ульяновский Д. В. Среда книг и их друзей. М., 1903, с. 114—117.

⁶ Болотов А. Т. Жизнь и приключения..., т. 3, стб. 954.

⁷ Там же, стб. 949, 952.

⁸ Моск. ведомости, 1781, № 88, 3 нояб., с. 704.

⁹ Мартынов И. Ф. Книга в русской провинции 1760—1790 гг.: За-рождение провинц. кн. торговли. — В кн.: Книга в России до середины XIX в. Л., 1978, с. 121.

К 1787 г. относятся сведения о тульском книгопродавце мещанине Иване Агапове.¹⁰

В 1790-х гг. в Туле книготорговлей занимался штаб-лекарь Андрей Данилович Риккер, человек весьма предприимчивый. Его отец Д. Д. Риккер в 1732 г. выехал из Пруссии и был в течение 35 лет на русской службе дивизионным штаб-лекарем. Сам Андрей Риккер, родившийся в России в 1749 г., с 1770 г. служил лекарем, а затем «за усердную службу и полученные на баталиях раны» в 1782 г. был произведен в штаб-лекари и в 1795 г. награжден чином коллежского асессора с получением дворянского достоинства.¹¹

Одно время он служил лекарем в Крапивне Тульской губернии, был «довольно славен своим искусством», затем перевелся в Тулу, где, продолжая заниматься лечением, нашел многочисленные способы увеличить свое состояние: стал покупать и продавать рекрутов, занялся перепродажей деревень, перевозил провиант из Богородицка в Москву, был «сущим прово-ром! и прославился тем».¹² Человек достаточно образованный Риккер занялся и книжной торговлей. В 1791 г. «Московские ведомости» сообщали, что «в губернском городе Туле открыта вновь книжная продажа в Новом каменном корпусе против лавки купца А. Красноглазова, где можно видеть и получать печатные каталоги книг. В оном же городе принимается пренумерация и на все от Университетской Типографии выдаваемые по подписке книги и периодические издания. Особы, желающие получать оныя, да благоволят вносить деньги к г. Штаб-Лекарю Андрею Даниловичу Риккеру, от котораго и билеты в прием денег даваны будут».¹³ Насколько успешно шла его книжная торговля, пока неизвестно, однако можно предположить, что в Туле Андрей Риккер торговал книгами до 1804 г., переехав затем в Тамбов, где также служил по врачебной части и получил чин надворного советника.¹⁴

В 1791 г. в Туле имелась одна из книжных лавок путивль-ского мещанина Петра Егоровича Котельникова, организовавшего в 1780—1790-х гг. активную торговлю книгами в ряде городов средней России.¹⁵ К 1796 г. относится попытка распро-

¹⁰ Мартынов И. Ф. Книга в русской провинции..., с. 121.

¹¹ Государственный архив Тульской области (далее в прим. — ГАТО), ф. 39, оп. 2, д. 1918 «О дворянстве штаб-лекаря Риккера. 1794—1843 гг.».

¹² Болотов А. Т. Памятник протекших времен или краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах. М., 1875, ч. 1—2, с. 45.

¹³ Моск. ведомости, 1791, № 25, 26 марта, с. 435.

¹⁴ ГАТО, ф. 39, оп. 2, д. 1919 «О дворянстве рода коллежского асессора Риккера Андрея. 1804—1844 гг.».

¹⁵ Семенников В. П. Литературная и книгопечатная деятельность в конце XVIII и начале XIX в.: Общий очерк типограф. деятельности с 1765 по 1807 г. — Рус. библиофил, 1911, № 6, с. 30 (прим. 1).

странять книги в Тульской губернии купца Селивановского и почтамтского секретаря Л. Я. Яковлева. А. Т. Болотов писал об этом в записках «Памятник протекших времен» следующее: «Секретарь почтамтский, Лукьян Яковлевич Яковлев, титулярный советник, предлагает пересылку книг. Дело важное; многие тем довольны; хочет все книги ко всем пересылать, и за 200 верст — даром, а более — по 10-ти копеек с рубля; далее 700 — по 20-ти копеек; далее 1200 — по 30-ти копеек с рубля. Возыметь может полезныя действия». И далее: «Селивановский, купец и типографщик, вместе с Яковлевым, почтамтским секретарем, заводят рассылочную по почте продажу книг; и он собственно, а не Яковлев, производит это дело».¹⁶

Как видно из приведенных выше материалов, в последней четверти XVIII в. в Тульской губернии предпринимались многочисленные попытки организовать книжную торговлю. Но при не слишком высоком культурном уровне провинциальных жителей того времени эти попытки не имели сколько-нибудь серьезного успеха. Книжные лавки возникали и закрывались, комиссионеры столичных книгопродавцев вынуждены были констатировать неудачу сего предприятия.

Все же пусть медленно и с большими трудностями, но книжная торговля в последней четверти XVIII в. постепенно развивалась, что дало основу для создания в первой половине XIX в. в Туле постоянно действующих книжных лавок, пользующихся широким успехом у населения, подготовило почву для появления настоящих подвижников книгораспространения. Для этих людей книжная торговля была не средством побочного заработка, а основным делом всей их жизни.

В 1810-е гг. книжной торговлей в провинции занялись петербургские и московские книготорговцы И. и М. Глазуновы. Они создали ряд книготорговых точек в различных городах России. Так, например, в Туле в 1811—1814 гг. действовали их комиссионеры Андрей и Антон Красильниковы.¹⁷ В 1815 г. здесь продавались книги московского книгопродавца Якова Немова.¹⁸

Вероятно, через столичных книготорговцев попадали в Тулу и запрещенные цензурой книги. В 1811 г. по указу Алек-

¹⁶ Болотов А. Т. Памятник протекших времен..., с. 9, № 33; с. 14, № 49.

¹⁷ Санктпетербургские ведомости, 1811, № 12. Объявления, с. 4; Реестр российским книгам, продающимся в Москве у книгопродавцев Матвея и Ивана Глазуновых... М.: Университетская типография, 1811, 1812; то же. М.: Губернская типография А. Решетникова, 1814; то же. СПб.: Типография Императорского театра, 1814.

¹⁸ Реестр российским книгам, ландкартам, планам, эстампам, портретам и нотам, продающимся в Москве у книгопродавца Якова Немова... М.: Тип. П. С. Всеволожского, 1815.

сандра I проводилась конфискация крамольной книги «Ложный Петр III».¹⁹ Тульский полицмейстер представил рапорт о том, что в книжных лавках «осмотр учинен и по осмотру... найдено у тульских купцов Ивана Титова и Андрея Красильникова... четыре книги „Ложный Петр III...“».²⁰

Видимо, к этим годам относится начало просветительной деятельности целой семьи тульских книготорговцев Титовых. И. Е. Афремов, выпустивший в свет в 1850 г. свое «Историческое обозрение Тульской губернии», отмечал 35-летнюю деятельность Ивана и Степана Ивановичей Титовых.²¹ Кроме этого, надо отметить еще и Николая Ивановича Титова, также принимавшего участие в распространении книги в Туле. И. П. Сахаров, другой историк тульского края, писал, что в 1830-х гг. в Туле было две книжные лавки — Титова и Персиянова, которые снабжали город новыми и старыми книгами.²² Здесь, видимо, идет речь о Степане Ивановиче Титове. Об этом человеке хочется сказать особо. Он принадлежал к славной плеяде ныне совершенно забытых скромных и неутомимых интеллигентов-разночинцев первой половины XIX в., своим трудом продвигавших вперед культуру русской провинции.

Мещанин по происхождению, С. И. Титов был человеком материально обеспеченным, имел собственный каменный двухэтажный дом с пристройкою, «состояние достаточное». Он арендовал казенную лавку в здании городского магистрата и всю свою жизнь посвятил книжной торговле. Несколько раз он терял состояние, но вновь и вновь приобретал книги и заводил торговлю ими.

29 июня 1834 г. в Туле произошел страшный пожар, от которого пострадала половина города. 5 сентября пожар повторился, превратя центральную часть города в руины. Общий убыток от двух пожаров достигал 14 миллионов рублей. В результате пожара С. И. Титов лишился почти всего своего состояния. Сгорел его каменный дом, стоимостью в 20 тыс. рублей, сгорела и книжная лавка, где по показаниям Титова погибло книг на 5 тыс. рублей.²³ Однако Титов быстро оправился от разорения, снова завел торговлю книгами, и уже в 1836 г. у него было книг «на российском языке суммою на 5 тыс. рублей» и иностранных книг на сумму около 1 тыс. рублей.²⁴

¹⁹ Ложный Петр III, или Жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева: Пер. с нем. М.: тип. Ф. Любия, 1809. Ч. 1—2.

²⁰ ГАТО, ф. 51, оп. 6, д. 564, л. 4.

²¹ Афремов И. Е. Историческое обозрение Тульской губернии. Тула, 1850, с. 68 (Приложения).

²² Сахаров И. П. Мои воспоминания. — Рус. архив, 1873, № 6, стб. 901.

²³ ГАТО, ф. 90, оп. 1, т. 15, д. 12147, л. 22 об. — 23, 63 об.

²⁴ Там же, ф. 51, оп. 19, д. 2678, л. 6 об.

Титов приобретал книги в Москве и Петербурге, часто выезжал туда и поддерживал постоянные связи со столичными книгопродавцами, подписывался на столичные издания. Например, подписался на 5 экземпляров «Истории русского народа» Н. Полевого.²⁵ Кроме «старых и новых книг» у Титова можно было приобрести и запрещенную царской цензурой литературу. Так, в марте 1833 г. и октябре 1834 г. в его книжной лавке производилась проверка книг по донесению о торговле Титовым запрещенными изданиями.²⁶ А в 1836 г. дело о книгопродавце Титове рассматривалось Правительствующим Сенатом. Титов обвинялся в покупке у санктпетербургского книгопродавца Диксона запрещенных иностранных книг и в торговле ими.²⁷ При обыске книжной лавки был обнаружен счет от Диксона и четыре запрещенные книги на французском языке. По указу Сената надлежало запрещенные книги конфисковать, лавку закрыть, а самого Титова выдержать под арестом при полиции одну неделю.

Однако предприимчивый книготорговец был готов смириться с собственным арестом, но не мог смириться с возможностью прекращения в Туле торговли книгами. Не дожидаясь исполнения сенатского указа, Титов передает свое дело родному брату, Николаю Ивановичу Титову. Частный пристав, которому было поручено исполнить указ Сената, был вынужден ограничиться только недельным арестом Титова и рапортом о том, что конфисковать и закрывать нечего, так как запрещенных книг у Титова не оказалось. Они были взяты у книгопродавца военным губернатором Тулы Штаденем. Лавки своей Титов также к тому времени не имел, так как имевшиеся в ней русские книги он продал за 5 тыс. рублей Николаю Ивановичу Титову с условием, чтобы тот арендовал вместо него казенную лавку и заплатил за Степана Ивановича его долг в 2 тыс. рублей. Книги же на французском, немецком и польском языках, всего 85 названий, составляющих 228 томов на сумму 823 рубля, С. И. Титов, «поставляя себе за счастье споспешествовать благому намерению о учреждении тульской Губернской публичной библиотеки», передал ей в дар.²⁸

Книжной торговлей в Туле в эти годы занимался Николай Иванович Титов.²⁹ Степан же Титов, не желая быть отстранен-

²⁵ П. Слевой Н. А. История русского народа. М., 1829. Т. 1. (прибавления).

²⁶ ГАТО, ф. 90, оп. 1, т. 15, д. 11630, л. 50.

²⁷ Там же, ф. 51, оп. 19, д. 2678, л. 1—3 об.

²⁸ Там же, л. 6; ф. 90, оп. 1, т. 17, д. 14059, л. 1—5; д. 13591, л. 5—6; т. 20, д. 15497, л. 31.

²⁹ Там же, ф. 90, оп. 1, т. 15, д. 11630, л. 181, 184; т. 18, д. 14488, л. 7, 8, 47 и далее; т. 19, д. 15060, л. 4.

ным от любимого дела, подал на имя государя жалобу и по вторичном рассмотрении его дела в Правительствующем Сенате был оправдан. Во временном общем собрании 1838 г. Правительствующий Сенат определил, что «к обвинению Мещанина Титова в торговле иностранными запрещенными книгами не представляется достаточных оснований».³⁰ Титов сумел доказать, что был оклеветан санктпетербургским книгопродавцем Диксоном в получении от него запрещенных книг, так как четыре французские книги, изъятые у Титова при обыске в 1836 г., не значились в числе запрещенных изданий (в целом), из них надлежало изъять лишь некоторые страницы. Кроме же этих книг, Титов никаких запрещенных изданий у Диксона не приобрел. Кроме того, Титов, по незнанию иностранных языков, в выборе книг полагался на совесть Диксона, производящего в Петербурге открытую книжную торговлю и не возбуждавшего никаких подозрений в продаже запрещенных книг. Сам же Титов поведение имел «одобрительное» и мещанским сословием Тулы дважды избирался «в добросовестные для оценки имуществ жителей Тулы и для удостоверения в необходимости просимаго ими пособия по случаю бывшего здесь пожара, что также ходатайствует в его пользу».³¹ В результате было вынесено постановление не считать понесенного Титовым наказания заслуженным, и ему разрешалось вновь заниматься книжной торговлей, что он незамедлительно и осуществил.

В 1839—1841 гг. братья Степан и Николай Титовы, видимо, производили книжную торговлю вместе, так как в подписках о недержании запрещенных иностранных книг этих лет встречается имена как Степана, так и Николая Титовых, однако нигде они не упоминаются вместе, что неизбежно случилось бы, имея они каждый свою лавку.³² Владеа немалым состоянием, Степан Иванович Титов в 1842 г. сумел стать купцом третьей гильдии.³³

В 1850 г. Степан Титов опять был уличен в продаже запрещенных книг, на этот раз у него в лавке было обнаружено 24 экземпляра изданного петрашевцами «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (вып. I, СПб., 1845). Книги были откуплены у Титова полицией «партикулярным образом», и наказания не последовало.³⁴

К этому времени купец С. Титов стал весьма уважаемым в городе человеком. В 1857 г. тульская Публичная библиотека

³⁰ ГАТО, ф. 51, оп. 19, д. 2678, л. 19—21.

³¹ Там же, л. 20 об.

³² Там же, ф. 90, оп. 1, т. 20, д. 15654, л. 4, 28 и др.

³³ Там же, ф. 118, оп. 1, т. 5, д. 7597, л. 6 об.

³⁴ Там же, ф. 90, оп. 1, т. 28, д. 22250, л. 1—2 об.

получила новое помещение, и произошло как бы вторичное ее открытие. Начальник Тульской губернии генерал-лейтенант П. М. Дараган разослал письма тульским писателям и просвещенным гражданам с просьбой пожертвовать книги для библиотеки. Такие письма получили Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, А. В. Сухово-Кобылин, детская писательница А. П. Зонтаг, писатель-краевед И. Е. Афремов. Получил также письмо и С. И. Титов. В нем начальник губернии называл Титова «образованнейшим из здешних граждан» и приносил уверения в почтении и преданности.³⁵ На это Титов ответил письмом, которое потом хранилось с письмами других жертвователей в библиотеке как «призательная память к ее просвещенным благотворителям»,³⁶ а также передачей в дар 115 томов книг 51 названия. Щедрый дар купца Титова был отмечен статьей в тульских губернских ведомостях (1857 г., 20 апр., № 16, с. 74). И в последующие годы Титов посылал книги в библиотеку.³⁷

В 1830-е гг. одновременно с Титовым книжную торговлю производил мещанин Евсигней Федорович Воронов. Заведя книжную лавку, вероятно, в 1834 г., он, торгуя в основном учебниками, продолжал свое дело более 20 лет.³⁸ В 1837—1841 гг. имел книжную лавку другой тульский мещанин — Прохор Васильевич Добрынин.³⁹

1846 г. был годом бурной книжной торговли в Туле. В недержании у себя запрещенных иностранных книг подписались книгопродавцы мещанин Семен Иванович Малинин, купец Степан Иванович Титов, мещанин Гаврило Гаврилович Попов, вольноотпущенный Василий Славин, мещанин Иван Родионович Бунотов и мещанин Евсигней Федорович Воронов.⁴⁰

В большинстве своем полуграмотные (разумеется, кроме С. И. Титова и Е. Ф. Воронова), пишущие с ошибками свои собственные фамилии, все эти «книготорговцы» занимались продажей книг весьма недолго: уже в 1847 г. книгами в Туле торговали только Титов и Воронов.

В первой половине XIX в. Тула была единственным центром распространения книг на всю Тульскую губернию. Ни книжных лавок, ни библиотек в других городах губернии не существовало. Однако на основании несомненных успехов в развитии книжной торговли в губернском городе — Туле в первой половине XIX в. можно сделать вывод, что книга в это время ши-

³⁵ ГАТО, ф. 90, оп. 1, т. 31, д. 25145, л. 19—19 об.

³⁶ Там же, л. 33—33 об.

³⁷ Там же, ф. 738, оп. 1, д. 3, л. 1—5.

³⁸ Там же, ф. 90, оп. 1, т. 15, д. 11630; т. 18, д. 14488; т. 19, д. 15060; т. 20, д. 15654.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, л. 366 об.

роко распространилась во всех слоях населения Тульской губернии. Это подтверждают и многочисленные находки книг с владельческими надписями конца XVIII — первой половины XIX в., принадлежавших библиофилам различных сословий. Благодаря просветительской деятельности таких подвижников книжного дела, как С. И. Титов и др., книга успешно распространялась в провинции. Именно такие люди несли знания в широкие слои населения, готовили почву для развития культуры в русской провинции.

НОВЫЕ НАХОДКИ

СЕКРЕТНОЕ ИЗДАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК 1748 г.

На заседании научно-методического совета отдела истории книги БАН СССР. 21 декабря 1982 г. сотрудник отдела Н. А. Копанев сделал доклад об обнаруженном им секретном издании Академии наук 1748 г.

Речь шла о политическом памфлете «Письмо шведского патриота другу в Голландию», продававшемся в 1749—1750-х гг. в Московской академической книжной лавке (*Lettre d'un patriote suédois à un ami en Hollande; datée à Stocholm le 21 mars 1748. Londres, Jean Nourse, 1748, in-8°*). Книга значилась в отчетах книжной лавки среди иностранных, «заморских» изданий, однако число поступивших в лавку экземпляров письма (68) настораживало, так как обычно для продажи в Москву посылались лишь по 2—3 экземпляра иностранных книг.

Изучение архивных материалов открыло истинное происхождение этого издания. В продажной ведомости Московской академической книжной лавки за 1750 г. на полях рядом с данными о реализации указанной книги убористым почерком было написано следующее: «Оных книг в посланных отседа реестрах незначится для того, что оныя книги печатаны при академии секретно и посланы особо при партикулярном письме» (ЛО ААН, ф. 3, оп. 1. № 1080, л. 200 об.). Это авторитетное подтверждение того, что издание не было заграничным, а было секретным изданием русской Академии наук, или, говоря иначе, книгой с измененным местом издания и издателем.¹

В докладе Н. А. Копанева было охарактеризовано содержание книги, состоящей из собственно письма «шведского патриота», занимавшего лишь незначительную часть издания, и интересной подборки писем, связанных с русско-шведской дипломатией середины XVIII в., а именно с отозванием из Швеции в 1748 г. русского посла барона фон Корфа. В письме от имени «шведского патриота» дается хвалебная характеристика русской политики по отношению к Швеции. Елизавета Петровна

¹ Два экземпляра книги хранятся в отделе редкой книги БАН СССР.

на, пятью годами ранее разбившая шведов, называется в нем не иначе, как «Великая повелительница», «Истинная Благотельница», «Истинная Освободительница». В то же самое время шведский король Фридрих за его настояния о высылке из Швеции фон Корфа обвиняется в том, что он «вверил свои чувства недобросовестным советчикам, которые нашли способ злоупотребить ими».

Подборка писем была призвана подтвердить основные положения письма «шведского патриота», т. е. доказать несостоятельность шведских претензий к русскому послу, равно как и миролюбие русской политики. В книгу входят следующие документы, пронумерованные в ней буквами латинского алфавита: А — Письмо шведского короля Фридриха к Елизавете Петровне от 17 января 1747 г.; В — Ответ Елизаветы Петровны Фридриху от 14 марта 1747 г.; С и D — Меморандум и Нота шведского посланника в России графа де Барка; Е — Список всех претензий шведской стороны к фон Корфу; F — Меморандум, переданный от имени России шведскому посланнику (подписан А. П. Бестужевым-Рюминым и С. М. Воронцовым); G — второе письмо Фридриха к Елизавете Петровне от 7 декабря 1747 г.; H — ответ Елизаветы Петровны от 1 февраля 1748 г.; I и K — Нота шведского короля от 30 декабря 1747 г. и ответ на ноту от 4 февраля 1748 г., подписанный А. П. Бестужевым-Рюминым и С. М. Воронцовым; L — Меморандум русского посла в Швеции фон Корфа «от... марта 1748 г.» (точная дата не указана).

Докладчик отметил, что секретное издание книги «Письмо шведского патриота другу в Голландию» вписывалось в общие методы русской дипломатии середины XVIII в., одной из характерных черт которой было использование средств массовой информации (объявлений в газетах, журналах и т. д.) в целях создания нужного ей общественно-политического мнения. Естественным было и то, что книга была издана Академией наук, так как академическая типография была самой мощной в России в середине XVIII в., а академическое начальство активно участвовало во внешней политике русского государства. Например, сам фон Корф до своего назначения послом в Швецию, долгое время был президентом Академии наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>А. А. Амосов.</i> Заметки о московском старопечатании. К вопросу о тиражах изданий XVI—начала XVII в.	5
<i>Н. Н. Розов.</i> О культурно-историческом значении рукописной книги после введения книгопечатания в России	13
<i>Н. Ю. Бубнов.</i> Книготворчество московских старообрядцев XVII в.	23
<i>Н. А. Копанев.</i> Распространение иностранной книги в Петербурге в первой половине XVIII в. (По материалам академических книготорговых каталогов)	38
<i>С. П. Луппов.</i> Типография Петербургской Академии наук в 1741—1765 гг. Новые данные.	54
<i>Л. И. Хотеев.</i> Библиотека создателя русского фарфора Д. И. Виноградова	72
<i>Д. В. Тюличев.</i> Продажа в Москве изданий Петербургской Академии наук в начале 60-х гг. XVIII в.	85
<i>В. А. Сомов.</i> Французская «Росси́ка» эпохи Просвещения и царское правительство. (1760-е—1820-е гг.)	105
<i>А. А. Зайцева.</i> Книжная лавка Академии наук в конце XVIII в.	121
<i>Т. П. Самсонова.</i> Корпус чужестранных единоверцев в Петербурге, его библиотека и типография. 1775—1796 гг.	136
<i>О. Е. Глаголева.</i> Книжная торговля в Тульской губернии в конце XVIII—первой половине XIX в.	149
Новые находки. Секретное издание Академии наук 1748 г.	158

РУССКИЕ КНИГИ И БИБЛИОТЕКИ в XVI—первой половине XIX в. Сборник научных трудов

Редактор Э. И. Кутасова

Сдано в набор 18.10.83 г. Подписано в печать 30.12.83 г. М—19453.
Формат 60×90/16. Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать.
Физ. печ. л. 10,00; уч.-изд. л. 10,07. Тираж 1300 экз. Заказ. № 180.

Цена 1 р. 60 к.

Издательский отдел Библиотеки АН СССР (199164. Ленинград, Биржевая л., д. 1).

Типография РПМ Библиотеки АН СССР (199164. Ленинград, Биржевая л.,

О П Е Ч А Т К И

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
66	2—3сверху	оставя на столе дру- гие важные	оставя другие, не столь важные
66	1 снизу	735	738
126	3 .	их	из

Сборник научных трудов